

Ж.-Л. Доменак, Хуа Шанмин

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИТАЕ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ.

Москва
«НАУКА»

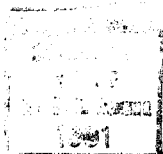
Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 60.59(5 Кит)
Д66

*Jean-Luc Domenach
et Hua Chang-Ming*
LE MARIAGE EN CHINE
Paris, 1987

Перевод с французского
и послесловие
Н. Б. Зубкова

Редактор издательства
Б. Е. Косолапов

Доменак Жан-Люк, Хуа Шанмин

Д66 Семейные отношения в Китае. Пер. с франц. и авт. послесл. Н. Б. Зубков. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. — 215 с.: ил. ISBN 5-02-016918-8

В книге рассматриваются различные аспекты семейных отношений в Китае после периода «культурной революции». Авторы интересуются такими проблемами, как сохранение традиционных обычаев (сватовство, свадьба, приданое и т. п.), а также проблемы разводов, повторных браков, обеспечение престарелых родителей и т. п. Исследование основано на данных прессы и материалах, собранных в КНР.

Д 0302030000-132 Без объявления
013(02)-91

ББК 60.59 (5 Кит)

ISBN 5-02-016918-8

- © Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1987
- © Перевод на русский язык и послесловие: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1991

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Этот труд явился следствием двух соображений. Первое состоит в том, что, несмотря на успехи последнего времени, социальная история остается бедным родственником среди исследований о народном Китае. Несколько лет назад, после многих блужданий и колебаний, специалисты пришли к относительно надежной оценке результатов, вызванных усилиями китайского коммунистического режима упрочить свою власть, обеспечить свою независимость и развить экономику страны. Значительно хуже известны гуманистические последствия этих усилий. Хотя Китай и открыт, все еще очень трудно измерить, насколько последовательна и попадает в цель политика, проводимая под руководством КПК.

Вторым соображением является убеждение в том, что в любом обществе брак занимает центральное место. Действительно, он находится на слиянии индивидуальных желаний и внешней необходимости: государственного контроля, экономических нужд, социальной структурализации. Это особенно верно для Китая, где традиция глубоко связала брак с социальной организацией. Стало быть, этот институт — необходимая цель любого революционного предприятия, и анализ его развития — лучшее средство пролить свет на социальную жизнь в Китае, равно как и на отношения между властью и личностью¹.

ВВЕДЕНИЕ

Современную практику семейных отношений нельзя понять без учета традиций, управлявших этими отношениями в императорском Китае. Речь идет не о том, чтобы изложить на нескольких страницах все формы семейных отношений, развивавшиеся от столетия к столетию и изменявшиеся от провинции к провинции, если не от деревни к деревне. Можно только пожалеть об отсутствии фундаментального исследования этой проблемы: общую историю семейных отношений в Китае еще предстоит написать. Однако основные черты этих отношений, как их можно уловить между XVI и началом XX в., легко наметить, и можно предположить, что местная практика уважает их дух. Прежде всего, в традиционном Китае более, чем где-либо, брак есть дело семьи, а не брачащихся. Твердо установленная цель брака — продолжение мужской линии в семье мужа и, таким образом, сохранение культа предков, который могут поддерживать только потомки мужского пола. Поэтому вкусы и чувства молодых людей не играют никакой роли в выборе супруга. Любое решение на сей счет принадлежит предшествующим поколениям, родителям и их родителям, и чаще всего мужчинам. Это привилегия и долг деда или отца — найти супругов сыновьям и дочерям своей семьи. Любовь молодых не принимается в расчет. Жениху и невесте даже не полагалось встречаться до свадебной церемонии. Однако супружеская любовь — не меньший долг и уважаемая ценность. Но в момент свадьбы сажают именно мощное дерево, чтобы оно крепло и развивалось, в то время как страсть — не более чем голубой цветок, который быстро вянет.

Концепция брака как договора между семьями не должна была бы нас удивлять, поскольку она свойст-

венна не только Китаю. Однако именно там она приняла особые и даже чрезмерные формы. Так, она придает особенную роль посреднику, без которого брак не мог бы состояться.

Сват или сваха, профессионал или любитель, устанавливает контакт между семьями и обговаривает условия помолвки, а затем и свадьбы. Во время церемонии, завершающей бракосочетание, посредник — лицо столь же важное, что и брачащиеся. Эта церемония не носит религиозного характера, и общественные власти не представлены в ней никоим образом. Тем не менее это публичная церемония, и она демонстрирует перед всеми — на уровне деревни — заключение договора и перемещение новобрачной в семью мужа, поскольку первейшим, длительно обсуждавшимся через посредника главами семейств условием соглашения является перемещение одного лица из одной семьи в другую. Женщине с рождения уготована судьба покинуть своих родителей, и паланкин, ожидающий ее дома в день свадьбы, чтобы доставить в жилище супруга, — символ этого перемещения. Новобрачная занимает самое низкое место в иерархии новой семьи. Она должна повиноваться и оказывать уважение свекрови и старшим по возрасту золовкам, не говоря уж о муже и других мужчинах — членах семейства. Со временем она поднимется на несколько ступеней, если произведет на свет сына. В ожидании этого она лишь рабочая скотина в сельских семьях или служанка в семьях богатых. Она должна безропотно сносить тяжелую работу и колотушки. Если ее существование становится невыносимым, традиция оставляет ей один выход — самоубийство.

Развод существует, но только мужчина может его потребовать. Он может развестись с женой под любым предлогом, особенно если она не рождает ему сына. Однако для развода имеются и некоторые ограничения, в частности если у женщины уже нет всей семьи или если она доказала свое дочернее почтение к покойным свекру и свекрови, достойно исправляя традиционные обряды. В этом случае ничто не мешает мужу сыскать себе «маленьких жен», наложниц, которых он покупает за деньги, если у него есть на это средства. Традиция терпит этих женщин как средство удовлетворения чувственности и оправдывает все, если у жены нет ребенка мужского пола. Институт наложниц не

отменяет института моногамного брака. Наложницы — не жены, их покупают. Их детей отнимают у них с самого рождения и передают жене, которую они будут называть своей матерью. Полигамия существует только в очень редких случаях и в отдельных местностях.

Моногамный брак рассматривается как обязательство, долг сыновнего почтения к родителям, дедам и предкам. Поэтому безбрачие — аномалия, за исключением служителей культа. Наложниц могут купить только богатые и облеченные властью. Числом их можно пренебречь. Развод, если он разрешен на описанных нами условиях, несомненно, тоже редок. Следовательно, нормальным состоянием для взрослого мужчины и взрослой женщины является моногамный брак. Исключение составляют вдовы, повторный брак которых осуждается неоконфуцианцами с XI в. Однако, кажется, это табу относится только к зажиточным слоям, и повторные браки вдов в других слоях населения были обычной практикой.

Скрепленное печатью соглашение между семьями о переселении новобрачной имеет, несомненно, и финансовый аспект. Обмен имуществом в натуре и деньгами идет в обоих направлениях: из семьи жениха во время помолвки и в обратном направлении во время свадьбы. Требуемые традицией подарки во время помолвки составляют «цену невесты». Они компенсируются приданым, поступающим с новобрачной. Ценность подарков к помолвке, как и ценность приданого, возрастает с социальным уровнем вступающих в брак. Впрочем, приданое играет важную роль в статусе вышедшей замуж женщины. Очень богатое приданое обеспечивает ей хорошее место в иерархии семьи супруга. Кроме того, традиция отказывает женщине во всяком праве на наследство, стало быть, приданое — это наследство, заблаговременно переданное в семейство мужа. Оно уравнивает «подарки к помолвке», и тем самым брак не предстает покупкой невесты. Это равновесие, однако, нарушается у самых неимущих семей и в самых бедных провинциях: «подарок к помолвке» выдерживается на относительно высоком уровне, в то время как приданое сводится к минимуму. В самом низу социальной лестницы находятся «девочки-невесты», которых отправляют в семью жениха еще до полового созревания без приданого.

Расходы в семье будущего мужа на их содержание расцениваются как подарок к помолвке, но девочка станет рабыней на много лет перед тем, как стать женой. Только лишенные всяких средств продают таким образом своих дочерей в рабство, вынужденные к этому голодом и нищетой.

Обычай сводит под одной крышей несколько поколений людей, носящих одну и ту же фамилию и находящихся под абсолютной властью мужчины из самого старшего поколения. Ибо если замужние дочери выходят из семьи, то сыновья остаются для продолжения рода. Но это — идеал, восхваляемый философами и властями империи. В действительности семьи разделяются чаще всего после смерти отца или старшего предка. «Весь дом» в среднем насчитывает не более десяти членов. Многопоколенные семьи — принадлежность обеспеченных классов, имеющих средства содержать под крышей отчего дома соответственно своему рангу несколько поколений детей, наложниц и многочисленных домашних слуг.

Разделение фамилии на отдельные семьи не препятствует сохранению тесных связей. Клан играет важную роль в традиционном Китае. Он обеспечивает взаимные помощь и поддержку, особенно в таких фамильных церемониях, как свадьбы и похороны. Он предоставляет своим членам деньги и собирает налог. Он руководит школой всей фамилии. Он улаживает конфликты путем арбитража, дабы избежать вмешательства юстиции, и дает коллективные гарантии. Иными словами, клан является посредником между индивидуумами и публичной властью; юстицией, полицией или сборщиком налогов. Клан — это институт традиционного Китая, который современные концепции хотят восстановить во имя прав как государства, так и личности.

Уже первые пробы политических реформ в конце существования императорского Китая сопровождались проектами реформ социальных, в том числе реформы брака. На рубеже века реформаторы вдохновлялись пришедшими извне идеями. В философские рамки этих идей входила и эмансипация женщин. Налиествовал и патриотический мотив: женщины рожают и воспитывают молодые поколения, которые защитят Китай от империалистической агрессии. Неоднократные военные поражения императорской власти укре-

пили патриотическое течение. Начиная с образования республики в 1911 г. ее руководители мыслили реформу семейной системы как элемент реформы общества и страны. Смягчение политического режима китайской родины, наконец восстановленной после падения маньчжурской монархии, должно было дать место смягчению режима в клане и семье. Такие взгляды были развиты в Гражданском кодексе; к его составлению приступили в 1907 г., но в своей окончательной форме он появился лишь в 1931 г. Между этими датами, особенно вслед за мощным движением национального и культурного обновления 4 мая 1919 г., идеи эмансипации получили широкое распространение среди образованных людей. Однако носители этих идей разделились: в то время как одни критиковали сам принцип конфуцианской семьи, другие рекомендовали лишь ее реформу.

Китайские коммунисты разделяли идеи эмансипации, когда они подошли вплотную к реформе брака. В их рядах были активистки женского движения. Первый официальный текст на эту тему был сформулирован в 1931 г. властями Советов в провинции Цзянси, основанных Мао Цзэдуном после поражения восстания «Осеннего урожая». Но окружение Советских районов Цзянси войсками националистов заставило Красную армию рассеяться (1934). После Великого похода силы коммунистов были восстановлены в нескольких зонах Северного Китая. Во время второй мировой войны каждый из этих «освобожденных районов» имел свой закон о браке; их было, по-видимому, не менее десятка. Наконец, в 1950 г. закон о браке стал одним из первых законов, изданных новым режимом.

Многочисленность этих текстов достаточна, чтобы доказать, какое значение китайские коммунисты придают реформе брака и семьи. В течение многих лет борьбы это был рычаг для переворота установленного порядка в образе мышления, в обществе и системе производства и собственности. Это также идеологическое оружие в противоборстве с националистами, исключительное средство пропаганды, это призыв ко всем молодым людям и ко всем женщинам, которые не приемлют своей судьбы, которые восстают против брака, подготовленного их родителями, или против полного подчинения мужу и его семье.

После победы и установления Народной республики новая тема занимает свое место среди идеологических целей реформы брачных отношений. Эмансипация женщин должна была также стать средством высвободить значительную рабочую силу, до того мало используемую для строительства социализма: труд женщин. Закон о браке 1950 г. торжественно провозглашает социальные принципы:

Упраздняется феодальная система брака, произвольная и авторитарная, основанная на превосходстве мужчины над женщиной и на безразличии к судьбе детей. Будет введена система брака, основанная на свободе для мужчины и женщины избирать друг друга в супруги, на моногамии, на равенстве прав полов и на защите законных интересов женщины и детей.

Среди прав, в отношении которых закон утверждает равенство полов, прямо называется «право участия в труде и производстве».

Закон о браке 1950 г. представляет собой текст замечательно короткий, если принять во внимание сложность затрагиваемых им проблем: заключение брака, семейные отношения, охрана детства, развод. Закон содержит всего 27 статей (в большинстве по несколько строчек), покрывающих многие главы нашего Гражданского кодекса. Но это не Гражданский кодекс, которого Китай никогда и не имел: только в январе 1987 г. были введены в действие «Основные принципы Гражданского кодекса». Содержащиеся в законе формулировки принципов имеют достаточно большие пробелы, что позволяет властям на местах втискивать в них требования политической линии данного момента, а отдельные лица не в состоянии оспаривать их решения по букве закона. Наиболее показательным в этом отношении положение с разводом. Закон 1950 г. разрешает развод по требованию обоих супругов или одного из них, «если он настойчиво его требует», а попытки примирения окончились неудачей. Закон не указывает никакой конкретной причины как основания для развода. Он может, таким образом, показаться либеральным, однако в действительности практика судов, на которые возложена обязанность его применения, свидетельствует, что умолчание в тексте закона дает полную свободу рук для судей, могущих или утвердить развод, или отказывать в нем.

При этом они руководствуются «внутренними указаниями», которые получают из министерства и которые народ не знает. Таким образом, в зависимости от политической линии данного момента тот или иной мотив может быть признан подходящим или непригодным, а развод будет делом легким или трудным.

Закон о браке 1950 г. предусматривает, что супруги должны зарегистрировать свой брак у местных административных властей. Эта процедура, которая кажется совершенно нормальной жителям Запада, для Китая — новость. Законодательные акты о браке, введенные в действие коммунистическими властями в освобожденных районах, уже предусматривали его официальную регистрацию, в то время как Гражданский кодекс националистов не содержал никаких положений на этот счет. Такая регистрация предстала как вмешательство властей в дело, до того рассматриваемое как чисто семейное, и являлась по меньшей мере такой же гарантией брака для супругов, что и традиционные формы образования семьи. Практика последующих лет показала, что регистрация брака фактически явилась средством контроля, подчиненным, как и развод, внутренним директивам и политической линии партии. В зависимости от периода, брак или разрешается желающим вступить в него, или в нем отказывают, следуя официальной линии в политической или демографической сфере.

Спустя 30 лет после провозглашения Народной республики закон о браке был заменен другим аналогичным документом, принятым в сентябре 1980 г. и введенным в действие 1 января 1981 г. Этот документ отличается от Закона 1950 г. лишь несколькими важными пунктами. Главный из них касается контроля над рождаемостью, что Закон 1950 г. полностью игнорировал. Слабо применяемый во время «культурной революции», контроль над рождаемостью приобрел в 70-е годы приоритетное значение. Закон о браке 1980 г. отразил это, утверждая, что «супруги обязаны проводить планирование семьи». В том же круге представлений законный возраст для вступления в брак был поднят с 20 до 22 лет для мужчин, с 18 до 20 — для женщин. Мы увидим, впрочем, что законный возраст не имеет никакого практического значения и соблюдается не всегда.

Закон 1980 г., как и Закон 1950 г., предусматрива-

ет обязательную процедуру примирения в случае развода. Эта процедура зависит от произвола внутренних указаний, но новой закон все-таки оговаривает, что «если чувственные связи действительно порваны и попытки примирения остаются безрезультатными», то суд должен постановить развод; это, безусловно, некоторое смягчение (ранее существовавшего положения).

Наконец, Закон 1980 г. гораздо более четко, чем Закон 1950 г., оговаривает обязанности членов семьи по отношению друг к другу. Он воспроизводит принцип, по которому «родители должны взрастить и воспитать своих детей; дети должны поддерживать своих родителей и помогать им», распространяя его на отношения между дедом и бабушкой и внуками или между братьями и сестрами, если родители умерли. Закон разъясняет этот принцип, предусматривая возможность обратиться к правосудию, если соответствующие обязанности не соблюдаются. Поскольку в Китае нет ни целостной системы социального обеспечения, ни общих положений об отставке и уходе на пенсию, эти с виду бесцветные статьи имеют существенное практическое значение. Возлагая на семью тяготы забот о своих более слабых членах, Закон 1980 г. открыто признает неспособность коллектива взять их на себя. Следовательно, закон укрепляет семейную структуру, в то время как предшествовавшие документы стремились ее ослабить. Точка зрения руководителей Коммунистической партии Китая на этот счет, стало быть, существенно эволюционировала.

Закон есть одно из средств политики, выражающей себя в директивах, пропагандистских кампаниях по «воспитанию», отражением которых являются передовые статьи китайских газет. И следить за политической линией коммунистической партии можно скорее не по эволюции законов, а по лозунгам и крупным заголовкам прессы. Ну а действительность? Повседневная жизнь? Следует ли она модели, предлагаемой ей политикой? Практика брака и семейной жизни является областью не политологии, а социологии. Чтобы уловить их, нужно изучать как отдельные факты, так и статистику по отдельным районам и различным слоям общества. Эта работа может идти хорошо только внутри страны. Но для этого еще нужно, чтобы в Китае имелись социологи. Однако марксистско-ленин-

ский подход, который определял общественные науки, в течение длительного времени запрещал исследования, не отражавшие точно пожеланий партии; тем более была нежелательна публикация результатов исследований. Социология в целом была на подозрении вплоть до 1979 г. Постоянные провалы в экономическом плане, драмы, происходившие на почве коллективизации, и особенно демографическая проблема привели в конце концов к некоторому осознанию того факта, что реальность не следует строго навязываемым моделям. Социологи, чувствуя себя в безопасности, могут, следовательно, начать работать, не думая о том, что частица правды, таящаяся в фактах, может войти в противоречие с коммунистической идеологией. Однако «культурная революция» духовно стерилизовала целый возрастной слой, а его смена только начинает выходить из университетов. Статьи журнала «Шэхуэй», выходящего в Шанхае с 1981 г., показывают, что работы на этом поприще остаются скорее исключением, чем правилом. Достоверность публикуемых статистических сведений остается сомнительной. Затрагиваемые сюжеты весьма ограничены. Необходимо, чтобы прошло какое-то время, дабы увидеть, какое направление примут социологические исследования в Китае.

Западным исследователям, интересующимся китайским обществом, работа в данной области практически почти недоступна. Большинство сюжетов, которых они могли бы коснуться, слишком чувствительны в политическом отношении, чтобы исследователи могли увидеть что-либо иное, кроме некоторых витрин, специально для них подготовленных. Тем не менее они располагают одним источником информации, пренебрегать которым не следует: сведениями, доставленными беглецами из континентального Китая в Гонконг. Систематические интервью этих беглецов дали возможность американским социологам изучать социальную и экономическую жизнь Китая, особенно сельского, почти недостижимого для иностранцев. Уильям Пэриш и Мартин Кинг Уайт смогли таким путем найти материалы для своей книги «Деревня и семья в современном Китае»¹. Несмотря на обилие интервью с беглецами, значение их ограничено провинцией Гуандун, откуда происходит большинство беженцев. Поэтому социальная жизнь миллиарда мужчин и жен-

щин, живущих вдали от южного побережья, должна экстраполироваться по нескольким гуандунским случаям.

Если научные данные редки, то информация о повседневной жизни в Китае после 1978 г. стала более обильной. Действительно, хотя весеннее демократическое движение в Пекине («Пекинская весна») длилось лишь несколько месяцев, сопровождавшее его литературное движение продолжалось, принимая различные формы, к которым власти относились более или менее терпимо. Так, существует неореалистическое течение, обличающее пороки и беды повседневной жизни, которое разрешено с расчетом, что ответственность за эти пороки и беды можно отнести на счет «Банды четырех» и «культурной революции». В этой литературе отведено место семейной жизни, проблемам чувств и пола, браку. Мы широко ею пользовались. Эти вопросы косвенно освещаются и в репортажах некоторых газет, а также в письмах читателей — они уже не являются исключительным творчеством бюрократов, которым специально поручено заполнять эту рубрику. Мы перевернули некоторое количество журналов и газет, большей частью свежих, в которых проблемы брака, положения женщины и семейной жизни освещаются регулярно. Один из самых либеральных и открытых среди них — «Миньчжу юй фачжи». Его в 1984 г. критиковали за то, что он представляет «только негативную сторону общества». Этот журнал выходит в Шанхае с 1979 г. и касается множества юридических проблем с точки зрения практической жизни. Его издатели выпустили также сборник статей «Сто случаев, относящихся к браку», кратко излагающих дела, рассмотренные судами Шанхая и соседних провинций. Эти публикации адресованы прежде всего судебным властям. Тот же характер имеет и журнал «Чжунго фачжи бао», издаваемый министерством юстиции. В этом еженедельнике публикуются официальные тексты законов, но он уделяет место и репортажам, анализу конкретных дел и письмам читателей, которые ставят юридические проблемы, извлеченные из повседневной жизни.

Мы располагаем также выписками из статей о браке и семейной жизни, опубликованных в таких имеющих самый большой тираж журналах и газетах, как «Жэньминь жибао», ежемесячники «Чжунго цин-

нянь» и «Чжунго фунюй». Особенно интересен двухнедельный бюллетень «Баньюэ тан», предназначенный, вероятно, для сельских кадровых работников; журнал этот очень конкретно рассматривает различные сюжеты, которые «низовые» кадры должны решать, и среди них проблемы брака и повседневной жизни. Но, ссылаясь на них, нельзя забывать, что эти публикации санкционированы либо партией, либо организациями, непосредственно ей подчиняющимися, как Союз молодежи, издающий «Чжунго циннянь», или Федерация женщин, издающая «Чжунго фунюй». Впрочем, ни один из названных выше источников не может считаться «независимым». Тем не менее юридические казусы, дела, о которых сообщают газеты, вопросы, которые задаются читателями и в литературных фельетонах, указывают на возникающие проблемы и на решения, которые китайские власти, чаще всего местные, желают принять. Мотивы, выставляемые отдельными лицами или семьями, не обязательно идут в направлении, желательном центральной власти. Их стратегия в отдельных случаях противостоит властям, чтобы окончиться компромиссом, могущим удивить западные умы. Реальность, всплывающая из свидетельств, даже пропущенных через заслоны, воздвигаемые опекающими прессу властями, часто довольно далека от принципов, утвержденных законом, и поставленных партией целей. Именно эту реальность мы и пытаемся извлечь наружу. Наше исследование отнюдь не носит статистического характера. Через индивидуальные случаи и истории отдельных семей мы все же пытаемся определить отношения между их стратегией и политической властью и таким образом пролить некоторый свет на малоизвестный мир — китайское общество.

СВОБОДА ПОД СТРОГИМ НАДЗОРОМ

Чтобы понять эволюцию семейной жизни в Китае в недавнем прошлом, надо сначала задаться вопросом о природе и эффективности официальной политики в этой области. Коммунистический режим желает полностью смоделировать общество в соответствии со своими собственными целями, которые, считает он, отвечают народным чаяниям. В самой отвлеченной форме это резюмируется как переход к социализму, а затем к коммунизму. На практике этот переход связывается не только с теми или иными важными преобразованиями — он прежде всего ведет к значительному распространению политической власти на все стороны социальной жизни, в том числе и на частную жизнь отдельных лиц¹.

Однако китайская история исключительно многовариантна сравнительно с приведенной выше теоретической схемой. Эта многовариантность определила как ориентацию режима, так и его давление на общество. Политическая история последних четырех десятилетий может быть разделена на три периода. До 1957 г. под влиянием советского образца Коммунистическая партия Китая (КПК) была занята преимущественно созданием важных институтов, индустриализацией и социализацией экономики. После весьма жестоких чисток и реформ, имевших целью разрушить социальную базу предыдущей власти (например, аграрная реформа), общество постепенно стало испытывать последствия политических и экономических преобразований: усиление власти КПК, урбанизацию, коллективизацию сельского хозяйства.

Начиная с 1958 г. политическая жизнь Китая была потрясена утопическими кампаниями Мао Цзэдуна и развивалась в ритме провалов этих кампаний: сначала экономическая катастрофа «большого скачка» (1958—1962), террор и беспорядки

«культурной революции» (1966—1969), фракционные дискуссии и социальная деморализация в последующий период (1969—1976). В целом эти кампании политических мобилизаций, видимо, укрепили власть коммунистической партии над обществом.

Смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. означала важный перелом и начало третьего периода. Учитывая, что маоистские ошибки задержали экономическое развитие и угрожали политическому единству страны, Дэн Сяопин провел в 1978 г. две серии крупных изменений в политической линии режима. Прежде всего, он возвратился к более умеренным и более стабильным механизмам, которые были созданы и действовали в 1950—1957 гг. Это предполагает, между прочим, ограничение политического давления, восстановление юридического аппарата и возобновление усилий по кодификации, прерванных в 1957 г. Во-вторых, главной целью режима Дэн Сяопин определил модернизацию экономики.

Этот выбор оказал существенное влияние на социальную политику. Действительно, чтобы побудить население к производству, правительству следовало пойти ему на ряд уступок: повышение заработной платы, улучшение жилищных условий и продовольственного снабжения, смягчение дисциплины, повышение закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и, в последние годы, деколлективизация деревни.

Не помешали неудержимой социальной разрядке и продолжавшееся подавление политического разномыслия, повторяющиеся кампании против преступности или объявленная в 1983 г. кампания против «духовного осквернения».

Однако эта разрядка непрочна. Действительно, если коммунистическая партия и смягчила свою политику, она продолжает надзирать за жизнью общества и контролировать ее при помощи сохраняемых ею могучих средств: партийных органов и администрации, полиции и армии, пропаганды и контроля экономики. Партия продолжает рассматривать закон и юридический аппарат как инструменты своей политики. Даже если режим считает полезным проводить ее не так, как в прошлом, он сохраняет огромную власть над жизнью общества, в частности над семейными отношениями.

*Закон о браке
и практика административных органов*

Чтобы определить официальную политику, мы цитируем сначала «общие положения» Закона о браке Китайской Народной Республики, принятого 10 сентября 1980 г. Третьей сессией Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва:

Ст. 1. Настоящий закон определяет основные принципы, управляющие матримониальной системой и отношениями между членами семьи.

Ст. 2. Применяется система брачных отношений, основанная на свободном решении двух сторон, на единобрачии, на равенстве прав обоих полов.

Охраняются права и законные интересы женщины, ребенка и престарелых родителей.

Применяется планирование семьи.

Ст. 3. Запрещаются брак по решению семей, брак по расчету и любые браки, нарушающие свободу заключения брака, равно как и любые поборы при вступлении в брак.

Запрещается двоеженство. Запрещаются в отношениях между членами семьи плохое обращение и оставление в беспомощном состоянии².

За исключением одной фразы, впрочем неясной, о планировании семьи, этот текст близок к тексту Закона 1950 г.

Следующие статьи вносят уточнения относительно законного возраста для вступления в брак (который повышен на два года) и запретов вступления в брак по состоянию здоровья:

Ст. 5. Минимальный возраст для вступления в законный брак устанавливается в 22 года для мужчин и 20 полных лет для женщин. Поощряется позднее вступление в брак и позднее рождение ребенка.

Ст. 6. Не разрешается вступление в брак ни мужчине, ни женщине в одном из следующих случаев: 1. Если между двумя сторонами имеется родство по прямой линии или родство по боковой линии до третьей степени родства; 2. Если одна из сторон болеет проказой, которая не излечена, или страдает любой другой болезнью, делающей это

лицо, по заключению врачей, неспособным к браку.

Супруги должны «лично» предстать в бюро регистрации, что должно воспрепятствовать заключению браков, устроенных родителями по китайской традиции:

Ст. 7. Для выполнения формальностей по заключению брака будущие супруги должны лично обратиться в бюро регистрации браков для соответствующей записи. Если просьба отвечает условиям настоящего закона, брак регистрируется и бюро выдает свидетельство о браке. С вручением названного свидетельства их брачный союз установлен.

Таким образом, бюро регистрации обязано «проверить, отвечает ли просьба условиям» закона. Как конкретно происходит эта проверка? Цитируя внутренние указания администрации, «Жэньминь жибао» уточняет, что кандидаты на вступление в брак должны обратиться в бюро регистрации по месту жительства одного из них; в сельской местности — в контору народной коммуны. Они представляют свидетельство о месте жительства, а также документ с места работы, удостоверяющий дату их рождения, национальность и семейное положение. Они заполняют вопросник и, вероятно, отвечают на устные вопросы. Регистрация брака производится только после такого экзамена и возможных проверок. Фактически эта процедура может длиться несколько месяцев³.

Итак, существует определенный контраст между относительно расплывчатым законом и уточнениями инструкций, предназначенных для внутреннего употребления (которые можно легко изменять). Сверх того, в процедуру регистрации вмешиваются многие административные органы: разумеется, бюро регистрации, но также и органы гражданского состояния и производственных единиц. Следовательно, контроль над заключением брака — это механизм общественного контроля в целом. Это типичное создание коммунистической власти. По китайской традиции, брак считается делом исключительно внутрисемейным. Однако начиная с первых китайских Советов, с начала 30-х годов, коммунисты ввели формальности регистрации. Они действовали так не только для того, чтобы сделать законодательство более эффективным, но прежде

всего чтобы укрепить власть государства за счет власти главы семейства⁴.

Отметим, однако, что административная процедура регистрации не касается исключений, предусмотренных во втором абзаце ст. 6 о состоянии здоровья, поскольку эта статья не делает обязательным добрачное освидетельствование. Последнее рекомендуется прессой, но специальные центры существуют лишь в нескольких крупных городах⁵. Следствием такого положения явилась возможность для чиновников бюро регистрации, зачастую некомпетентных в сути дела, ставить вопрос о «медицинском разрешении», что вызвало впоследствии просьбы о разводе из-за физических недостатков⁶.

В городах применение названной процедуры носит общий характер, что не исключает эксцессов и беспорядков. Зато она менее постоянна в сельской местности. Случается, что крестьяне просто пренебрегают регистрацией своего брака:

В сентябре 1971 г., сообщает кадровый работник из провинции Хубэй, один из моих давних товарищей-одноклассников познакомился по рекомендации с одной крестьянкой из уезда Цзигуй. В том же году с согласия родителей с обеих сторон, но не делая заявления о регистрации брака, они начали вести общее хозяйство и оформили перемену местожительства жены. После того оба живут в полном согласии и имеют двоих детей.

В августе 1978 г. жена возвратилась к своим родителям. В сентябре 1979 г. она написала моему товарищу, предложив развод и добавив, что она уже официально вышла замуж за другого мужчину. Узнав об этом, ее мать осудила повторный брак, но она отклонила ее советы и пригласила кадровых работников своей бригады на банкет, чтобы получить свидетельство и зарегистрировать свой брак с другим крестьянином...⁷.

Видимо, в этом сельском районе допускается не регистрировать брак: не только родители принимают это нарушение закона. Но, вопреки ему, молодая женщина без затруднений осуществляет перемену местожительства и семья производит на свет двоих детей, не считая нужным это «урегулировать»⁸. Другие источники подтверждают частоту такого феномена в не-

которых сельских районах. Как только получено согласие родителей и справлен праздник, супруги считаются поженившимися. В 1981 г. в глубине провинции Гуйчжоу не были зарегистрированы 40% супружеских пар⁹.

Последняя часть рассказа свидетельствует, однако, о том, что некоторые крестьяне умеют призывать закон, когда он им служит. Действительно, молодая женщина использовала законную процедуру, чтобы навязать матери свой вторичный брак, который та не одобряла.

Наконец, намек на банкет, предложенный кадровым работникам, заставляет предположить, что последние не неподкупны в этом деле (если бы они были настроены враждебно или даже строго по отношению к молодой женщине, они могли отказать ей в узаконении брака, мотивируя это тем, что она уже находилась замужем де-факто).

Китайская печать не скрывает числа и многообразия нарушений административных инструкций в сельской местности. Она сообщает, что браки, подготовленные семьями, легко получают санкцию законных властей:

Собирая материал для основного репортажа, мы обнаружили несколько бригад и народных коммун, в которых процедура регистрации брака проводится недостаточно серьезно. Необходимое условие для регистрации — чтобы мужчина и женщина делали это совершенно добровольно. Однако в некоторых бригадах достаточно одной стороне подать заявление, чтобы оно было передано в коммуну; та рассматривает регистрацию не более серьезно, поскольку она утверждает брак в присутствии только одного супруга или представляющих его других лиц.

В коммуне лицо, ответственное за регистрацию, твердо не определено: сегодня это секретарь партийного комитета, завтра — какой-либо помощник или телефонист. Поскольку процедура регистрации не зафиксирована, некоторые действуют в обход закона, так что бывают случаи, когда люди требуют развода, в то время как они еще не были даже женаты. В одной из бригад уезда Цзи, в которой двое молодых людей встречались друг с другом, бригада и коммуна зарегистрирова-

ли брак по единоличному заявлению парня и выдали ему удостоверение. Оказалось, однако, что девушка не захотела вступать с ним в брак. Она даже категорически отказалась поставить свой отпечаток в книге регистрации браков. Коммуна не нашла другого решения, как дать ей развод¹⁰.

Власть производственной единицы

Следует признать, что несовершенство администрации часто компенсируется мощным контролем со стороны производственных единиц. Производственная единица, *даньвэй*, — это основная шестеренка в механизме китайского общества. Это прежде всего место, где осуществляется трудовая деятельность каждого: производственная бригада в сельском хозяйстве, промышленное предприятие, административная контора. Но это также ячейка, от которой зависят материально, поскольку она распределяет помимо заработка многие важные блага: премии, талоны на питание, жилище. И наконец, это основная ячейка социального контроля и политической мобилизации. С помощью специализированных секций (особенно безопасности и кадров) партийный аппарат каждой *даньвэй* следит за профессиональным, моральным и политическим поведением каждого лица. Мощные средства, которыми он располагает, позволяют ему вмешиваться путем поощрений или санкций в частную жизнь своих членов. Так, замеченный в плохом работник будет сначала «предупрежден», потом его оштрафуют, и, наконец, он будет отставлен от работы и подвергнут «критике масс».

В период политических кампаний власть *даньвэй* над ее членами часто трансформировалась в тиранию. До 1976 г. многие производственные единицы имели собственные тюрьмы.

В области, относящейся к браку, закон не признает за *даньвэй* никакой особой роли. Именно инструкции о применении закона требуют от каждого кандидата в супруги аттестации из производственной единицы, предназначенной подтвердить, что он отвечает требуемым условиям. Но производственная единица в принципе не имеет права помешать или задержать

路 障

叶景文

Подпись: «Брак по сговору» и «вето властей» преграждают путь машине с надписью: «брак по свободному выбору».
«Сатира и юмор». 20.01.1983.

представление запроса о регистрации¹¹. Однако столь мощный орган не колеблется в возможности повлиять на семейную жизнь своих членов. Его вторжения в брачные отношения были особенно многочисленны и жестоки во время «культурной революции». Вот, например, свидетельство о преследовании любви двух крестьян из провинции Ляонин:

В 1970 г. в бригаде Саньдао народной коммуны Фуцзя (уезд Тайань) молодая крестьянка двадцати лет Ван Миньхуэй, член комсомола (и дочь кадрового работника государства, члена партии), встретила на своем рабочем месте Цзи Цзяньпина, крестьянина ее бригады, отец которого считался давним контрреволюционером, и влюбилась. Оба:

были помолвлены 1 октября 1971 г. Однако семья Ван всеми силами стала противиться этому браку; полагая, что дочь кадрового работника государства, члена компартии ни в коем случае не может стать женой сына контрреволюционера, ее семья отчитывала и бранила Ван Миньхуэй. Тетка Ван Миньхуэй даже сама отправилась к тогдашнему секретарю бригады Чжан Хуншэню, родственнику семьи Ван... чтобы он вмешался. Чжэн Хуншэнь строго отчитал Ван Миньхуэй, обязал партячейку бригады создать для нее так называемую школу изучения и исключил ее из комсомола. Однако Ван Миньхуэй не подчинилась. Тогда Чжан Хуншэнь стал настаивать на том, чтобы она избрала себе другого мужа.

Через несколько месяцев, поскольку Ваны и Чжан Хуншэнь упорствовали в желании оформить другой брак, Ван Миньхуэй убежала с Цзи Цзяньпином в Хэйлунцзян... где они поселились и прожили 20 месяцев.

В мае 1974 г. оба супруга вернулись на родину. Много раз они обращались к Чжан Хуншэню и другим с просьбой о регистрации их брака, но каждый раз встречали отказ. В марте 1975 г., используя на этот раз предлог «ведения классовый борьбы в семейных отношениях», Чжан Хуншэнь и ответственные лица из трудового отряда, расположенного в народной коммуне Синьтай, приказали милиции доставить силой Цзи Цзяньпина и его жену в контору бригады, чтобы посадить их в тюрьму и подвергнуть публичной проработке. В это время Ван Миньхуэй была на восьмом или девятом месяце беременности. Несмотря на это, Чжан Хуншэнь и другие жестоко заставляли ее носить кирпичи и перетаскивать тяжелые грузы; иногда, чтобы сломить ее, они заставляли ее ночь напролет писать самокритику. Наконец, они отправили Ван Миньхуэй под конвоем милиционеров в уездную больницу для насильственного аборта. Ван Миньхуэй удалось избежать этого несчастья только потому, что она, вся в слезах, объяснила врачам свое положение. Не сумев заставить сделать аборт, Чжан Хуншэнь упросил Лю Хуаньцина, который был тогда секретарем парткома народной коммуны, перевести Ван Миньхуэй и Цзи Цзяньпина в

контору коммуны для разбора их дела. Лю Хуаньцин приказал начальнику отдела безопасности коммуны заняться этим делом. В третий день третьего месяца по старому календарю Ван Миньхуэй родила девочку. Едва она успела взглянуть на свое дитя, как оно было отдано кому-то другому. Сначала ребенка отдали в одну семью той же коммуны, потом Лю Хуаньцин, Чжан Хуншэнь и другие отправили его дальше. Но насильственное разрушение их брака и эти беспощадные преследования не вразумили Ван Миньхуэй и Цзи Цзяньпина. Они не переставали жаловаться органам власти всех ступеней и юридическим инстанциям на преступления Лю Хуаньцина и Чжан Хуншэня и требовать у партии и правительства защиты. В июле 1975 г. Ван Миньхуэй отыскала Цзи Цзяньпина на кирпичном заводе коммуны, где он должен был работать под надзором, и они решили обратиться со своим делом в столицу. Оба сначала поехали в Тяньцзинь, к родителям Цзи Цзяньпина, чтобы выправить необходимые для ведения дела документы. Лю Хуаньцин дважды отправлял для их поимки в Тяньцзинь людей, снабженных револьверами и наручниками, а также сопроводительным письмом отдела общественной безопасности уезда. В органе общественной безопасности Тяньцзиня эти люди заявили: «Ван и Цзи — убийцы, они бежали, чтобы скрыться от наказания за свое преступление». Благодаря полученной ими в результате этой лжи помощи люди Лю и Чжана сумели захватить супругов и вернуть их в Тайань. По их прибытии в народную коммуну Лю Хуаньцин принялся избивать Цзи, браня его: «Подлец, ты смеешь посылать заявления против властей моей коммуны Фуцзя, это поистине верх наглости!» Затем он надел на него наручники и избивал его три вечера подряд.

После разгрома «Банды четырех» Ван Миньхуэй и Цзи Цзяньпин направили в руководящие органы всех степеней более 30 писем, в которых просили о помощи и разоблачали нарушения закона, совершенные Лю Хуаньцином и Чжан Хуншэнем. Только в июне 1978 г. нерасторжимая чета смогла наконец оформить свой брак в народной коммуне Синьтай¹².

Даже в таком крайнем случае власть производственной единицы над индивидуумом оказалась не тотальной. Партийный секретарь вмешивается по просьбе семьи Ван Миньхуэй, а двое влюбленных дважды ускользают от него. Однако он по политическим соображениям считает себя вправе применить к ним физическое насилие. Именно это разоблачает рассказ, предназначенный, как и многие другие, дискредитировать эксцессы «культурной революции». Кажется, ныне подобные эксцессы встречаются реже. Давление производственной единицы менее политизировано, более скрыто и менее жестко. В приводимом ниже примере оно даже закончилось поражением:

В 1969 г. барышня Ли, молодая ученица одного из шанхайских заводов, стала встречаться с одним из своих коллег, юношей Цю. Они тайно сняли жилое помещение и начали незаконно сожительствовать. Спустя месяц с небольшим муж был арестован органами безопасности и обвинен в воровстве. Тогда жена, аннулировав договор о найме помещения, возвратилась к своим родителям и вскоре родила ребенка.

Через несколько месяцев Цю вышел из тюрьмы и вернулся на завод. Однако девушка отказалась снова жить с ним и даже продолжать любовные отношения. Это повлекло за собой постоянные споры. Дело стало известно дирекции завода, применившей к женщине административную санкцию — поставив ее под наблюдение. Некоторые кадровые работники полагали, что, так как молодые люди уже жили как муж и жена, их следует заставить зарегистрировать брак. Несмотря на отказ девушки, они настаивали на этом. С 1975 по 1976 г. она несколько раз обращалась в суд с просьбой посчитать ее положение. Но когда в 1977 г. было нужно пересмотреть ставки заработной платы части рабочих, один кадровый работник цеха заявил ей: «Если ты не согласишься зарегистрировать свой брак после своего поступка, ты на этот раз не получишь прибавки». И женщина была вынуждена пойти зарегистрировать свой брак в отделе гражданского состояния. После этого супруги продолжали жить раздельно и часто спорили о том, кто должен нести расходы на содержание ребенка, тем более что женщина подала

на развод. Некоторые кадровые работники завода воспротивились этому под предлогом, что она вела себя некорректно (так как она встречалась с другими мужчинами перед тем, как зарегистрировать брак). Хотя мужчина знал, что их отношения никак не могут улучшиться, он отказывал в разводе. Эта история продолжалась более трех лет, до тех пор пока наконец суд не утвердил развод¹³.

С начала 80-х годов официальная пресса критикует *даньвэй*, подменяющую закон своей властью и проявляющую слишком много авторитаризма. Однако она же позволяет производственным единицам осуществлять известный контроль тогда, когда требуется выдать аттестацию, необходимую для регистрации брака:

Товарищ редактор, у меня есть старый школьный товарищ, подруге которого исполнилось 24 года. Они хотели пожениться перед Новым, 1981 годом, но директор производственной единицы, где работает девушка, не дает ей характеристики. Что, по вашему мнению, они могут делать? Лили.

Товарищ Лили, новый закон о браке устанавливает минимальный возраст при вступлении в брак в 22 года для мужчин и 20 лет для женщин. Однако речь идет только о минимальном возрасте, и закон... указывает также, что «следует поощрять более позднее вступление в брак и рождение потомства»... Конечно, каждый руководитель производственной единицы должен видеть, что вопрос о вступлении в брак — один из самых важных для молодых людей. Следовательно, этим вопросом надо активно заниматься и давать хорошие советы. Когда молодые люди приходят просить характеристику, нельзя отвечать им «нет» просто потому, что они не достигли более позднего возраста. Если идеологическая работа в пользу более позднего брака проведена, то следует тотчас же выдавать характеристику товарищам, отвечающим условиям, требуемым для вступления в брак. Не должно изыскивать предлоги разного рода, чтобы затягивать дело. Что касается молодого человека, то он, прежде чем просить о регистрации брака, должен пристально спросить самого себя: каково действительно мое настоящее положение со всех точек зрения? Действительно ли я созрел? Если ответ ут-

вердителен, то он, естественно, может готовиться к свадьбе. Однако если для пользы страны и благополучия семьи он может без вреда отсрочить свою женитьбу — это именно то, что следует сделать ¹⁴.

Хитрый и напыщенный ответ редактора особенно интересен. Он показывает границы эволюции, проделанной за несколько лет. Восстановление законов и административного или судебного аппарата, долженствующего их применять, конечно, заставляет проявлять некоторое различие между законом и политикой. Закон не позволяет больше редактору «Миньчжу юй фачжи» формально одобрить *даньвэй*, отказывающуюся дать характеристику молодым людям, достигшим законного возраста. Но закон содержит также положения, узаконивающие его политическую интерпретацию: «Следует поощрять более поздние браки». Если, стало быть, в характеристике нельзя отказать, если определенные законом требования исполнены, выдача удостоверения все равно зависит от предварительного проведения «идеологической работы в пользу позднего брака». Подведем итог: закон следует применять, но после осуществления идеологической работы (т. е. нажима на индивидуума), которая подменяет закон политикой данного момента. Редактор, таким образом, узаконивает власть *даньвэй*, рискуя открыть путь эксцессам, которые разоблачает прес-са ¹⁵.

Понятно поэтому, что столько производственных единиц охотно смешивают выдачу характеристики с одобрением брака. Они оставляют за собой возможность отказа под всякого рода предлогами, как, например, моральный облик претендентов, и соревнуются в строгости при изучении возрастного критерия, требуя от кандидатов достижения от трех до пяти лет сверх определенного законом возраста.

Нынешняя политика, как это показывает другая корреспонденция, опубликованная в «Миньчжу юй фачжи», допускает также вмешательство *даньвэй* в вопросы развода:

Товарищ редактор, будучи членом комитета женского труда моего завода, я часто вынуждена улаживать советами семейные или супружеские споры рабочих. Недавно одна работница решила развестись, и многочисленные усилия примирения были напрасны. Она настаивала на разводе и об-

ратилась к правосудию. Суд переслал нам ее дело, запрашивая мнение нашей организации. Мы, следовательно, оказались перед следующей проблемой: должен ли рабочий для развода получить предварительное согласие своего профсоюза? (Ли Хунчжэнь).

Товарищ Ли. Профсоюз — это организация самих рабочих масс; нет сомнения, что их касаются супружеские и семейные отношения рабочих. Если они ссорятся, нужно тут же начать серьезную и углубленную воспитательную работу, чтобы помочь им улучшить свои семейные и супружеские отношения и восстановить между ними гармонию и солидарность. Если чувственные отношения между мужчиной и женщиной уже полностью прекратились, если они согласны развестись и если усилия по примирению ничего не дали, то они могут обратиться в отдел гражданских дел администрации их населенного пункта для регистрации развода. В случае, если только одна сторона желает развестись, а другая отказывается, а попытка примирения ничего не дала, он (или она) может обратиться с иском в народный суд по месту жительства¹⁶.

В данном случае профсоюз (одна из ветвей гражданского управления всякой производственной единицы) не навязывает своего мнения, оно испрашивается судом, что подтверждает ответственность органов власти в данной практике. Ответ редактора столь же ловко уклончив, что и в предыдущем случае. Он признает, что по закону развод зависит от бюро регистрации или суда, а не от производственной единицы. Однако он говорит это только после того, как одобрил необходимость «серьезного идеологического воспитания», цель которого — «восстановить гармонию» и, следовательно, отговорить супругов от требования развода. Тем самым он признает за производственной единицей идеологическую и моральную власть, которая не смешивается с властью законных инстанций, но предшествует им, определяет их и может лишить их смысла.

Учитывая значительные средства давления, которыми располагает *даньвэй*, представление о том, что супружеские и семейные проблемы рабочих «касаются» производственных единиц, неизбежно влечет за собой злоупотребления. Чтобы воспрепятствовать некоторым разводам, производственные единицы от-

казываются выдавать удостоверения о том, что примирение не удалось, а это достаточно для отказа в разводе¹⁷. Производственная единица иногда призывается к вмешательству в ссоры из-за продовольственной помощи¹⁸. Бывает, что *даньвэй* наказывает неверность административными санкциями¹⁹. Однако эти усилия осуществлять контроль делают возможными попытки обойти закон. Некоторые отделы регистрации пренебрегают проверкой — имеется ли в деле о заключении брака справка от производственной единицы²⁰. Кадровые работники производственной единицы дают возможность влиять на них или их подкупить:

Мы занимаемся регистрацией браков, и мы постоянно констатируем, что некоторые организации, заводы, коммуны или производственные бригады представляют ложные рекомендательные письма. Молодой человек, которому еще нет 20 лет, приходит с письмом, в котором утверждается, что ему 22. Если местное бюро регистрации отказывается выдать брачное свидетельство, поскольку не соблюдены условия закона, люди обращаются к кому-нибудь, кто им знаком в другом бюро. Или даже производственные единицы фабрикуют фальшивки. Мы напрасно отказываем — это ничего не меняет. Приложив к тому достаточное упорство и пустив в ход «связи», люди кончают вручением этих фальшивых рекомендательных писем.

Помощь в заключении брака

Если и принято, что производственная единица играет роль в заключении брака, то выбор супруга в принципе не входит в ее задачу. Однако власти любят вмешиваться также и в эту область.

Действительно, возможности встреч, предоставляемые общественной жизнью, как это констатирует журнал «Миньчжу юй фачжи», редки:

В нашем обществе мало нормальной общественной деятельности, и молодые люди, юноши и девушки, живут в ограниченном мире, чаще всего их дорога — из дома на работу и с работы домой: «две точки образуют линию». Производственные единицы мало занимаются жизнью своих работников вне производства, и даже комсомол редко ор-

ганизует коллективные мероприятия. Чтобы разрешить свои проблемы любви и брака, многие молодые люди все еще полагаются на «посредничество» родителей или друзей, как во времена наших дедов и отцов. Так как отношения этих родных или друзей не заходят далеко, найти подходящую партию нелегко ²².

Действительно, в китайских городах весьма мало мест для встреч. Практически нет кафе. После короткого периода либерализации в 1979—1981 гг. танцевальные собрания стали часто запрещаться. Парки и места для гулянья, всегда забытые народом, совсем не оставляют спокойных местечек. Молодые люди, особенно когда они обделены природой или достатком, должны прибегать к посредникам.

В сельской местности, если верить свидетельству молодого крестьянина, положение еще труднее:

Возьмем пример нашей коммуны, объединяющей семнадцать бригад и сто производственных звеньев, расположенных в трех больших долинах и в более чем двухстах ложбинах. Поскольку население раздроблено и звенья находятся далеко одно от другого, у молодежи мало контактов и нет «доброй феи», которая могла бы стать посредником. Очень трудно найти себе пару. Как нам известно, во всей коммуне насчитывается более двухсот холостых мужчин старше 30 лет и более 80 женщин в таком же положении. В звене № 7 Шитоуцай, изолированном от других, юноши и девушки женятся и выходят замуж на месте, в отсутствие «доброй феи» и в нарушение нового закона о браке случаются браки между близкими родственниками. Некоторые главы семей все еще находятся под влиянием феодального образа мыслей и навязывают своим детям брак за выкуп или ранние браки. Много молодежи страдает от этого, а некоторые кончают с собой ²³.

На самом деле географическое положение и отсутствие общественной жизни не являются единственными причинами. Жалоба одного молодого крестьянина вызвана застенчивостью: «Для нас, молодых крестьян, у которых нет обходительных слов и которые проводят все дни в работе на земле, совсем нет способа самим найти невесту» ²⁴.

Эта трудность не ускользает от внимания властей.

Они одновременно боятся упрека в испытываемых молодежью трудностях и потери влияния на выбор супругов. Поэтому власти в целях как демагогических, так и политических предприняли меры по оказанию помощи в заключении браков. Печать завела рубрики переписки с читателями или ответов молодым. Вот, например, корреспонденция, опубликованная в 1982 г. журналом «Чжунго циннянь»:

Я очень влюблена в парня из моего цеха. Я люблю его честность, искренность, страсть к учеению. Но я не знаю, как выразить ему мои чувства. Мы оба молоды. Я боюсь получить отказ, если я ему об этом скажу: это было бы очень обидно. Как это было бы тяжело! Я боюсь также, как бы это не отразилось на его работе и особенно на его совершенствовании в технике. Но с тех пор, как его образ овладел моим сердцем, я очень грущу и не знаю — куда мне обратиться. Что, по вашему мнению, должна я делать? (Хэ Цай, государственный завод № 232).

Дорогая Хэ. Ты, мне кажется, молодая девушка, чье сердце только что расцвело, а парень, который заставил его расцвести, еще даже не знает об этом. Как же не быть озабоченной?

На деле же незачем беспокоиться. Если он невольно завладел твоим сердцем, ты тоже смело сможешь взять его сердце, сильно этого желая. Думаю, что у тебя есть два больших преимущества: вы работаете в одном цехе и, значит, часто встречаетесь; вы оба молоды и у вас столько времени, сколько нужно, чтобы ваша любовь возросла. Конечно, любовь между юношей и девушкой сначала не выражается прямо, а часто использует особые и незаметные знаки. Например:

Свидание. Пригласи его в кино, на концерт, на прогулку в парке или пригласи его ходить, плавать, кататься на коньках, танцевать и т. п. Такие приглашения, сделанные любезным и естественным тоном, внесут оживление в вашу жизнь, они не привлекают чужое внимание, они воспитывают взаимный вкус и дружбу. Если ты приглашаешь его совсем особо, он естественным образом поймет, что ты любишь его совсем особо.

Переписка. Постарайся давать или рекомендовать ему книги или газеты и журналы, подав ему

знак, что между страницами вложено письмо или записка. Сначала пиши письма покороче и скромнее, что поможет ему почувствовать, как бьется твое сердце.

Нежности. Покажи ему свою любовь предупредительностью, твое восхищение его поведением. Если он много поработал и вспотел, ты можешь дать ему свое полотенце или носовой платок; если он очень занят своей работой, так, что у него сильная жажда, но нет времени попить, можешь поднести ему напиток, приготовленный твоими руками; если он из-за дополнительной работы опаздывает поесть, можешь принести ему какое-нибудь блюдо, закуску или лакомство; если ты возвращаешься из путешествия, используй это, чтобы сделать ему подарок со значением.

Доверие. Если тебе действительно трудно объяснить, доверься, пожалуй, кому-нибудь, в ком ты полностью уверена, и предоставь ему от твоего имени постучать в окошко сердца твоего друга. Это последний способ, так как сердце влюбленной девушки — тайное царство. Однако, если не остается ничего другого, почему не попробовать? ²⁵.

В этом письме выражены трудности психологического характера: девушка слишком робка, чтобы выразить свои чувства. Часты ли такие трудности? Как связать их с воспитанием, общественной жизнью и политическим контролем? Пока слишком рано отвечать на эти вопросы. Позиция редактора позволяет, во всяком случае, думать, что власти осознали проблему, вместо того чтобы ее игнорировать, как это бывало раньше. Редактор не подталкивает к оболещению или прямому выражению чувства (что сильно отличается от ответа, который дал бы ведущий отдел писем на Западе), но советует выразить его косвенно: жестами, письмами и даже предлагает (возвращаясь в этом к традиционному решению) прибегнуть к услуге «друга»-посредника.

Более того, начиная с 1980 г. некоторым газетам было поручено публиковать брачные объявления. Вот два примера:

Мне 29 лет. Окончил университет, преподаю английский язык в технической школе, жалованье — 43 юаня. Рост 1,70 м. Люблю литературу и никогда не имел возлюбленной.

В моей семье всего шесть человек. Отец — рабочий на пенсии, мать и младшие братья и сестры работают. Финансовое положение среднее, но жилищные условия плохие — уже внесены в списки нуждающихся в жилье. Лю Хун.

Имею в виду женитьбу. Дин Найцзюнь, не женат. 40 лет. 1,70 м. Был обвинен в правом уклоне, но уже реабилитирован. Преподаватель математики на курсах переподготовки учителей области Цзиньцзян в Сычуани. Месячное жалованье — 43,5 юаня. Для ответа пришлите письмо с недавней фотографией²⁶.

Успех этих объявлений впечатляющ! Дин Найцзюнь получил 270 ответов... Но число газет, помещающих такие объявления, невелико, их недостаточно для разрешения проблем, с которыми встречаются холостяки.

Начиная с 1980 г. власти сочли за лучшее создать, сопровождая большой рекламой, «бюро знакомств для заключения брака», которым поручено оказывать конкретную помощь холостякам в их затруднениях. Вот статья-реклама об одном из таких наиболее известных бюро:

Все пекинские холостяки, ищущие родственную душу, приглашаются в бюро знакомств для заключения брака района Чаоян — первое, организованное в столице. Оно находится в Парке Солнца, расположенном в восточной части Пекина. Для этого желающие должны представить только свое удостоверение личности и справку с места жительства, два фото, заплатить два юаня за право внесения в список и заполнить вопросник (имя, возраст, профессия, способности, заработок, образование, интересы, рост, вес и описание идеальной партнерши). Хотя это бюро образовано недавно, оно пользуется доверием все возрастающего числа юношей и девушек. Уже случается, что местные ячейки профсоюзов, Союза коммунистической молодежи, Федерации женщин устанавливают с бюро связь, предлагая кандидатуры молодых людей, которыми они занимаются.

Основываясь на ответах, данных каждым вступающим, бюро подбирает по своему разумению подходящего по своим качествам партнера и посылает рекомендации обеим сторонам. Затем их дело

решать. После первой встречи они могут решить продолжать встречаться, тогда все в порядке. Если они решат иначе, они имеют право на повторный опыт. Но в обоих случаях они должны информировать бюро. Каждое внесение в список дает право на три знакомства. Чтобы обеспечить дополнительные знакомства, нужно вновь записаться. Если один из записавшихся найдет себе партнера другим путем, желательно информировать бюро, потому что тогда досье должно быть аннулировано.

Бюро знакомств Чаоян функционирует с 3 октября прошлого года. Оно ведет запись три дня в неделю. В остальное время служащие сортируют записи. В первые три месяца они получили четыре тысячи записей. Сначала это были преимущественно мужчины, а во время нашего посещения половину составляли женщины.

Большинство записавшихся — молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, в основном от 28 до 30, которые по той или иной причине еще не нашли партнера²⁷. Это «клиенты с проблемой». Многие из них посвятили свою энергию учению и с опозданием открыли, что не так-то легко найти себе подходящего партнера... Некоторые молодые рабочие по разным причинам имеют меньше контактов в обществе, чем другие. Малопривлекательная внешность, низкий заработок, многочисленное семейство, работа очень далеко от города — вот каковы причины, осложняющие поиски супруга (супруги).

Однако главное препятствие — малое развитие общественной деятельности, доступной молодежи: трудно найти приятное место для встреч, а они, так же как их родные и друзья, с подозрением относятся к знакомствам, завязанным в автобусе, на улице или в общественном саду.

Супружеская верность остается в Китае жизненным фактором при выборе супруга. Развод — нечто, чего должно избежать или рассматривать как крайний выход. Вот почему следует быть очень благоразумным при выборе партнера на всю жизнь. Те, кто хочет жениться, должны сначала ознакомиться с моральным обликом своей партнерши, ее характером, главными интересами

и дарованиями. Они должны питать друг к другу любовь и доверие. Только потом оценивается внешность. Иными словами, прежде чем начать встречаться, молодые люди должны иметь всю возможную информацию друг о друге; та, что содержит записи в бюро, представляет собой хорошую отправную основу²⁸.

Очевидно, услуги, которые оказывают своим «клиентам» официальные посредники из «бюро знакомств», имеют прямое идеологическое направление. Они остерегаются соблазнительей, которые хотели бы множить знакомства, они исключают молодых людей, чье положение неопределенно, и они поддерживают тесные связи с *даньвэй* как массовыми организациями.

Кроме того, знакомства являются результатом селекционной работы, в которой официальная идеология играет важную роль: эта идеология отдает предпочтение моральным качествам и подбору характеров перед внешностью.

Но бюро знакомств далеко не достаточно для решения всех затруднений холостых людей. Внедрение этих бюро, кажется, сводится к большим городам. Весной 1983 г. их насчитывалось лишь шесть, и они за три года рассмотрели только 15 000 случаев. В конце 1985 г. во всей стране их было 53²⁹. По сообщению одного гонконгского журнала, успехи этих бюро были весьма скромны: 2—3% реализованных браков и 20% «возможных». Кандидаты расценивались или как слишком старые, или как слишком образованные, слишком квалифицированные профессионально; кандидаты обычно не располагали жилой площадью или... требуемым девушками ростом³⁰. Функционирование этих бюро в ряде случаев оказывается недостаточно эффективным. Так, опубликованный в журнале «Литтератур шинуаз» рассказ повествует о таком случае. Юноша, записавшийся в одном из таких бюро, дал точное описание девушки, записавшейся прямо перед ним. Бюро их не познакомило. После того как он повстречался с этой девушкой самостоятельно, он заявил служащему бюро: «Нелегко классифицировать людей по десяти пунктам ваших анкет. Советую вам создать лучшие условия для холостяков и особенно дать им больше возможностей для знакомств»³¹.

Препятствия к браку по политическим мотивам

Режим располагает многими иными средствами для вмешательства в семейные отношения. Некоторые имеют прямо политический характер. Они восходят к кампаниям, проводимым коммунистической партией, и отвечают политической концепции социальной иерархии. После своего прихода к власти КПК всегда проводила коренное различие между «народом» (представителем которого она является) и «его врагами», которые должны находиться под надзором, подавляться либо элиминироваться. Внутри «народа» партия также создала хитроумную иерархию в соответствии с предполагаемой степенью верности каждой категории; национальная буржуазия, лица умственного труда, крестьяне, рабочие, члены партии, кадровые работники и руководители — вот главные слои настоящей социальной пирамиды. Эта политическая иерархизация общества в разные периоды по-разному влияла на семейные отношения, причем это влияние находилось в прямой зависимости от принадлежности к той или иной из перечисленных выше категорий.

Так, «враги народа» и их потомки долгое время были жертвами матримониального остракизма, а иногда, в периоды политического радикализма, настоящих преследований.

Я еще помню, как детям «четырёх черных категорий»³² было трудно вступить в брак до той поры, пока Центральный комитет не объявил, что можно снять «колпак» с тех, кто достаточно перевоспитался. Если эти люди вступали в брак между собой, то говорилось: «добавили слой сажки к черной кастрюле» или «положили черное на черное», а если они женились на детях крестьян, бедняков или середняков, то говорилось, что они нарушили границу между классами: «крысиный помет портит всю миску супа». О другой стороне говорилось, что дети бедных или средних крестьян, вступая в брак с детьми «врагов народа», утрачивают классовую позицию. В результате это была напрасная любовь, которая не могла завершиться браком. В районе Шанхая у одного отца было четыре сына, готовых жениться. Они сумели найти себе жен только после того, как с отца был снят «колпак»

контрреволюционера. Старшему в это время исполнилось 36 лет, младшему — 26, они всегда отличались хорошим поведением, но им не доставало «политической базы». — единственно из-за их происхождения³³.

Интересно познакомиться с тем, как происходил процесс исключения. Вот пример, относящийся к 1965 г. — году еще умеренной мобилизации масс, как раз накануне «культурной революции»:

У меня есть друг, член комсомола и сын кадрового революционера, а также члена партии. По окончании в 1963 г. лицея он был назначен в уездный отдел культуры и просвещения. В прошлом году один коллега познакомил его с выпускницей педагогического института, уже учительницей. Повидимому, эта учительница всегда хорошо себя вела во время учебы. Получив диплом, она также показала себя деятельной на работе. Встречаясь, молодые люди обнаружили, что их характеры близки. Но учительница происходила из семьи богатых крестьян. Поэтому, когда мой друг захотел узнать мнение своих товарищей, некоторые одобрили его намерение жениться на ней, говоря: «Когда молодой человек имеет плохое классовое происхождение, важно видеть, как он ведет себя», — в то время как другие полагали, что «соединиться через брак с детьми эксплуататорского класса — значит стирать границу между классами». Неспособный принять решение после этих противоречивых мнений, мой друг все еще колеблется. Он говорит себе, что если он будет продолжать знакомство с ней, то рискует совершить ошибку, которая повредит его будущему продвижению. Но как разорвать с подружкой, которая имеет столько достоинств и ведет себя так хорошо, с которой так отлично себя чувствуешь?³⁴

Этот пример оттеняет предыдущее свидетельство. Он показывает нам двух молодых людей, которые встречаются, несмотря на свое происхождение из разных классов. Хорошо видны колебания юноши, который должен выбирать между любовью и заботой о своей карьере. Мы видим также, что политика партии стихийно отразилась на коллегах молодого человека. Проблема в том, что эта политика неясна: одни выдвигают на первый план пропаганду режима, дру-

гие — его реальную практику, более дискриминационную. В периоды массовых кампаний вмешательство партии могло быть более грубым, как это показывает следующий случай, происшедший сразу после начала «культурной революции»:

Я родилась в новом обществе, я росла под красным знаменем. По причине своего прошлого мой отец имел серьезные проблемы, которые мне были противны. Я давно решила порвать с ним. В 1968 г., по окончании первого цикла школы второй ступени, я вошла в бригаду Леса фиников уезда Тун и прекратила все отношения с отцом, так как решила остаться в деревне на всю жизнь. В 1970 г. я стала невестой бригадира Ма Фэнчуня. Ма тогда был кандидатом в члены партии. Он объявил в своей ячейке о наших отношениях, заверив, что после женитьбы мы не будем иметь никаких контактов с моим отцом. Мы не могли вообразить, что он потеряет свое положение кандидата в члены партии из-за его отношений со мной и что он будет исключен. Секретарь ячейки поставил ему такой вопрос: «Что ты выбираешь, жену или партию?» — и сказал ему, что он мог бы вернуться в партию, порвав со мной. Ма Фэнчунь полагал, что если я восстала против собственной семьи, чтобы присоединиться к беднякам и середнякам, то я заслуживаю поддержки и поощрения. Это он говорил много раз партии. Но его потихоньку лишили и звания бригадира³⁵.

На этот раз, следовательно, санкция была немедленной и жестокой: Ма Фэнчунь лишился своих политических функций из-за мезальянса. Уже давно браки членов КПК строго контролируются, вообще необходимо разрешение сверху³⁶. Это правило особенно строго применялось в 1968—1970 гг., в период, когда Мао Цзэдун очищал партию от многочисленных «вредных элементов».

Однако начиная с 1978—1979 гг. дискриминация по политическим мотивам была официально прекращена. Почти все жертвы репрессий, осуществлявшихся в ходе кампаний после 1956 г., были реабилитированы. Многие сотни тысяч «правых» и несколько миллионов кадровых работников — жертв «культурной революции» возвратились на свои посты. На детях помещиков и богатых крестьян больше не лежит груз

«преступлений», совершенных их родителями, и пропаганда рекламирует одинаковое отношение к молодежи любого происхождения.

Однако умы эволюционируют медленней пропаганды, как это показывает письмо читателя, опубликованное в апреле 1980 г. журналом «Чжунго цинянь»:

Я молодой крестьянин. В моей деревне живет девушка, происходящая из помещичьей семьи. В школе она была очень дисциплинированной и сознательной. Вернувшись после обучения в деревню как крестьянка, она рано встает, ложится поздно и тяжело работает. Мы знакомы с детства. Более того, за два года встреч мы создали глубокую взаимную симпатию. В прошлом году мы получили согласие наших родителей на официальное заключение брака.

Но я не мог предвидеть, что это дело встретит оппозицию со стороны моего второго старшего брата. Он считает, что, так как она внучка помещика, ее прошлое нечисто и вся наша семья будет скомпрометирована, если я женюсь на подобной личности. И вот он хочет заставить девушку и ее родителей убедить меня разорвать помолвку и уверяет, что вся моя родня также восстает против нашего брака³⁷.

Здесь запрещение исходит не от политических властей, которые не вмешиваются, а от старшего брата — военного. Этот случай делает очевидным социальное влияние учреждения, армии, где политический контроль сохраняется дольше, чем где-либо, и которая часто сопротивляется переменам, происходящим после 1978 г.

Принудительные разводы

Правда, одна из крайних форм политического вмешательства, кажется, исчезла — речь идет о принудительных разводах. Эта практика была связана с кампаниями чисток, потрясавших историю КПК со времен первых красных баз. Когда из партии вычищали одного из ее членов, партия создавала вокруг него атмосферу пустоты. Она требовала, чтобы его друзья и родня отделились от «преступника». Часто даже не

было нужды это требовать: чтобы избежать преследований и обеспечить будущее своих детей, жена сама требовала развода, часто с согласия мужа. Как сообщает юрист Фан Цзюньи, эти так называемые добровольные разводы были частыми в кругах интеллигенции и кадровых работников, оказавшихся мишенью кампаний по чистке 1957—1958 и 1959 гг.³⁸

Принудительные разводы стали еще более многочисленными во время «культурной революции»³⁹. Однако известны случаи, когда женщины отказывались уступить политическому давлению. Например, Ван Гуанмэй, жена Лю Шаоци, проявила достоинство и оказала ему сопротивление. Один гонконгский журнал рассказал историю супружеской пары, чья любовь оказалась сильнее политического нажима. Он писал для театра, она была актрисой. Поженившись в 1951 г., они спокойно жили до того времени, когда в 1957 г. в кампании против правого уклона муж был осужден на три года лагерей перевоспитания. Его жена оказала сопротивление первому нажиму и, чтобы избежать слухов и сплетен, поселилась в своем театре. Их несчастья возобновились во время «культурной революции». Давний правый уклонист снова отправился в лагерь. Жена была изгнана из театра и была принуждена в течение шести лет копать противоздушные укрытия, не имея права переписки с мужем. Крупный писатель Ай Цин, свидетель этого дела, рассказывает, что некоторые люди побуждали тогда эту женщину к разводу, говоря, что ее муж никогда не вернется, а она выиграет от развода. Но она отвечала: «Ван Баочуань,⁴⁰ ждала своего супруга восемнадцать лет на дне ледяной пещеры, я готова его ждать двадцать восемь лет»⁴¹.

Другие же, напротив, чувствовали себя обязанными развестись и, чтобы выжить, готовы были вновь выйти замуж за человека лучшего политического положения. Таков случай с женой кадрового работника, который через много лет рассказал о своей драме в журнале «Миньчжу юй фачжи»:

Когда Линь Бяо и Банда четырех стали заниматься лихоимством, я выступил против этих людей и по этой причине был осужден на двадцать лет за «контрреволюционные действия». Я был заключен в тюрьму, и вся моя семья разделила мое несчастье. В интересах наших детей жена скрепя

сердце развелась со мной так сказать «добровольно» и «законно» и «законно» вышла замуж за рабочего на десять лет старше ее. Сейчас мое дело пересмотрено и отнесено к судебным ошибкам. Я полностью реабилитирован в соответствии с политикой партии. Меня вернули на хорошую работу, я снова получаю заработную плату, и мне полностью возмещены мои потери. Единственный вопрос, который до сих пор не разрешен,— мой развод. Это тягостно не только для меня. Это тягостно для моей бывшей жены и детей. Когда я был полностью реабилитирован, я в глубине сердца поблагодарил Центральный комитет партии во главе с председателем Хуа, выразив всю свою ненависть к Банде четырех, а разведенная со мной жена, узнав об этой новости, была так же счастлива. Мы испытывали смешанное чувство, тем не менее нам обоим хочется восстановить наши прежние супружеские отношения. Как это сделать? ⁴².

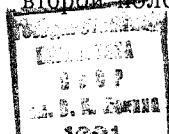
Этот реабилитированный кадровый работник не осуждает жену, которая «скрепя сердце» развелась с ним в интересах детей. Но в силу своего положения жертвы он ждет, чтобы власти вернули ему жену. Это повлечет за собой еще один развод по политическим мотивам, но... в обратном направлении. Представляется, что повторные браки разбитых кампаниями репрессий пар не были редки в 1978—1979 гг. ⁴³.

С тех пор политическая жизнь в Китае стабилизировалась. Новые случаи разводов по политическим мотивам нам неизвестны.

Привилегии органов власти

Однако сомнительно, чтобы обладатели власти утратили все свои матримониальные привилегии. Эти привилегии отражают структурную характеристику режима: постоянные расхождения между законом, регламентацией и практической политикой, а также иерархизация власти дают кадрам полную возможность распоряжаться их применением и пользоваться льготами на матримониальном рынке.

Привилегии коммунистических властей в области отношений полов и брачных отношений восходят ко второй половине 30-х годов, к периоду Яньани. Имен-

но тогда возникает дифференциация между простыми членами партии и их руководителями: первым — добродетель и воздержание, вторым — молодые девушки и внебрачные связи. Повторные браки многих высоких руководителей, в числе которых был сам Мао Цзэдун, женившийся в Яньани на актрисе Цзян Цин, объясняются не только трагедиями гражданской войны, но и привилегиями, которыми руководители уже пользовались⁴⁴.

После 1949 г. эти привилегии стали более прочными и разнообразными в соответствии с рангом каждого в иерархии. Многие кадровые работники воспользовались возможностями развода, предусмотренными Законом 1950 г., чтобы расстаться со своими прежними женами-крестьянками и заключить новые союзы с молодыми горожанками. Теперь кадровые работники, оказавшиеся на верхушке социальной иерархии, стали самыми высокоценными мужьями. Во время «культурной революции» значительное усиление давления политической власти на общество сделало привилегии маоистских кадров чрезмерными.

Появившиеся начиная с 1978 г. свидетельства о совершенных во время «культурной революции» злоупотреблениях столь многочисленны, что можно было бы составить целую библиотеку из рассказов и романов, в которых коммунистические кадровые работники представлены насильниками и сексуальными маньяками. Хотя психология в этих рассказах часто упрощена, некоторые из них не лишены ценности. Так, в новелле «Летающая апсара»⁴⁵ писатель Лю Кэ описывает политического комиссара, желающего соблазнить направленную к нему сиделку, юную Фэйтянь:

Действительно, комиссар уже давно влюбился в Фэйтянь — с того дня, как увидел ее у входа в храм.

Он любил ее красоту, ее грацию и нежность. Он никогда не мог найти подобной грации и красоты у своей супруги, но полагал, что должен обладать этим, что имеет на это право. Это было отправным пунктом трагедии.

Конечно, нельзя говорить, что это трагедия. Если бы я не боролся за построение нового Китая, красивая девушка вроде Фэйтянь разве не досталась бы неизвестно кому? Не было бы разве пятидесяти шансов из ста, что она была бы отдана за-

муж в детстве, что она стала бы рабыней или наложницей помещика? Или какой-нибудь сводник заставил бы ее стать проституткой. Только это стало бы трагической судьбой. Сегодня что может значить тот факт, что политический комиссар оценил ее обаяние и красоту? Это было только мелочью в ее личной жизни. Кто мог бы из-за этой «перипетии» отрицать подвиги, которые он совершил на службе народу и партии? Кто мог бы из-за какой-то девушки снять его с поста политического комиссара военного округа? Ответ ясен. Что же до реакции его жены, то она не может пойти дальше угроз: репутация женщины всегда зависит от положения ее мужа — если муж его потеряет, что останется ей? Поскольку они не разводятся, противоречия запланированы. Они живут в хорошее время, и это не повредит ни репутации, ни престижу ее мужа ⁴⁶.

Представление о том, что служба Революции дает права сверх закона, было, кажется, особенно распространено среди кадровых работников после 1966 г. Отправка нескольких миллионов молодых людей, получивших образование, в деревню создала много стимулов для реализации этой идеи. Вот рассказ о попытке изнасилования, пережитой приехавшей из города девушкой:

Вскоре после того, как она была отправлена в коммуну, девушка стала предметом особого внимания одного из кадровых работников коммуны. Она была пленительна. Кадровый работник жил в ее деревне и под предлогом обучения у нее счетоводству стал делать ей авансы. Она не сразу отдала себе в этом отчет, но когда поняла и оттолкнула его, он стал более настойчив, стал делать ей подарки, добавки к продовольственному рациону и предоставлять другие привилегии, чтобы уговорить ее спать с ним. Она угрожала, что расскажет об этом его семье, но он смеялся над этим и сказал ей: «Здесь я могу делать с женщинами, что хочу. Никто не посмеет противиться мне, и ты согреешь мою постель так же, как и все до тебя».

Однажды вечером он прижал ее в углу, говоря, что дальнейшее сопротивление ни к чему не приведет. Она попыталась убежать, он ударил ее, разорвал одежду и бросил на землю. У нее достало сил

защититься, она подняла большой шум. На счастье кто-то услышал ее и стал кричать, спрашивая, что там за гвалт. Кадровый работник убежал, бранясь. На другой день он появился с исцарапанной физиономией и крестьяне косились на него. Все знали, что он ее преследует. Он больше к ней не приставал, но жить ей стало трудно. У нее больше не стало привилегий, а крестьяне стали к ней относиться по-другому, с гораздо меньшим уважением, чем прежде. «По крайней мере половина была уверена, что я спала с ним, пока мы были вместе. А другая половина полагала, что если я этого не сделала, то потому, что я действительно глупа — не хотела многих преимуществ, которые дает связь с высокопоставленным кадровым работником». Он выпутался из попытки насилия безо всякого ущерба. Никто его никогда не критиковал, никто не смел даже заявить об этом; но следующие месяцы были для меня очень тяжелы. Мне пришлось много раз отвергать притязания других мужчин, и один из них даже бросил мне в лицо: «Чего ломаться? Твоя связь с кадровым работником коммуны всем известна. Так возьми теперь в любовники меня — я лучше и моложе»⁴⁷.

В этом рассказе поведение кадрового работника представлено как обычное и допустимое. Он рассчитывает на то, что девушка уступит его притязаниям, «как все другие», за несколько подарков и дополнительное питание. Что касается крестьян, то они думали, что она уступила или должна была уступить. Они презирали ее за это, но полагали, что такова судьба девушек, отправленных в деревню.

Период 1970—1978 гг. знает много случаев злоупотреблений такого рода⁴⁸. Можно думать, что они стали реже после возвращения молодежи из ссылки и восстановления в партии дисциплинарных комиссий. Но этот сюжет перестал быть табу для печати, ставшей теперь разоблачать преступления и насилия, которые могут совершать кадровые работники всех уровней, а также сыновья высоких руководителей (это показывает, что привилегии стоящих у власти передаются от одного поколения другому). Случаи, описанные в печати, это, конечно, такие, которые рассматривались в судах, зачастую приговаривавших виновных к смертной казни⁴⁹.

Наряду с насилиями и другими серьезными преступлениями существуют, конечно, и все многочисленные формы менее важных злоупотреблений. Привилегии и преимущества, которыми пользуются кадровые работники, распространяются на область семейных отношений, как и на другие области. Эти привилегии связаны с природой их власти и не оспаривались населением. Естественно, что кадровые работники являются наиболее желанными зятями для тех, кто хочет обеспечить своим дочерям повышенный социальный статус и материальные преимущества: жилье, доступ к специализированным магазинам и т. п., — связанные с положением кадрового работника. Выход замуж за кадрового работника является к тому же гарантией политической безопасности, а для женщины, происходящей из сомнительной социальной среды и рискующей стать козлом отпущения в каждой новой политической кампании, — возможностью откупиться от такой участи. Однако надо, чтобы ей еще разрешили выйти замуж за кого-то, кто настолько выше ее в строгой иерархии, как это описывает писатель Чэнь Жоси в начале 70-х годов.

Так, интеллеktуал, ставший объектом официального недоверия из-за прежнего пребывания в США, Гэн Эр должен был отказаться от женитьбы на молодой работнице: она занимала слишком высокое положение по сравнению с ним. Его познакомили с молодой вдовой. Но в этом случае уже он считал ее недостойной:

Ее родители были потомственные помещики, и положение покойного мужа было не лучше. Ее свекор принадлежал к клике гуансийских милитаристов... В конце «культурной революции», во время «социальной чистки», ее муж стал объектом расследования. Не дожидаясь выводов, он нахально «порвал с партией и народом», покончив с собой, и таким образом его политический статус не мог быть никогда разъяснен. Конечно, сколь бы ни было важно социальное происхождение любого лица, оно не исчерпывает всего, и политикой нашей партии всегда было оценивать людей прежде всего по их делам. Однако ведь и поведение этой женщины никогда не было положительным. Сначала она преподавала в школе второй ступени в Гуйлине. Но в 1970 г., после того как она получила напра-

вление в деревню, она выставила предлогом плохое состояние здоровья родителей, чтобы зацепиться за город, и отказалась от своего нового поста. После этого она продолжала вести паразитический образ жизни в нескольких городах... Вот видите, в таком научно-исследовательском учреждении, как наше, в котором ставится проблема безопасности, выбор подобной подруги никак не мог бы быть одобрен... Но знайте, что власти не упускают из виду ваше законное желание найти себе жену и ваши коллеги решили помочь вам в этом деле.

Молодая вдова Сяо Цзинь избегает трудной судьбы, выйдя замуж за старого кадрового работника в провинции. Два года спустя она открывает это Гэн Эру, который одобряет ее выбор:

«Это очень хорошо, что ты замужем, Сяо Цзинь», — первым нарушил он молчание; вслушиваясь в свой фальшиво спокойный голос, он сам удивлялся собственному самоконтролю. Он продолжал: «Ты совершенно права. Для меня единственно важно — чтобы ты была счастлива... Твой муж... где он сейчас?» Он спросил нарочито небрежно, но одно это слово «муж» укололо его ревностью. «Видишь, даже если я потерял невесту, то по крайней мере приобрел друга».

Сяо Цзинь бросила на него взгляд, полный признательности, и наконец сказала: «Это старый кадровый работник; у него плохое здоровье, ему много лет... Он живет на небольшой достаток и уже больше десяти лет сам заботится о себе. Двое его детей давно женаты и живут на Северо-Востоке. Он смеется над тем, что кто-то что-то скажет. Власти знают, что ему нужен кто-то, чтобы заботиться о нем, и это дает мне возможность не быть отправленной в деревню, так что я могу заботиться и о моих родных»⁵⁰.

Таким образом, в системе иерархии китайского общества во времена маоизма кадры разместились на вершине, рабочие пониже, а интеллигент, опороченный связью с заграницей, стоит, конечно, еще ниже (его положение изменится через десять лет), но он остается недоступным для дочери помещиков — настоящей парии в этой системе. Иерархизация выбора супруга без труда сочетается с привилегиями кадровых работников. Молодая и красивая вдова не может выйти за

того, кого она любит: она его скомпрометирует, и его статус интеллигента будет недостаточен для компенсации такого мезальянса. Кадровый же работник не знает подобных затруднений. Старый и хворый, он оказывает милость молодой и красивой женщине, жеманясь на ней и позволяя ей тем самым искупить свою ошибку плохого рождения. Сяо Цзинь и Гэн Эр хорошо это знают: она может только принять такой выбор, каковы бы ни были ее чувства.

Атмосфера, описываемая в рассказе Чэнь Жоси,— это атмосфера 1969—1972 гг., следовавших за острым периодом «культурной революции»: подозрительность, ксенофобия, последовательные волны чисток, ссылки в деревню всех подозреваемых. Практика брака, как и все стороны жизни того времени, ограничивается: при выборе супруга преобладают политические факторы. Ныне роль этих факторов уменьшается и вновь становятся важными материальные или финансовые критерии. Можно сказать, что кадровые работники вышли из моды, по крайней мере в больших городах... Но в той мере, в какой они пользуются теми же или материальными преимуществами, они часто остаются желанной партией.

«Военный брак»

Привилегии, которыми пользуются кадровые работники, проистекают не из закона и не из гласной регламентации, а лишь из общественной практики. Но есть в области брачных отношений одна привилегия, которую закон охраняет: брак военных. Эта привилегия особенно распространяется на процедуру развода. В сущности, речь идет о том, чтоб затруднить супруге военного подачу заявления о разводе. Такое положение существует со времени возникновения Красной армии. В Законе 1950 г. введено некоторое послабление: развод может быть предоставлен, если солдат не ведет переписку с женой или семьей более чем два года⁵¹. В начале 60-х годов⁵² и в Законе 1980 г. опять были введены более жесткие условия. Последний просто указывает в ст. 26: «Должно быть получено предварительное согласие военнослужащего, состоящего на действительной службе, чтобы его супруга могла возбудить дело о разводе». Предусмотрены и соответ-

ствующие санкции: согласно ст. 181 Уголовного кодекса, всякий, кто «мешает женитьбе солдата», может быть приговорен к тюремному заключению на срок до трех лет⁵³.

На практике положение об охране «военного брака» трактуется еще более широко. Она часто простирается и на демобилизованных солдат, которым начальство помогает жениться и поддерживает в финансовом отношении в случае развода⁵⁴. Бывает, что поддерживается и помолвка, хотя она никак не охраняется законом:

Товарищ редактор. Моя младшая сестра любила одного товарища в классе, и он разделял эту любовь. По окончании учебы он поступил на военную службу. По согласию обоих родители решили их обручить... все наши родичи и друзья были в курсе дела, а некоторые даже сделали подарки жениху и невесте, поздравляя их.

Сейчас моя сестра работает: она дает уроки вечером. Один из ее коллег-учителей попросил ее руки, но получил ответ: «Я уже невеста, мой жених служит солдатом, как же я могу выйти за тебя, не нарушив помолвки?» Однако тогда ухаживающий за ней учитель сказал: «Правила, охраняющие брак солдат, никак не применимы к тем, кто обручен... Закон о браке не трактует определенно о помолвке; она не составляет необходимое предварительное условие для заключения брака, и, следовательно, никакой орган власти не ограничивает свободу помолвленных». Под влиянием его аргументов моя сестра заколебалась. Я тоже, а вопрос о ее замужестве меня очень занимает. Но мне неясно: охраняет ли закон помолвку солдата, состоящего на действительной службе... (Сюз Хун).

Товарищ Сюз Хун. Мы полагаем, что коллега твоей сестры напрасно просит ее вступить с ним в брак, когда он знает, что она невеста солдата, состоящего на действительной службе; он таким образом противостоит духу закона о браке. Как уже указывала комиссия Центрального комитета, которой поручено применение закона о браке, женитьба солдата, состоящего на действительной службе, это «особый вопрос, который не может решаться так, как вопрос о женитьбе простого кадрового работника или обычный брак. Ведь солдаты расста-

лись со своей семьей именно для того, чтобы защищать интересы родины и народа... Их брачные узы должны особо охраняться, чтобы помешать любому их нарушить. В противном случае это может повредить нашей революционной армии и помешать солдату со спокойным сердцем сразиться с врагом, а следовательно, может повредить родине и народу». В одном документе Верховного суда от 1979 г. подчеркивается по этому поводу, что «следует охранять помолвки солдат, состоящих на действительной службе». Мы считаем аморальным ухаживание за девушкой, о которой надлежащим образом известно, что у нее уже есть возлюбленный. Поскольку жених твоей сестры — солдат на действительной службе, поведение этого преподавателя, который просит ее вступить с ним в брак, является не просто вопросом морали, оно касается также семейных отношений военнослужащего. Надо убедить его изменить свое поведение. Мы полагаем, что в случае, если этот учитель откажется понять и будет упорствовать в своем ошибочном поведении, он допустит беззаконие, причинив вред помолвке солдата, состоящего на действительной службе, и должен быть строго наказан. И твоей сестре нельзя разрешить влюбиться и выйти замуж за кого-нибудь другого, пока ее помолвка с состоящим на действительной службе солдатом не отменена⁵⁵.

С точки зрения закона позиция учителя неуязвима. Действительно, ст. 26 Закона 1980 г. защищает только брак, и этот же закон, дабы воспрепятствовать женьтебе по сговору, не признает никакой цены за помолвкой. Однако признается не закон, а его «дух», т. е. политика партии. А она состоит именно в покровительстве военным учреждениям. Из этого можно вычислить влияние, которое Красная армия сохраняет в постмаоистском Китае.

Наконец, армия располагает собственными полицейскими органами и не колеблясь вмешивается в дела гражданских властей, если кто-либо из ее членов не получает удовлетворения. Так, письмо политотдела одной дивизии, расположенной во Внутренней Монголии, призывает гражданские власти к большей строгости в отношении неверных жен офицеров:

Почему такие поступки не караются законом?

Лю Чжанцюань, военный врач нашей дивизии, в 1972 г., когда он был студентом медицинского института в Баотоу, влюбился в одну из своих коллег, Ма Юлань, врача диспансера второй строительной компании муниципалитета Баотоу. 1 января 1977 г. Ма Юлань приехала издалека на пограничную заставу, чтобы выйти замуж за Лю Чжанцюаня. После свадьбы они жили в добром согласии.

Однако в апреле 1978 г., хотя между ними не было никакой ссоры, Ма Юлань внезапно потребовала дать ей развод. Несмотря на многочисленные попытки их примирить, предпринятые нашей дивизией и ее производственной единицей, она упорно настаивала на своем намерении развестись.

Почему она подняла эту шумиху с разводом? Имеется много доказательств, что она незаконно сожительствовала с Чжао Сунсянем, заместителем начальника отдела кадров второй строительной компании Баотоу. Поэтому Лю Чжанцюань обратился с жалобой в суд района Шэхэ, в Баотоу.

Как только дело было зарегистрировано, суд, дивизия и вторая строительная компания Баотоу начали совместное расследование. Оно показало, что Чжао Сунсянь провел свою первую ночь с Ма в Новый, 1978 год. С 1978 по 1979 г. любовники встречались лишь украдкой. Чжао приходил каждый месяц провести одну или две ночи с Ма. Начиная с 1980 г. их незаконные отношения стали более тесными, более частыми и неосторожными: Чжао Сунсянь приходил к Ма два-три раза в неделю. Он приходил всегда около одиннадцати вечера и уходил около пяти утра. Такая жизнь продолжалась до тех пор, пока Лю Чжанцюань не открыл все 7 июня 1981 г.

Партийный комитет дивизии, придавая этому делу большое значение, последовательно направил пять групп следователей. Более того, он неоднократно направлял доклады и представления различным судам Внутренней Монголии, дисциплинарным комиссиям парткомов Баотоу и района Шэхэ, а также партийному комитету второй строительной бригады Баотоу. Более пятидесяти раз Лю Чжанцюань приносил жалобы и докладывал о своем положении соответствующим судам и учреждениям.

Однако различные суды Автономного района Внутренней Монголии сочли, что так как Чжао Сунсянь и Ма Юлань не жили вместе как муж и жена, то им, следовательно, нельзя инкриминировать разрушение брака военнослужащего. Строительная компания и доныне не приняла никаких мер и не начала критического изучения в отношении Чжао и Ма. А люди из этой компании сообщили, что оба, Чжао и Ма, исчезли 7 сентября прошлого года и до сих пор не вернулись. Как говорят, Чжао воспользовался официальной командировкой, чтобы дать возможность Ма прогуляться в Пекин, Шэньян, Далянь и Циндао (и, по словам руководителя ее отдела, Ма отсутствует без просьбы об отпуске).

Это дело очень взволновало всю нашу дивизию, и все спрашивают, почему брак военного, состоящего на действительной службе, не получил защиты закона и как Чжао Сунсянь мог с этой точки зрения противостоять законности и дисциплине без наказания? (Политотдел дивизии 51146) ⁵⁶.

Это письмо подтверждает разнообразие и настойчивость выступлений армии в защиту брака одного из ее офицеров и одновременно подводит к вопросу — не падает ли ее социальный статус. Действительно, не только жена смогла зарегистрировать дело о разводе без согласия мужа, но и различные гражданские суды посчитали ее правой, а ее производственная ячейка проявила свою по меньшей мере доброжелательность. После многих лет, в течение которых армия находилась в центре китайского общества, она, видимо, отброшена на его периферию. Сказать по правде, — провал «культурной революции» и принятие курса на экономическую модернизацию вернули армию в ее казармы. Несмотря на покровительство закона и политики, теперь, в Китае Дэн Сяопина, быть солдатом, очевидно, не так легко, как раньше.

Проблема рождаемости

В то время как в других областях политическое вмешательство стало менее давящим, в вопросе рождаемости оно с 1978 г. усилилось. Несомненно, можно было бы в этом случае сказать, что нынешняя авторитарность порождена вчерашней непредусмотритель-

ностью. Пренебрегая важными проблемами, уже поставленными перенаселением, официальная политика в области демографии до конца 60-х годов была в целом неясной или (в великие часы маоизма) открыто поощряла рождаемость. В результате население возросло приблизительно на 2% в год, что увеличило его численность с 583 млн. в 1953 г. до 1046 млн. в 1985 г.⁵⁷

В 70-х годах власти начали вести отчаянную пропаганду в пользу поздних браков и ограничения каждой семьи двумя детьми. Однако результаты оставались неудовлетворительными. Поэтому начиная с 1980 г. политика ограничения рождаемости стала более жесткой. Власти продолжают поощрять поздние браки, но особенно подчеркивают необходимость иметь в семье не более одного ребенка. Это правило, заметим тут же, пока не получило никакого подтверждения в законе. Закон только «поощряет» «поздний брак и позднее рождение потомства». До сих пор ждут принятия обещанного еще в 1982 г. законодательного акта, который бы регламентировал политику контроля над рождаемостью в целом. Отсутствие такого закона объясняет появление местных регламентаций, а также разного рода исключений⁵⁸.

Тем не менее демографическая политика рассматривается китайским режимом как приоритетная, и он отдает ей все средства. Она лежит в основе многих пропагандистских кампаний, которые еще можно наблюдать в Китае:

На экране шанхайского кинематографа — малыш, улыбающийся на руках у матери. Он появляется на всех экранах города в один и тот же час перед началом программы. Главный символ, вытеснивший марширующие толпы и развевающиеся знамена. Это не простой малыш, это — «единственный ребенок». Совершенный образец, он изображает будущее Китая. Посмотрите на его мать, которая в свободной руке поднимает «карточку единственного ребенка» — желанный диплом, связанный со многими преимуществами, которых она тотчас же лишится, как только вздумает дать идеальному дитяти братишку или сестренку.

Ошибка исключена: в Китае нет ни одной производственной единицы, квартала, деревни, которые не имели бы своего советника по планирова-

нию рождаемости. В Шанхае в мае, во время недели пропаганды противозачаточных средств, врачи и кадровые работники вышли на улицы, готовые отвечать на вопросы. На стендах развешены знаменитый свиток с восемью иероглифами (четыре группы по два знака): «Женитесь поздно. Рожайте поздно. Рожайте мало. Рожайте хорошо».

Таковы сегодня четыре заповеди Китая.

Госпиталь Международного мира, объединяющий контрацепцию и гинекологию, регистрирует 6000 рождений в год, но принимает ежедневно 800 женщин, которым дают советы и противозачаточные средства, делают аборт или производят стерилизацию. Там подготовлены сотни инструкторов для распространения технических средств и расхваливания контроля над рождаемостью. Под руководством заместительницы директрисы Яо Чжунхэн вам продемонстрируют многочисленные образцы средств, которыми здесь располагают: диафрагмы, желе, пилюли для приема внутрь, спиральки — китайский вариант называется «Цветок Гуандуна». «Каникулярные пилюли» рекомендуются парам, которые по условиям работы редко встречаются. Средства и инструкции по их применению — бесплатны. За стерилизацию выплачивается премия. На диапозитивах максимально наглядно, с показом анатомических срезов, объясняются все случаи этого рода. Вот действие такого-то контрацепта во время акта. Вот молодой рабочий, подвергшийся вазэктомии, пришел на обследование; он, кажется, в отличном физическом состоянии⁵⁹.

Как и всегда, когда возникает срочная необходимость, власти широко привлекают науку. Ученые организуют передвижные выставки о зачатии и противозачатии. Они распространяют в миллионах экземпляров небольшие пособия, например в форме «вопросов и ответов», восхваляющие преимущества иметь единственного ребенка — для здоровья матери и его воспитания⁶⁰. Бывает, что эти пособия в ущерб правде призывают к отказу от раннего материнства как якобы вредного:

Некоторые думают, что, когда у девочки появляются первые регулы, она уже достигла зрелости, т. е. ее тело уже созрело, и она, следовательно,

может выходить замуж и иметь детей. Эта точка зрения ошибочна.

Когда начинаются регулы — это знак того, что начинается деятельность половых органов, или, иными словами, что яичники начинают выделять созревшие яйцеклетки, хотя сами яичники еще не достигли зрелости. Даже в 18 лет, когда заканчивается созревание яичников, все тело еще не созрело; например, еще идет обызвествление костей, а тело продолжает расти и крепнуть. На этой стадии кора головного мозга, нервная система и гормональная регуляция еще не стабильны. Вообще девушка достигает зрелости только к 23 годам. Если она влюбляется, выходит замуж и имеет детей до этого возраста, это непременно вредит ее здоровью и физическому развитию⁶¹.

Однако пропаганды явно недостаточно. Власти это открыто признают и дополняют ее инструкциями (сильно расходящимися в деталях), в которых предусматривается сочетание экономических стимулов и санкций. Например, в случае обязательства родить только один раз мать получает право на шестимесячный отпуск с полной оплатой и возможность отдыхать еще шесть месяцев, получая 70% зарплаты. Такое обязательство дает также право на пособие по родам, бесплатное медицинское обслуживание и возможность приобретать некоторые редкие продукты, например молоко. Производственные единицы могут предоставить и иные поощрения, например приоритет в поступлении на работу или, в деревне, получение дополнительного участка. Более того, аборт или стерилизация дают право на отпуск. Наконец, некоторые особенно богатые сельские коллективы обещают взять на себя заботу о стариках, которых не могут поддерживать дети.

Напротив, на супругов, родивших ребенка во второй раз, особенно если они уже пользовались льготами по «карточке единственного ребенка», налагаются санкции: штрафы, отказ в медицинском обслуживании, отказ в выдаче ребенку продовольственной карточки⁶².

Но ограничение рождаемости навязывается и гораздо более властными методами. В производственных единицах, особенно там, где много работниц, каждый цех осуществляет свой план ограничения

“高档商品”

赵金荣

«Товар высшего качества»

Объявление гласит: «Как я выбрала себе мужа. Рост: более 1 м 82 см.; семья — высшие кадровые работники; культурный уровень — диплом об окончании высшей школы; профессия — инженер на высшей должности; зарплата — высшая...».

«Сатира и юмор». 20.02.1983.

рождаемости и прибавляет свои собственные санкции к тем, что предусмотрены правительством. В сельской местности настоящие принудительные мероприятия были организованы уже в начале 70-х годов, по крайней мере в нескольких провинциях⁶³. Видимо, такая практика возобновилась в 1978 г. и стала еще более распространенной. Вот пример, взятый из репортажа «Жэньминь жибао»:

Процент роста населения уезда Чанъань (Шэньси) относительно высок, что противоречит применению планирования рождаемости в муниципалитете Сиань, который не развил критику. В минувшем декабре в уезде Чанъань были все же объявлены «две ударные недели» и в десять дней проделано четыре тысячи аборт у женщин со сроком беременности два и более месяца. В некоторых коммунах, надо признаться, взялись за дело слишком круто, и это имело очень плохой резонанс. Многие женщины поспешили «навестить родите-

лей» или «вернуться к своим», чтобы избежать этих эксцессов⁶⁴.

Четыре тысячи аборт в «две ударные недели». Пришлось применить силу против пассивного сопротивления крестьян и женщин, бежавших от отрядов планирования рождаемости. Когда нужно, вмешивается армия, и солдаты часто сопровождают бригады, на которые возложена задача производить аборт и стерилизацию⁶⁵. В других местах, например в уезде Цзяньян (провинция Фуцзянь), навязывали противозачаточные средства женщинам, имеющим одного ребенка, и стерилизацию супругам, имеющим двух детей, а также аборт с последующей стерилизацией женщинам, забеременевшим «вне плана». Министр, ответственный за планирование рождаемости, в беседе с двумя иностранными журналистами признал, что эти операции производились насильно. В провинции Гуандун за два квартала 1983 г. было проведено 1,33 млн. операций стерилизации, т. е. столько, сколько за 1970—1978 гг. Из них 900 тыс. касались женщин, и считается, что по крайней мере в трети случаев стерилизация проводилась насильно⁶⁶.

Нынешняя политика приняла размеры, которых она никогда не достигала в прошлом. По сообщению «Бэйцзин информэйшн» от 15 августа 1983 г., по всей стране подверглись перевязке труб 30 млн. женщин фертильного возраста и было стерилизовано 12 млн. мужчин. Сомнительно, чтобы этого было достаточно для обеспечения официальной цели ограничить численность населения Китая к 2000 г. 1,2 млрд. человек, т. е. на 150 млн. больше, чем сегодня. Это предполагает ежегодный прирост на 11 млн. жителей, в то время как еще в 1982 г. было 14,5 млн. Процент ежегодного прироста действительно снизился с очень высокого — 2,5% в 1970 г. — до 1,1% в 1979 г., но он возрос до 1,45% в 1981 г. и 1,3% в 1983 г., когда в фертильный возраст вступили поколения, родившиеся в 60—70-х годах; затем он упал до 1,1% в 1984 г., потому что если индекс рождаемости снизился до приблизительно 1,7%, то смертность тоже снизилась — с 1,15% в 1964 г. до 0,67% в 1984 г.⁶⁷. Таких результатов достигнуть было нелегко.

Репортаж «Жэньминь жибао», который мы цитировали выше, свидетельствует о пассивном сопротивлении, которое контроль над рождаемостью встретил

у крестьян Шэньси. Подобных примеров много, и можно заметить, что появляются и формы активного сопротивления:

В эти дни несколько человек пробираются в окрестные деревни, чтобы «извлечь» противозачаточные средства у молодых женщин, подчинившихся контролю над рождаемостью. Под предлогом «расходов на операцию» этим людям следует платить пять, десять или двадцать юаней. В сельской местности всегда есть люди, желающие иметь много детей, и эта тайная практика находит многих клиентов; ее трудно обнаружить. Несколько дней назад один из этих «извлекателей» появился в производственной смене и скрытно извлек противозачаточные средства у шести или семи женщин, заработав таким путем несколько десятков юаней. Он был вызван в службу общественной безопасности, где его допросили, а затем отпустили, поскольку закон не предусматривает санкций за такой вид деятельности⁶⁸.

Действительно, контроль над рождаемостью никогда не предусматривался законом. Следует отметить стоимость операции, производимой «извлекателями», — она равна денежному доходу крестьянина за несколько месяцев. То, что семьи готовы заплатить такую сумму за возвращение возможности производить потомство, показывает, в какой степени официальная политика навязана сельскому населению и насколько, несмотря на огромные пропагандистские усилия, оно плохо усвоило ее мотивы, какими бы оправданными они ни были. В крестьянской среде противодействие контролю над рождаемостью продолжает носить всеобщий характер. Но оно существует и в других слоях, и нарушения правил, кажется, столь же часты и среди кадровых работников⁶⁹.

Это противодействие — мы к нему еще вернемся — хорошо объясняется традиционными представлениями, в которых богатство ассоциируется с множеством потомков мужского пола. Но оно имеет и объективные соображения, связанные с неуспехом социальной политики режима: он не в состоянии, если не считать самых крупных промышленных предприятий, финансировать общую пенсионную систему. Следовательно, пожилые люди зависят в финансовом отношении от своих детей. Кроме того, деколлективизация деревни

делает крестьян более свободными в распоряжении как доходами, так и расходами. Они зачастую предпочитают уплатить штраф, но родить второго, а то и третьего ребенка⁷⁰.

Таким образом, народное сопротивление контролю над рождаемостью в сельской местности объясняет некоторое повышение процента рождений после того, как в 1978 г. началась политика деколлективизации⁷¹. По стране в целом насчитывалось 46,55% первых родов, 25,3% — вторых и 28,09% — третьих, но в некоторых сельских районах число вторых родов доходило до 40%⁷².

Магистральная доктрина в области морали

Итак, режиму не всегда хватало власти, чтобы его политика была действенной. Необходимо, чтобы она опиралась на абсолютную моральную доктрину, которую режим, считающий себя порождением правильной теории, полагает нужным внедрять. Эта абсолютная доктрина осуществляется как в области чувств и сексуальных отношений, так и в экономике и социальной сфере. Так, власти не перестают проповедовать молодежи необходимость вступить на службу революции. В иные времена это вопреки всему позволяет иметь некоторую личную свободу, в другие же, как во время «культурной революции», приоритет революционной борьбы исключает всякую слабость чувств. На активистов Союза коммунистической молодежи возлагается тогда обязанность своевременно замечать и душить зарождение любви:

В 1975 г., когда меня перевели в питомник, дирекция поручила нашей секции Союза коммунистической молодежи важную задачу: мешать молодым людям становиться близкими друзьями, искать невест, говорить о любви. Как только начинало казаться, что совместная работа, учеба, досуг зарождали между юношей и девушкой любовное чувство, надо было сделать все, чтобы помешать развитию этих отношений. Называя имена, их критиковали на собраниях. После собраний следовало «дружеской откровенностью» вызвать у них чувство страха или корысти. Если эти методы ока-

зывались недостаточны, молодых разлучали: одного посылали на ферму Юга, другого — на Север... Я подсылал «активистов» следить — не встречаются ли юноша с девушкой, не назначают ли свидания, нет ли в их переписке фотографий или любовных писем. Затем я докладывал дирекции об этих интимных, трудно обнаруживаемых секретах, и дирекция начинала «войну против чувств», разлучая любовников и влюбленных. По указанию руководителей перед общим съездом Союза члены комитета нашей секции и я сам хором провозглашали лозунги партии о поздних браках и контроле над рождаемостью, вплоть до бредового: «Чем позже заключен брак, тем он лучше; самое лучшее решение, наиболее соответствующее интересам государства, — вообще не жениться». А еще мы провозглашали: «Для молодых людей двадцати лет и более совершенно излишне заниматься личными проблемами. Не будем иметь женихов, не будем думать о любви; этого требует обстановка, эпоха, революция»... Затем я вынуждал каждого товарища публично обещать «не искать жениха, не говорить о любви раньше, чем через энное количество лет»... Большинство обещало это и публично принимало обязательство на пять лет. Однако некоторые тут же яростно клялись совсем не вступать в брак, чтобы стать монахами или монашками Революции...⁷³

После 1978 г. политика в отношении молодежи стала не столь крутой. Власти допускают, что любовь, если она реализуется в браке, — это нормальное и даже положительное чувство. Публикуя рассказы вроде цитированного выше, они обвиняют в издевательствах «Банду четырех». Однако власти, даже когда они разрешают танцевальные вечера, не упускают из виду защиту нравственности.

Что надо знать, идя на танцы

Теперь отель «Река Сян» в Чанша организует дважды в месяц бал для китайцев и иностранцев. Но когда какой-либо китаец входит в зал, он получает вместе с билетом отпечатанные на трех страницах правила, где можно найти такие статьи:

1. При входе на бал надо предъявить удостоверение с места работы или билет учащегося.

2. Иметь опрятные прическу и костюм, быть чистым и выбритым, при входе в зал снять шляпу и солнечные очки.

3. Не курить, не есть лук или чеснок перед тем, как пойти на бал, не плевать или, если это необходимо, сплевывать в свой носовой платок.

4. Разговаривая с иностранцами, хорошо помнить о разнице между китайцами и иностранцами.

5. Быть внимательным в вопросах безопасности и тайны. Не приносить с собой никаких секретных документов или документов для служебного пользования.

6. Уважать дисциплину, не принимать от иностранцев подарки, не назначать иностранцу свиданий.

7. Юноши должны проявлять задор, девушки — быть естественными и веселыми. В глазах девушек должны быть видны хорошее настроение и немного кокетства.

8. В беседе говорить тихо и не ругаться.

9. Ходить легко, не быстро и не медленно, не пересекать кому-нибудь дорогу.

10. Сидеть прямо, не класть ногу на ногу, не вытягивать ноги.

11. Приглашая девушку танцевать, надо взвесить обстоятельства, избегая того, чтобы одну и ту же девушку приглашали одновременно несколько человек. Не спорить из-за партнерши.

12. Танцуя, юноша не должен слишком крепко жать руку девушки или слишком близко прижимать ее к себе.

13. Танцуя, юноша не должен смотреть на партнершу.

14. Как только музыка перестанет играть, юноша должен проводить девушку на место, поблагодарить ее и вернуться на свое место⁷⁴.

Эти правила подтверждают то, что можно было увидеть в открытых танцевальных залах Китая еще в 1985 г. Не только отношения с иностранцами должны быть умеренными, не только в залы не допускались молодые люди, во внешности которых был какой-то беспорядок, но должны были соблюдаться правила

пристойного поведения. Ст. 7 правил претендует даже на управление поведением танцующих, распределяя их роли: юноше — задор, девушке — веселость...

Начальство стремится также контролировать отношения между полами в университетах и в производственных единицах: как только молодые люди выражали свои чувства знаками, нарушавшими границы стыдливости, говорилось о «плохом поведении». Этот морализм очень часто получает поддержку общественного мнения. Газеты больших городов, например «Бэйцзин ваньбао», не упускают случая помещать письма с протестом против плохого поведения молодежи. В одной пропагандистской работе, опубликованной в Шанхае, отец семейства жалуется, что он не может гулять со своим десятилетним ребенком в общественном саду — так дурно ведут себя влюбленные⁷⁵.

Тем, кто знает Китай, эти жалобы кажутся весьма преувеличенными. Но правда, что улицы выглядят иначе: одежда более разнообразна, более разноцветна, манеры менее натянуты, влюбленные держатся за руки...⁷⁶. Можно даже задаться вопросом — не оживило ли подавление чувств в период маоизма естественные влечения, испытываемые большинством молодежи. В шанхайской библиотеке больше всего спрашивают романы о любви:

Ежедневно шанхайскую библиотеку посещают более тысячи читателей, и свыше 80% спрашиваемых книг и журналов — это романы о любви или полицейские романы. Читатели обсуждают все названия, в которых есть слова «любовь» или «девушка», например «Городская девушка», «Девушка смешанной крови», «Странная девушка», «Мисси Дженни» или «Девушка с косами». Поверив заглавию, некоторые читатели испытывают большое разочарование, когда обнаруживают, что в романе речь идет не о любви: не проходит и минуты, как они меняют эту книгу на другую⁷⁷.

Мода на чувственность распространяется и на кино. После «культурной революции» фильмы, снятые в Китае, стали более разнообразны. В большинстве из них морализующий уклон сочетается с драматической интригой, в которой разную роль играет любовь. И именно любовная интрига привлекает зрителей. Из десяти фильмов, поставленных в студиях Пекина и

Шанхая в первом полугодии 1980 г., восемь в самих названиях намекают на любовные отношения⁷⁸. И если кадры в этих фильмах очень целомудренны, то чувственная атмосфера, в которой все происходит, выступает от этого еще отчетливей. Обволакивающая чувственность проявляется также в модных меланхолических песнях, как, например, в знаменитой «И когда же ты вернешься?»:

И когда же ты вернешься?
Цветы расцветают не часто,
Сладкие минуты так редки!
От забот нахмурены мои брови,
Слезы текут, я больна от любви.
Этим вечером мы расстанемся,
И когда же ты вернешься?

Допей этот стакан, съешь кусочек,
Жизнь дарит нам мало опьянения.
Чего же мы ждем, чтобы ее отведать?
Этим вечером мы расстанемся,
И когда же ты вернешься?

Время бежит, нас торопя,
Сладкие минуты не возвратятся,
Каждое мгновение стоит тысячу золотых.
Не надо колебаться.
Этим вечером мы расстанемся,
И когда же ты вернешься?

Допей этот стакан, откуси кусочек,
Жизнь дарит нам мало опьянения.
Чего же мы ждем, чтобы ее отведать?
Этим вечером мы расстанемся,
И когда же ты вернешься?

(Записано в КНР осенью 1983 г.)

«И когда же ты вернешься?» написана в то же время и на ту же тему, что и знаменитая, навязшая в ушах на Западе песня времен второй мировой войны «Лили Марлен». Ее распространение не доставило удовольствия начальству, осуждавшему ее пессимизм и сентиментальность⁷⁹. Она, конечно, антипод героическим и оптимистическим гимнам, распространявшимся в течение тридцати лет и, разумеется, надоевшим китайцам.

Доктрина в вопросах пола

«Чего же мы ждем, чтоб ее отведать?» — эти слова песни лишь клише, столь же обычное для китайской

поэзии, сколь и для нашей. Оно не очень нравилось режиму, который, не столь лицемерно щепетильный по сравнению с прошедшим временем, все же не снял табу с того, что касается отношений полов вне брака. Они продолжают осуждаться, и этому осуждению стараются дать политическое оправдание. Так, «Чжунго циннянь» рассказывает историю одной соблазненной работницы и в связи с этим случаем проповедует добрачное целомудрие:

Видение любви — часть концепции жизни. Наша концепция любви зависит от нашей концепции жизни. Возьмем, например, революционера. Он не только хороший муж своей жены, но на своем жизненном пути они будут товарищами и соратниками. Для них соединиться — означает желать 'долгой совместной жизни и борьбы. Каков нравственный характер супруга, хорош он или плох, каковы его мысли, его стремления — разве не часто только после вступления в брак открывается определенный фактор, позволяющий помогать друг другу, разделять одни идеалы и жить в гармонии?

При выборе супруга следует исходить не только из соображений, касающихся его физиологического состояния, экономических условий, характера, вкусов, талантов, но и из его политической позиции, качества его мышления. Только любовь, построенная на основе революционного идеала, может быть прочной и долговременной и обеспечить подлинное счастье обоих супругов.

Появилась привычка представлять вопрос вступления в брак как вопрос «индивидуальный», но такой подход и ненаучен, и неточен. После вступления в брак каждое лицо имеет обязанности по отношению к супругу, детям и обществу. Вопросы любви и брака не только частное дело, они глубоко связаны со всем обществом. Мы, молодые, должны ответственно относиться к обществу, к другим людям и к самим себе, чтобы быть в состоянии серьезно и разумно обсуждать вопросы любви и брака. После того как парень и девушка познакомятся, нужно не спешить определять отношения и слишком рано вступать в брак, нужно прежде всего постараться понять своего друга, вынести о нем суждение, а для этого лучше всего выслушать мнение его товарищей и ответственных работников из

его подразделения... Нужно твердо подчеркнуть тот факт, что юные влюбленные должны ясно видеть разницу между помолвкой и женитьбой, и цель этого — помешать половым отношениям до свадьбы.

Все знают, что если даже имеется связь между временем помолвки и свадьбой, то это две разные вещи. Помолвка — это период взаимного узнавания и изучения мужчины и женщины, в течение которого их чувства крепнут. В этот период оба лица не связаны законными узами. Следовательно, помолвка может вести как к более прочному союзу, так и к разрыву. Это время, когда оба человека сохраняют отношения товарищей и друзей, а не мужа и жены; этот период не разрешает половых отношений. Лишь после свадьбы они принимают законную форму. Только когда мужчина и женщина получают одобрение закона, они объединяются как муж и жена, которые могут вести половую жизнь⁸⁰.

Аргумент весьма ортодоксален: самое важное, что скрепляет брак, — это идейное и моральное согласие. Поэтому половые отношения до брака заслуживают осуждения. Несмотря на отсутствие ясных установлений на сей счет в законе, такие отношения часто наказываются производственными единицами, полицией и иногда даже судебными властями.

В одном из шанхайских центров по перевоспитанию, который мы посетили осенью 1983 г., треть воспитанников и половина воспитанниц попали туда за добрачные половые связи⁸¹.

Трудно, однако, определить, объясняется ли такая пропорция строгостью репрессий или распространенностью явления. Среди городской молодежи, и особенно среди детей кадровых работников, нравы носят явно разнузданный характер. Официальная пропаганда это признает и возлагает вину за это на плохие влияния, за которые режим не ответствен: отчаяние и цинизм, возбужденные правлением «Банды четырех», вкус к наслаждениям под тлетворным духовным влиянием Запада.

В сельской же местности табу строго соблюдается. Это хорошо видно по сцене из раскритикованной официальной прессой новеллы, в которой Чжан Сюань показывает как двое крестьян уступают желанием пло-

ти. В конце 70-х годов Маленький Леопард и Цуньни говорят об одном иностранном фильме, который когда-то видел деревенский слепой (!):

«Это было действительно хорошо!»— сказал Маленький Леопард, облизнув губы с насмешливой улыбкой. «Там было...»

«Что там было?»— Цуньни не могла удержаться от вопроса, видя его радостное лицо.

«Э! Э! Э!.. я этого не скажу». Маленький Леопард покраснел, не переставая смеяться.

«Ну так что же там было? Скажи мне!»

«Сейчас скажу, но потом не ругайся!»

«Ну же, говори!»

«Там было...» Маленький Леопард согнулся вдвое от смеха. Теперь Цуньни поняла, что он скажет какую-то непристойность, и схватила пригоршню грязи. Но Маленький Леопард, собрав всю свою смелость: «Там были мужчина и женщина, они целовались! А! А! А!»

«Фу! Гадость!» Щеки Цуньни зарделись, и она запустила в него комком грязи...

Маленький Леопард сконфуженно засмеялся и снял верхнюю одежду, чтобы вытереть свою мускулистую грудь концом рубашки. Цуньни с недовольной гримасой тоже стала стягивать свитер и стирать грязь, запачкавшую ей грудь... Маленького Леопарда ошарашило, словно ударил электрический ток. Вытаращил глаза. Дыхание прервалось, кровь бросилась в голову. Все потому, что, снимая свитер, девушка приподняла рубашку и нечаянно приоткрыла кончик своей красивой груди, белой и нежной...

Маленький Леопард полностью теряет голову и хочет ее поцеловать. Цуньни разрешает это, и затем следует порыв страсти. Но секрет влюбленных скоро открыт. Маленький Леопард арестован милицией и избит. Цуньни, обезумев, кидается в пруд. Спасители прибывают слишком поздно⁸².

Рассказ рисует сцену нарастания желанья. Оно не сразу выходит наружу. Оно вызвано игрой вопросов и ответов, затем намеками на необычное зрелище — поцелуй в иностранном фильме, наконец, взаимным и непреднамеренным обнажением, чтобы внезапно проявиться. Стыдливую игру и намеки без всякого перехода сменяет любовный акт.

Это внезапное неистовство, несомненно, объясняется нравственным конформизмом, подкрепляемым режимом, но возникшим не сегодня: «Об этих вещах не говорят». Впрочем, в начале рассказа Чжан Сюань передает знаменательный анекдот:

...Когда новый партийный секретарь громко огласил тему созванного им общего собрания: «Против брака путем продажи невесты», зал был изумлен. И вот парни подмигивают друг другу и хохочут «Ха-ха-ха!», тогда как девушки опускают головы, их щеки заливают краска, они робко переглядываются, скрытно смеясь.

Вопросы пола занимают в Китае, видимо, такое же важное место, что и в других странах, но об этом не говорят, и вот причина удивления двух молодых людей от иностранного фильма.

Несомненно, не стоит преувеличивать разницу. Некоторые свидетельства показывают, что в народной среде и среди молодежи иногда употребляются и двусмысленные словечки⁸³. Тем не менее китайское общество кажется еще таким, что оставляет проблемы секса в тени.

Коммунистический режим длительное время поощрял традиционную скрытность в сексуальных вопросах. С 1949 по 1976 г. был издан лишь единственный учебник по половому воспитанию, причем очень быстро полностью распроданный⁸⁴. После этого обстановка понемногу меняется, так как понятно, что незнание — не лучший союзник политики контроля над рождаемостью. Пропаганда стала гораздо более открытой и более тонкой, особенно в городе⁸⁵.

Но это пропаганда весьма ограничительной идеологии, отводящей половой жизни подчиненное место. Вот, например, какие советы дает учебник в отношении гигиены женщины:

После свадьбы половая жизнь является для супругов нормальным физическим явлением. Тем не менее, если она не регулируется, она может не только повредить здоровью, но и оказать пагубное влияние на работу и учение. Чтобы сберечь собственное здоровье, нужно обратить внимание на следующие пункты:

1. Соблюдать определенную умеренность в частоте. Разница в возрасте, крепости здоровья и условиях жизни ведут к тому, что потребности в по-

ловой жизни варьируются у разных людей. Вообще, один или два раза в неделю нормально для вполне здоровых молодых людей. Но как определить подходящую частоту? Заметьте, не чувствуется ли еще усталость через два дня после сношения. Если физически чувствуют себя хорошо, то нет проблем в отношении здоровья. Если чувствуется усталость, нужно быть несколько более умеренным.

2. Избегать полового сношения во время болезни или выздоровления, а также временно воздерживаться после выпивки или недостаточного сна.

3. Запретить себе сношения во время регул, в течение двух недель после аборта и сорока двух дней после родов. В это время во влагалище и в матке раны еще не полностью залечены, и половое сношение может легко вызвать воспаление матки, тем самым возможно поставить под угрозу способность к деторождению и здоровье женщины.

4. Умерить число сношений в первые три месяца после зачатия и за месяц до родов, так как сношение в это время может вызвать спазм матки и привести к выкидышу. За месяц до родов шейка матки раскрывается, и попавшие туда во время полового акта микробы могут вызвать болезнь в первый месяц после родов⁸⁶.

Эта концепция ограничения места половой жизни в браке очень напоминает другие речи моралистов, прежних и нынешних, восточных и западных⁸⁷. Автор допускает по крайней мере, что это «нормальное физиологическое явление», но оно не должно мешать приоритету таких видов деятельности, каковы «работа и учение», а не деторождение. Приведенные обоснования суть идеологического и политического порядка, а, разумеется, не религиозного. Режим желает контролировать половую жизнь во имя собственных целей и для того пускает в ход все средства пропаганды и полицейского надзора, которыми он располагает.

Как бы ни были они внушительны, эти меры не могут быть полностью эффективными. Так, они не заставили исчезнуть порнографию. Вот как официальная печать описывает случай раскрытия торговли порнографическими игральными картами:

Недавно суд уезда Чжуншань провинции Гуандун рассмотрел дело о ввозе и торговле порногра-

фическими изображениями. Подсудимый Ли Хунмань был приговорен к двум с половиной годам тюрьмы. В июле 1981 г. он купил в Макао некоторое количество порнографических карт для игры в покер, изображавших голых женщин. Съездив дважды, он провез контрабандой 223 карты, чтобы продать их по завышенной цене 6,5 юаня за штуку. Он был пойман с поличным ⁸⁸.

Этот эпизод свидетельствует о суровости судебных властей, суровости, которая временно, в ходе «кампании против преступности» 1983—1984 гг., была еще усилена. Торговля порнографическими материалами особенно активна в пограничных или прибрежных городах. Например, торговля порнографическими видеокассетами распространена в провинции Фуцзянь ⁸⁹. Продажу картинок, фотографий и кассет в больших городах внутренних районов страны подтверждает и официальная пресса ⁹⁰. С начала 70-х годов периодически отмечается, что порнографические романы переписываются от руки и продаются из-под полы по всей стране (например, «Воспоминания Манон», «Дневник девушки» и «Брачная ночь») ⁹¹. Гонконгские газеты угощают читателей анекдотами на тему о разложении коммунистического общества и постоянстве человеческой природы... Но их воспроизведение не дает, однако, гарантии — не происходит ли все это потому, что пекинское начальство в интересах репрессий придает слишком широкое значение определению «порнография».

Нельзя также игнорировать существование явно побочных явлений, близких к проституции, столь порицаемой ранее и теоретически уничтоженной режимом. Эти явления весьма различны. Действительно, что общего между «девушками, готовыми „обслужить“ высоких руководителей», которых разоблачает диссидент Вэй Цзиншэн в своей знаменитой статье «Пятая модернизация», опубликованной в первом номере журнала «Enquête» ⁹², и окончившими школу девочками, сосланными в деревню и столь бедствующими, что они отдаются на обочине дороги за чашку риса? В городах внутренней части страны проституция, видимо, сейчас редка ⁹³. Напротив, в Гуанчжоу, где контроль менее строг, а иностранных путешественников особенно много, она, кажется, развита в самых классических формах ⁹⁴.

Однако начальство еще более беспокоится по поводу чувственных влечений, угрожающих супружеским парам. Если верить печати, случаи неверности не столь уж редки в городах и даже в сельской местности⁹⁵. Оправданна она или нет, но ревность разрушает многие пары⁹⁶. Сообщения о драках, преступлениях на почве страсти, самоубийствах заполняют вечерние газеты⁹⁷. Многие разводы мотивируются неверностью⁹⁸. Все это, несомненно, дает основание не принимать полностью утверждение Жана Паскуалини, согласно которому, «в Китае супружеские союзы гораздо менее страстны и отношения гораздо более спокойны, чем на Западе»⁹⁹.

В этой обстановке, сложность которой они, возможно, преувеличивают, власти проявляют суровость, тем более непреклонную, что она отвечает настрою общественного мнения. Недавно один депутат Всекитайского собрания народных представителей потребовал издать закон о наказании «третьих лиц», повинных в разрушении супружеских пар¹⁰⁰. В сообщении, опубликованном журналом «Миньчжу юй фачжи», приводятся следующие соображения в пользу официальной строгости:

Вот письмо в моем досье. Его автор, девушка по имени крошка Ма, очень мучается. Истоки этого дела в том, что молодая жена коллеги Ма по работе хронически болела, да и характером обладала незавидным, что вызывало в семье постоянные ссоры. Этот коллега часто горевал. Ну, крошка Ма начала ему сочувствовать, иногда утешать. Мало-помалу она открылась ему в нежных чувствах: она в него влюбилась. Но ведь речь все-таки шла о женатом коллеге. Что ему было делать? Отдаться на волю чувств? Или как можно скорее закрыть перед ними дверь, чтобы помешать им выйти из-под контроля? Таков был вопрос, поставленный в этом письме.

По правде сказать, я допускаю, что крошка Ма мучается, но мораль и разум запрещают мне одобрить то, что она сделала, и я вынужден совершенно ясно заметить ей, что еще один шаг — и она станет «третьим лицом», что абсолютно запрещает наш «суд чести». Крошка Ма должна решительно

держат закрытыми бутоны любви, пока они не распустились, иначе следующая сцена может стать трагедией и для нее, и для другого, приведя потом к сожалениям на всю жизнь!

...Войти в семейный очаг «третьим лицом» — значит играть поистине некрасивую, даже низкую и мерзкую роль. Прежде всего, это значит разрушить брак и семью другого. Возьмем, например, семью этого коллеги крошки Ма. Правда, что между этими супругами много противоречий и неудовольствий, но ведь дело идет прежде всего о законном браке, и к тому же основанном в определенной мере на чувствах. Более того, часы и невзгоды, проведенные и пережитые вместе, закалили супружеские чувства обоих... И если между ними нет радикальных разногласий, никакая рана не смертельна. Если бы не вмешалось «третье лицо», противоречия между супругами было бы трудно привести к неразрешимым проблемам...

Закон о браке буквально устанавливает, что в нашей стране практикуется моногамия и что всякий законный брак находится под покровительством закона. Стало быть, действовать в качестве «третьего лица» — значит покушаться на моногамию и разрушать законный брак. Это заслуживает наказания — в соответствии с большей или меньшей степенью вины...

Кроме того, если вредят семейному счастью, то и сами счастья не обретают. Если ее коллега действительно разведется со своей женой — сможет ли крошка Ма жить с ним со спокойной душой и без угрызений совести? Разве слезы покинутой женщины, плач детей, порицание общественного мнения не заставят ее стыдиться того, что она причинила вред другому человеку?..

Заметим, что те, кто играет роль «третьих лиц», всегда выставляют благородный резон: «я имею право любить», или «у меня великодушное сердце», или же «я ее (его) полюбил (а), чтобы ее (его) спасти» и т. п. Но мы — мы скажем, что если человек имеет право любить, то он не имеет права причинять вред другому и красть его любовь... Когда мы говорим о наших правах, мы прежде всего не должны забывать, что каждый человек должен уважать общественную мораль...¹⁰¹.

Суровое отношение редактора к «третьему лицу» безоговорочно. Но речь ведь идет не о патентованном соблазнителе, а о молодой девушке, которую толкнуло к коллеге сострадание, в сущности проявление добродетели. Однако редактор оставляет ей только право «мучиться». Он не колеблется насчет решения, которое должна принять крошка Ма — отступить. Он противопоставляет ей боль покинутых женщины и детей, возможность будущего примирения разлученных супругов и, сверх того, категорический императив: необходимость охранять семейную ячейку, что является одним из основных положений «общественной морали». Коротче, режим не покровительствует чувству, он охраняет семью ¹⁰².

Политика ограничения разводов

Лучшей иллюстрацией этого выбора служит официальная политика в отношении разводов. Эта политика характерна также тем, что она приводит в действие большинство средств, которыми располагает режим: принятие законов, а также идеологическая пропаганда, политический нажим, манипуляции администрации и судебная практика.

Эта политика — результат разоблачающей эволюции. Ранее, в 1934 г., в период существования Советов в Цзянси, линия КПК по отношению к разводам была либеральной. Но эта линия с конца 30-х годов, в период Яньани, стала видоизменяться: став серьезным претендентом на власть, коммунистическая партия должна была считаться с непопулярностью у мужского сельского населения послаблений, разрешавших женщинам требовать развода. Можно вполне предположить, что партия хотела укрепить свой контроль над предоставлением разводов.

Закон о браке 1950 г. предоставил властям право вмешательства в этом вопросе. В ст. 7 он обусловливал:

Развод предоставляется, когда этого хотят обе стороны: муж и жена. В случае, когда на разводе настаивают только муж или жена, он может быть предоставлен лишь в том случае, если посредничество народного правительства и судебного органа уезда не сумело примирить супругов ¹⁰³.

Эта статья предоставляет большую свободу суждений начальству, на которое возложена задача проверить — действительно ли взаимно желание развестись или же можно предпринять посредничество. Да и применение закона эволюционировало в соответствии с инструкциями для служебного пользования, направляемыми политическими инстанциями в судебные органы и местному начальству. Эти директивы, кажется, носили все более и более ограничительный характер. Политика режима в отношении разводов была относительно либеральной только в первые годы (1950—1956). Часть запросов исходила тогда от кадровых работников, желавших развестись с женами, с которыми их разлучила война. Более того, режим желал разрушить семьи «феодалного типа», чтобы уничтожить защитный зонтик глав семей, привлечь женщин к своей политике и втянуть их в производство. По свидетельству китайского юриста Фан Цзюньи, число рассматриваемых ежегодно исков о разводе возросло с приблизительно 500 тыс. в 1950—1952 гг. до 1170 тыс. в 1953 г., чтобы снова снизиться до 510 тыс. в 1956 г.¹⁰⁴

В дальнейшем ограничения все возрастали, вплоть до произвола «культурной революции». В этот период суды не колеблясь отказывали в разводах даже тогда, когда просьбы об этом подавались несколько раз подряд. Вот пример дела о разводе, которое тянулось 25 лет:

Дело касается некоего Фана, мужчины, которому ныне исполнилось 57 лет. В 1941 г. родители женили его на особе по имени Сю. Они оба участвовали в сопротивлении японцам, работая — он в кантональном правительстве, она — в тылу. Их двое детей умерли во время войны. Затем оба — Фан и Сю — вступили в армию, прошли с ней на юг до Шанхая. У них было еще трое детей.

Попав в город, Фан стал мыслить по-новому. В 1956 г., ссылаясь на то, что Сю не развивается, и на несходство характеров, Фан возбудил в суде дело о разводе. Так как Сю не дала своего согласия, суд в разводе отказал. Затем супруги стали ссориться из-за денег и плохих отношений Сю с ее свекровью. В течение трех лет, когда Сю уехала лечиться в деревню, она не переписывалась с Фаном, что его особенно разгневало. Во время кампа-

нии против правых уклонистов Сю приехала по месту работы Фана, чтобы его разоблачить, что обострило его неприязнь к ней. Теперь он жил по месту работы, отказываясь участвовать в расходах на жизнь своей семьи; Сю, также в бешенстве, часто приходила затевать ссоры у него на работе. В 1959 г. Фан снова обратился в суд с иском о разводе. Так как Сю отказалась дать согласие, суд не нашел законной причины и отказался разрешить развод. Тогда Фан с матерью сняли другое жилье. В это время Сю потребовала, чтобы дети выступили перед их отцом, но успеха не имела. В 1963 г. Фан подал в суд новый иск о разводе, но суд снова отказал, аргументируя это тем, что Фан является главным ответственным за раздоры в семье, что недостатки и ошибки его жены требовали его помощи и, наконец, что именно ему надлежит наладить отношения между женой и ее свекровью и сгладить отношения в семье. Однако отношения между супругами решительно не улучшались, они продолжали жить порознь. В течение десяти лет смуты (т. е. десяти лет, которые, как теперь считают, длилась «культурная революция». — Авт.) Сю снова обращалась в производственную единицу Фана с разоблачением его ошибок, так что он был подвергнут критике и борьбе. После этого Фан, вынужденный к этому сложившейся ситуацией, иногда оставался у нее ночевать, не возобновляя супружеских отношений. В 1978 г. он подал в суд четвертый иск о разводе, прося суд облегчить его страдания и заверяя, что он даже после смерти будет добиваться законного развода. Но Сю продолжала упрямо противиться этому, заявив: «Я еще люблю Фана, если суд разрешит развод, я кончу с собой»¹⁰⁵.

Хотя это особый пример, он не уникален. В бюллетене Синьхуа (1982, № 2, с. 18) приводится другой пример, когда решение дела о разводе оттягивалось на протяжении 18 лет. Суровое отношение суда объяснялось только тем мотивом закона, что примирение остается возможным (хотя очевидно, что оно исключено из-за распада связей между супругами, ставшими политическими противниками), и той чисто идеологической посылкой, что брак должен и, следовательно, может быть восстановлен.

Закон, принятый в 1980 г., не содержит в этом вопросе практически никаких изменений по сравнению с Законом 1950 г.:

Ст. 24. Развод предоставляется супругам, которые этого хотят по взаимному согласию. Супруги, желающие развестись, должны подать заявление о разводе в бюро регистрации браков. После опроса и если будет установлено, что развод действительно желаем по взаимному согласию и что приняты надлежащие распоряжения относительно детей и имущества, бюро регистрации браков должно без промедления выдать удостоверение о разводе.

Ст. 25. Если один из супругов сам потребовал развод, соответствующие учреждения могут постараться примирить обе стороны; истец может также обратиться с делом о разводе прямо в народный суд.

Народный суд, получив такое заявление, должен сначала попытаться примирить обе стороны; он должен вынести постановление о разводе в случае, если отношения любви действительно порваны или попытки примирения оказались бесплодными¹⁰⁶.

Можно отметить лишь одно нововведение: в случае одностороннего иска разрыв любовной связи становится мотивом для предоставления развода; к этому присоединяется неудача попыток примирения. Именно по этому мотиву был в конце концов предоставлен развод Фану.

Это дополнение интересно, так как оно выявляет известное принятие в расчет чувственной стороны брака. На практике это не воплощается в заметное изменение политики в отношении разводов. Общественное мнение, равно как и местные кадры, по-прежнему плохо смотрят на развод, а правительственные директивы по-прежнему носят ограничительный характер. В случае, когда развода требует только один супруг, начинают действовать соответствующие учреждения. Профсоюз, женская ассоциация, производственная единица, квартальный комитет соперничают в даче «советов» и в нажиме с целью «помочь» расходящимся супругам или воспитать в них понимание того, что они должны и могут разрешить свои «противоречия»¹⁰⁷.

Но если иск о разводе вносится по взаимному со-

гласию, власти иногда начинают процедуру примирения, никак не предусматриваемую законом. Вот как «Чжунго фачжибао» оправдывает подобную практику:

Развод по взаимному согласию означает, что две стороны согласились о разводе. В общем, супружеские отношения дошли до такой точки, что оба супруга желают их порвать, а это значит, что противоречия между ними стали достаточно серьезны. Однако не следует делать вывод ни о том, что «супружеские отношения умерли» или «разрушились» во всех случаях, когда имеется взаимное согласие на этот счет, ни о том, что чувства супругов исчезли без надежды на возврат. Эволюция чувств между супругами и мотивы развода суть вещи сложные, которые не следует рассматривать поверхностно, чтобы с легкостью заключить, будто надо одобрить развод. В действительности некоторые споры, ведущие к требованию развода по взаимному согласию, имеют своим происхождением вспышку гнева или обиду. Даже встречаются люди, использующие развод для достижения постыдных целей, они стремятся путем ложного развода остаться жить в большом городе или избежать наказания. К этим делам надо относиться серьезно, посредством опроса, увещевания, воспитания подвести стороны, которых это касается, к тому, чтобы они хорошо подумали, прежде чем разводиться. В зависимости от конкретной ситуации нужно сначала попытаться добиться примирения супругов. Сверх того, нужно подвергать критике и воспитанию тех, кто ищет фальшивого развода по взаимному согласию, и в серьезных случаях применять санкции.

Пытаться достичь примирения в случаях просьб о разводе по взаимному согласию не значит противостоять принципу свободы брака; напротив, это важный способ гарантии применения этого принципа. Социалистическая свобода брака вовсе не состоит в том, чтобы предоставить сторонам, о которых идет речь, возможность поступать по своему усмотрению, свободно жениться и разводиться. Следует выполнять условия, предусмотренные законом. Всякий развод есть распад семьи, он затрагивает интересы обеих сторон, их семейств и детей и таким образом влияет на общество. Разрешение

развода ограничено случаем, когда отношения супругов уже не соответствуют сути брака. Хотя закон о браке не предусматривает открыто процедуры примирения для разводов по взаимному согласию, процедура и дух закона остаются такими же, что и при разводах по требованию одной стороны. Свобода развода гарантирована, но она противостоит легкомысленным разводам ¹⁰⁸.

Эта статья с почти наивной откровенностью отождествляет «предусмотренные законом условия» с политикой правительства. И так же откровенно приводит свои доводы: люди, легкомысленные по природе, имеют полную выгоду в том, что общественная власть подменяет их собой, дабы отсрочить развод, чаще всего приносящий вред, или отказать в нем. Власть превращается в строгого, но благожелательного отца слепых людей.

Фактически же, кажется, развода так трудно добиться, что многие отказываются от возбуждения дела и предпочитают жить совместно как чужие люди. Некоторые, случается, предпочитают сбежать, чтобы попробовать начать жить в другом месте, — возможно, даже жениться там. Этим часто объясняются объявления о розыске, которые можно видеть на стенах в судах или на страницах юридической прессы:

Ю р и д и ч е с к о е о б ъ я в л е н и е. Чэнь Сяоу, работница на чайной плантации Маньси государственной фермы Симао (Юньнань): ваш муж Лю Чэнмин начал дело о разводе в нашем суде. После публикации этого объявления вы имеете два месяца, чтобы предстать перед судом, после чего решение будет вынесено в ваше отсутствие ¹⁰⁹.

Разводы редки. Если предположить, что на них приходится половина гражданских дел, проходящих в судах ¹¹⁰, то это составит 370 тыс. случаев в 1983 г. Это число — значительное увеличение по сравнению с 1980—1981 гг., что, несомненно, следствие применения нового закона в 1981 г. Но оно меньше, чем было в годы, следовавшие за Освобождением, и даже среднегодового числа разводов после 1949 г. ¹¹¹. И оно превышает число действительно предоставленных разводов — 300 тыс., к которым следует прибавить 200 тыс. разводов по взаимному согласию. Значительное число дел закончилось отказом или оттяжкой в результате давления властей и различных юридических уверток с

целью обескуражить истцов. Так, суд отказывает в разводе, если он считает, что остается возможность примирения. В квартале Дунчэн, в Пекине, из 1031 иска, представленного в 1981 г., были удовлетворены 530:201 по решению администрации (в случаях, когда супруги согласились о разводе) и 329 по решению суда. Впрочем, проведенная властями с 1981 по 1983 г. «работа по примирению» по стране в целом повлекла за собой 31% отзывает исков о разводе по взаимному согласию¹¹². В 1980 г. в Пекине на тысячу браков было 26 разводов¹¹³. В сельской местности разводы, несомненно, гораздо более редки, поэтому вызывает удивление названная в 1984 г. журналом «Шэхуэй» пропорция: 50 разводов на 1000 браков¹¹⁴. Однако, как бы то ни было, ограничительная политика властей остается весьма действенной, несомненно, потому, что она совпадает с общественным мнением. Брак в современном Китае — прочный институт.

Разобщенные супруги

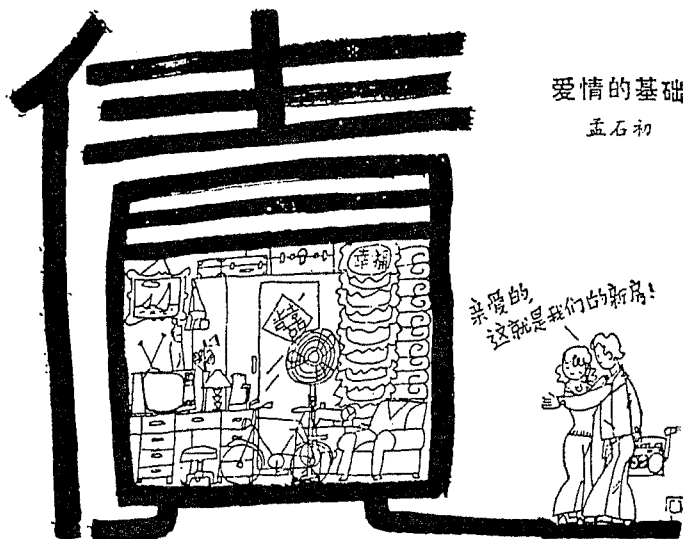
Ирония, для многих трагическая, состоит в том, что, если режим покровительствует семье как институту, его экономическая политика часто ослабляет семейные связи, так как вынуждает многих супругов жить раздельно. Вот как Фан Дань, ученый из Гонконга, описывал в 1979 г. судьбу разлученных супругов, которых он сравнивал с легендарными Волопасом и Ткачихой¹¹⁵:

Одна из самых важных социальных проблем Китая — проблема супружеских пар, живущих раздельно, как Волопас и Ткачиха. Например, муж живет в Шанхае, а жена — в Ланьчжоу, или же муж — в Шэньяне, а жена — в Гуанчжоу. Или он живет в городе, а она в деревне, и так бывает чаще всего.

В начале установления режима большинство людей было готово жертвовать собой для страны. Многие покинули свои семьи и отправились на работу в самые негостеприимные пограничные провинции. Они рассчитывали проработать там несколько лет, после чего возвратиться к себе... Но на деле, однажды уехав, они уже никогда не возвращались, так как руководители отказывали в

爱情的基础

孟石初

Основа любви:

«Дорогая, вот наша брачная комната». (На всем, от велосипеда до телевизора, надписи иероглифами: «Долг». Люди обзаводятся обстановкой в кредит...).

Миньжун юй фачжи. 1980, № 7, с. 50.

переводе тем, кто был назначен в пограничные районы. Единственным способом воссоединить мужа с женой и детьми был переезд последних к нему; если же они категорически хотят остаться у себя, начальство ничем помочь не может.

Правительственные правила в отношении отпусков для посещения семьи, предоставляемых кадровым работникам и рабочим, предусматривают, что если рабочие государственных предприятий разделены географически, то один из супругов имеет право на одну поездку к семье в год, с оплаченным проездом в оба конца. Коллективные же предприятия не предоставляют таких отпусков. Правила уточняют также, что отпуск не может превышать двенадцати дней, не считая дороги; из этого правила не может быть исключений. Это значит, что разлученные супруги могут жить вместе только двенадцать дней в году. Кто станет в таких условиях говорить о физической любви су-

пругов? И что сказать об их нежных чувствах? Двенадцать дней супружеской жизни сводятся к сезонному совокуплению, словно у животных... Половая жизнь «волопасов и ткачих» имеет не только физиологические, но и физические последствия. Я много беседовал с супругами, мужчинами и женщинами, разделенными географически, и большинство полагало, что разлука для состоящих в браке людей стала чем-то вроде «полового заточения», еще более тяжелого, чем содержание в настоящей тюрьме, потому что тот, кто еще не получал удовольствия в половом акте, имеет весьма смутные представления о половой жизни, а тот, кто «надкусил яблоко», уже не может от этого отказаться.

Кроме воздействия на душевное состояние супругов их разлучение отражается на воспитании детей и является очень тяжелым финансовым грузом, так как когда в семье «один делится на два», то для решения даже пустяковых вопросов необходимы бесконечные поездки, что влечет за собой дополнительные расходы. Для семей и без того небогатых жизнь становится еще тяжелее.

Разделение супругов означает также значительную финансовую нагрузку для страны. Восемьдесят миллионов «волопасов и ткачих» пользуются для возвращения к семье праздником Нового года, так как они присоединяют три нерабочих дня Нового года к двенадцати дням, предоставляемым законодательством для посещения семьи, что вместе составляет пятнадцать дней. Поэтому в Новый год поезда переполнены, и вводимых во многих местах дополнительных поездов не хватает. Чтобы достать билет, нужно обращаться к черному рынку. Часто на окошках вокзальных касс вывешены объявления: «Билетов в продаже больше нет». «Волопасы и ткачихи» приходят в ярость, и вокзал становится ареной гомерических потасовок. В угольных бассейнах и индустриальных районах при приближении Нового года происходит настоящий исход в национальном масштабе. Все товарные поезда вместо перевозки грузов отданы пассажирам. Какое разбазаривание последних средств государства!.. То, что оно выигрывает от перевозки пассажиров, оно тратит на пособия к отпускам для посещения семьи¹¹⁶.

Для строительства новых промышленных предприятий и усиления своего административного контроля во внутренних провинциях правительство очень рано действовало авторитарную систему откомандирования рабочей силы. Более того, рост населения больших городов и недостаток добровольцев, желающих заместить первых откомандированных, вынудили затем объявить окончательными назначения, первоначально предполагавшиеся временными. Поэтому потребовалось усилить административный контроль, стало невозможно получить талоны на продовольствие без предъявления справки о прописке. Жены и дети, зная, что они уже не смогут вернуться в город, редко следовали за уехавшими. Многочисленные семьи оказались, таким образом, разобщенными на очень долгие годы. Например, в 1979 г. из 1300 таких разлученных пар 517 находились в разлуке более 20 лет и 380 — более 10¹¹⁷. Фан Дань справедливо указывает на последствия в области чувств и экономические неудобства этих разлук. Однако приводимые им данные (80 млн.) представляются преувеличенными, даже если учесть более спонтанные формы разлуки (например, случаи, когда крестьянин отлучается далеко от дома на временную работу). «Гунжэнь жибао» приводит более заслуживающее внимания число: 6 млн. разобщенных семей из числа занятых на промышленных предприятиях в начале 1985 г.¹¹⁸

Одна из причин популярности Дэн Сяопина состоит в том, что начиная с 1975 г. он обещал исправить это положение. Действительно, после его возвращения к власти были приняты известные меры. В 1981 г. отпуск для супругов был продлен с двенадцати до тридцати дней¹¹⁹. Расходы на переезд, кажется, зачастую стали брать на себя предприятия. Однако политика правительства, видимо, не достигла решающих успехов в решении проблемы. Предпочтение было отдано кадровым работникам: 320 тыс. семей, относящихся к этой категории, были воссоединены, правда преимущественно путем отъезда из больших городов¹²⁰. Для других слоев населения единственным решением чаще всего остается борьба с непредсказуемым результатом против администрации. Американский журналист Ричард Бернстайн рассказывает о демарше, предпринятом его китайскими приятелями. Он работал в Нанкине, она в Пекине:

Из месяца в месяц она рассказывала мне о своих усилиях добиться по официальным каналам разрешения на воссоединение. Муж пытался найти в Нанкине производственную единицу, которая могла бы дать работу его жене. Тогда она имела бы право на прописку и на продуктовые карточки, что позволило бы ей жить постоянно в Нанкине. Однажды жена истратила почти месячную зарплату, чтобы поехать поездом (в жестком вагоне) в Нанкин и выставить здесь свою кандидатуру в одном исследовательском институте. Через несколько месяцев она была туда принята. Однако супруги недолго были счастливы. Они думали, что их борьба закончилась, но затем они узнали, что производственная единица жены не захотела ее отпустить под предлогом отсутствия компетентного лица, могущего ее заменить ¹²¹.

Ситуация, о которой здесь рассказано, не из худших. Для супругов ссылка относительно, так как каждый из них живет в большом городе. Против них скорее произвол администрации, а не политика ссылки. Но этот произвол знаменателен. Ведь Нанкин — город менее престижный, чем Пекин. Так было ли для администрации действительно невозможно найти там кандидата, расположенного «подняться» в Пекин? Правда, «месяцы и месяцы» для администрации не то же самое, что для разлученных супругов. Можно попробовать представить себе тактику, которую теперь изберет эта чета. Продолжая забрасывать власти письмами, она попытается сама найти преемника молодой женщине. Для этого супруги используют свои связи и расклеят объявления, предлагая «обмен работой Пекин—Нанкин». Если эта тактика провалится, им придется пойти «с черного хода», т. е. дать взятку кадровикам.

Этот рассказ, во всяком случае, напоминает о том, что если институт семьи священен в глазах начальства, то сама семейная жизнь прекрасно обходит все остальные препятствия, возводимые на ее пути официальной политикой. Подобная субординация есть следствие более общей субординации индивидуальных существований в соответствии с требованиями официальной политики. Эти требования не перестают варьироваться по своей силе в зависимости от тех или иных зигзагов в политике. Правда, они смягчились

после 1978 г. Однако остается множество печальных случаев, унаследованных от предыдущего периода, и жизнь многих супружеских пар по-прежнему зависит от произвола назначений.

Матримониальные хитрости

Сталкиваясь с необходимостью подчиняться ссылкам и произволу, общество часто применяло тактику приспособления или уклонения. Так, молодежь, посылаемая после завершения образования в деревню (стало практиковаться с 1968 г.), стремилась с помощью своих семейств возвратиться в родные города, и многие в этом преуспевали. Среди тактических средств, применяемых для возвращения в город, зачастую использовались брак и развод. Вот типичный пример такой матримониальной хитрости:

Сватовство. В начале марта 1976 г. два шанхайца, отец и сын, приехали к Цзоу Чжэнь, работнице шелкомотальной фабрики уезда Цзяньху (север Цзянсу). Отец, Лю Гуйпин, — рабочий завода; сын, Лю Фэй, работает на государственной ферме в провинции Хэйлунцзян. Едва услышав его имя, юная Цзоу поняла его намерения.

Действительно, когда Лю Фэй уехал в Хэйлунцзян, он сразу же попросил одного приятеля найти ему жену в Северной Цзянсу, чтобы получить служебный перевод, который приблизил бы его к Шанхаю. Этот приятель связал его с Цзоу Чжэнь. Не дожидаясь, когда Цзоу примет предложение, отец и сын совершили длинное путешествие из Шанхая до этого местечка в Цзянсу, чтобы обратиться с просьбой о вступлении в брак.

Юная наивная девушка, выросшая в местечке Северной Цзянсу — что она знала о всех житейских кознях? Поймавшись на медовые обещания отца и сына Лю, она была очень счастлива, сказав через несколько дней «да».

Так как они торопились, брак был зарегистрирован уже 15 марта 1976 г., хотя молодые люди встретились лишь за десять дней перед тем. В тот же день Лю-отец дает банкет родным и близким семьи Цзоу, а также местным кадровым работникам. Затем молодожены уезжают провести свой

медовый месяц в Шанхае. Тепло принятая, Цзоу купается в счастье.

Перемена. Немного позже Лю Фэй переезжает в одну из деревень Северной Цзянсу. Однако он не идет на работу и сидит дома. Тех тридцати с небольшим юаней, что получает Цзоу Чжэнь, едва хватает на жизнь молодой семье. Воспитанный в ничегонеделании, Лю Фэй доволен своей судьбой.

Осенью 1978 г. Лю-отец пишет им письмо и подсказывает сыну мысль о возвращении в Шанхай, чтобы занять его место после ухода, и просит Цзоу Чжэнь и ее семейство снабдить Лю Фэя фальшивым удостоверением о болезни, что позволило бы ему вернуться. Это письмо возбуждает у каждого из супругов самые сумасшедшие мечты. Хотя оба видят будущее в розовом свете, их мечты не имеют ничего общего. Как покажет дело, Лю уже думает бросить жену.

Цзоу Чжэнь попалась на хитрость и обман. С помощью брата она пустила в ход все средства, чтобы обеспечить благополучие мужа и свое собственное. В конце года им удалось наконец получить в уездной больнице фальшивое свидетельство о болезни, и Лю Фэй достиг своей цели: ему было разрешено по состоянию здоровья вернуться в Шанхай. В момент своего отъезда он крадет оба экземпляра брачного свидетельства и прячет их в свой багаж. Когда он садится в машину, Цзоу Чжэнь, вся в своих мечтах, дает ему еще семьдесят юаней — все, что у нее было.

Разорванный контракт. После отъезда Лю Фэя Цзоу Чжэнь каждый день ждет почту. Первое письмо приходит через четыре месяца. Когда она вскрыла конверт — какой сюрприз! Он пишет, что, дабы избежать неудобств отдельной жизни, он хочет прекратить их брак. Как он может быть таким неблагодарным!.. Цзоу Чжэнь быстро едет в Шанхай, но семья Лю встречает ее с кислыми минами... Опасаясь, как бы дело не обернулось плохо, Лю Фэй, чтобы выиграть время, старается отправить ее обратно в Цзянсу. Он притворился, будто осознал свои ошибки, и уверяет, что не хочет разрыва. Родители притворно упрекают его. Все еще полная иллюзий, Цзоу Чжэнь в конце концов дает себя обмануть и возвращается к себе.

Позднее отец и сын Лю опять успешно разыгрывают подобную сцену, и она снова дает себя одурачить. Когда в сентябре 1979 г. Цзоу Чжэнь вновь приезжает в Шанхай, Лю Фэй говорит ей: «Я должен навестить тебя в Цзянсу следующей весной, так зачем ты приехала? Сейчас же возвращайся». Она ему верит. Вернувшись, она собирает все, чтобы украсить дом и меблировать его, чтобы подготовиться к приезду мужа. Она ждет весну, потом лето, потом осень, потом зиму... никто не едет. Однако она не отчаивается. В декабре 1981 г. она приезжает к господину Лю с десятью цзинями крабов. Семья Лю встречает ее неприветливо и бросает крабов ей в лицо, грубо ругаясь. Она растерялась, поняв наконец, что ее обманывают. Потеряв всякую надежду, она решила пожаловаться на Лю в его производственную единицу¹²².

Тактика отца и сына Лю имела целью использовать открывшуюся в 1978 г. для сосланной молодежи возможность наследовать место, занимаемое одним из живущих в городе родителей, когда последний уходит с работы; это автоматически дает право на прописку и продуктовые карточки. Есть лишь одно важное препятствие: чтобы не допустить роста городского населения, эта льгота предоставляется только холостякам. Отсюда и стремление Лю развестись (в других случаях развод может быть чисто формальным)¹²³. Напротив, когда нет возможности наследовать рабочее место ушедшего на отдых родителя, брак может стать средством обосноваться в городе и найти там работу¹²⁴.

Достаточно частый удачный результат таких маневров ставит под вопрос действенность контроля в области семейных отношений. В целом Дэн Сяопин, видимо, уничтожил самые грубые формы вмешательства (кроме, как мы уже видели, контроля над рождаемостью). Но возникает вопрос — не имеет ли целью отказ от крайностей сделать более терпимым идеологический и моральный контроль, остающийся неприкосновенным. Во всяком случае, по той информации, которой мы пока располагаем, все еще трудно измерить реальную степень смягчения политики в области семейных отношений.

Брачный возраст

Один пример уточняет природу встречаемых трудностей. Брачный возраст уже около пятнадцати лет стал объектом политики его повышения, что диктуется прежде всего желанием ограничить рождаемость. Эта политика выходит за рамки требований закона (законный возраст, как мы видели, был последовательно установлен в 18 и 20 лет, а затем в 20 лет и 22 года). Установленные законом уровни, кажется, тоже варьировались в зависимости от времени и особенно от места: они в большей степени соблюдались в городе, нежели в сельской местности. Эффективность контроля, несмотря на его формальную строгость, не всегда достигает цели: молодые люди, не подходящие под официальные возрастные критерии, нередко составляют семью задолго до предоставления властям просьбы о регистрации брака¹²⁵. Мы не располагаем достоверной статистикой в этой области и вынуждены пользоваться только приблизительными оценками, из которых наиболее надежные содержатся в основанном на опросах исследовании Пэриша и Уайта, касающихся сельской местности провинции Гуандун. По данным этих авторов, средний возраст при вступлении в брак со временем изменился: к 1949 г. он составлял 17—19 лет для женщин и 20—21 год для мужчин, в 50-х годах — соответственно 20 и 24—25 лет и в 70-х годах — 21 и 24—25 лет¹²⁶. Иными словами, средний возраст стал подниматься раньше, чем официальная политика сконцентрировала свои усилия в этом направлении, но не достиг «политических» норм в 25 и 27 лет. Другие источники также подтверждают, что рост брачного возраста меньше намеченного режимом и зачастую гораздо ниже в деревне, чем в городе¹²⁷. Однако источники не объясняют, какова роль в этой эволюции различных факторов, особенно политических и экономических. Пэриш и Уайт, например, полагают, что повышение брачного возраста в городах было вызвано прежде всего экономическими причинами (трудно найти работу, низкая зарплата, нехватка жилья)¹²⁸.

Мы начали этот анализ политики властей в семейных отношениях анализом закона, действующего с 1981 г. Этот закон провозглашает свободу выбора супруга — принцип, заимствованный из предшествовавших текстов, изданных коммунистическими властями. Эту основную свободу закон несколько ограничивает. Необходимость регистрировать брак — единственное предусматриваемое им вторжение администрации. Однако ряд собранных нами документов создает картину совсем иной практики. Административные органы осуществляют в основном ограничительный контроль над браком, семейной жизнью, разводом. Производственные единицы и органы, на которые возложен контроль над населением, играют важную роль в этой области, причем далеко не всегда действуют на основе закона.

Администрация может отсрочить брак далеко за пределы предусмотренного законом возраста, она строго ограничивает рождаемость, она произвольно разобщает супругов, давая им назначения, в соответствии с которыми они оказываются за тысячи километров один от другого, или, напротив, заставляет их жить вместе, отказывая в разводе.

Основания, выдвигаемые для оправдания такого вмешательства, зиждутся не на законе, а на идеологии. Стремясь подменить собой конфуцианские традиции, регламентирующие жизнь личности и семьи, коммунистическая идеология не может допустить, чтобы такая важная область, как семейная жизнь, ускользнула от ее засилья. И она формирует строгие правила личной и сексуальной морали, запрещает брак между некоторыми категориями населения по политическим признакам, делает развод обязательным для других или просто запрещает его женщинам.

Соблюдение этих правил, которые часто остаются не зафиксированы письменно, доверено как органам пропаганды, так и администрации. Содержание и строгость их применения варьируется в зависимости от зигзагов политической линии партии, переходя от критических периодов, таких, как «культурная революция», к периодам разрядки, как в 1979—1980 гг.

В целом вмешательство властей и идеология противоречат принципу свободы брака. Создается обстановка неравноправия. Эта система брака охватывает

только часть классов общества, так как сохраняют свое влияние и традиционные критерии, а также, как мы увидим позже, финансовые соображения в вопросе о браке. Но правящий класс, кадровые работники всех уровней и армия пользуются, а иногда и злоупотребляют своими привилегиями в области брака. Внизу городское и сельское население реагирует на это, иногда скрытно, а иногда открыто восставая, если контроль (особенно над рождаемостью) нарушает их традиции и интересы. Некоторым удается даже извлечь из этого пользу, но чаще они подчиняются. Вмешательство политической власти в матримониальные и семейные дела — характерная черта современного китайского общества, противоречащая его историческому прошлому.

КОГДА ДЕНЬГИ ПРИНОСЯТ СЧАСТЬЕ

В соответствии с программой коммунистической партии социализация нравов должна быть поддержана значительными экономическими преобразованиями: обобществлением собственности, развитием производительных сил и в конечном счете повышением уровня жизни. Так, брак должен быть вне отношений купли-продажи, которые, по словам коммунистических идеологов, были для него характерны в прошлом.

Сегодня приходится признать, что пекинский режим, как и другие коммунистические режимы, в экономической области показал меньшую эффективность, чем в области политической. Результаты, достигнутые за тридцать пять лет дорого стоивших усилий, значительны, однако они ниже того, на что надеялись. Правда, Китай располагает ныне настоящей индустриальной инфраструктурой. Городские центры растут и множатся. Подавляющая часть крестьян живет, не голодая. Но в целом Китай остается слаборазвитой аграрной страной. Большинство крестьян расходуют свои основные ресурсы на пропитание. Запоздалое осознание этой неудачи объясняет, почему с 1978 г. китайские руководители стали отдавать приоритет модернизации экономики. Они повысили заработную плату, вновь ввели премиальные, деколлективизировали сельское хозяйство и, вообще говоря, восстановили роль денег.

Эволюция уровня хозяйственной жизни населения и стратегия развития, избранная властями, оказали глубокое влияние на практику брака и семейной жизни.

В сельской местности: покупка женского труда

Начнем с выявления массового явления. В сельской местности Китая женитьба на деньгах представ-

ляет собой весьма распространенную реальность. Командир роты одной воинской части в районе Ланьчжоу жаловался в письме, направленном в 1980 г. властям провинции Шэньси:

В моей роте 45 солдат — уроженцев Шэньси. Среди них 27 женихов, из которых 26 «дорогие». Некоторые же — выходцы из бедных семейств. Поскольку у них нет средств на очень дорогие подарки, требуемые для помолвки, они находятся в постоянной озабоченности, не могут спокойно делать свое дело и выполнять воинские упражнения. Один солдат, уроженец Фупина (в Шэньси) заболел в самый день возвращения из отпуска: его третий старший брат, не найдя достаточно денег на оплату свадьбы, покончил жизнь самоубийством.

А вот случай с другим солдатом второго отделения, уроженцем Фупина. Во время помолвки родители девушки потребовали от него «деньги за соль и уксус», т. е. возмещения денег, которые они израсходовали на свою дочь, в размере десяти фэней за каждый день ее жизни. Девушке двадцать один год, и нетрудно подсчитать, что это составит более 700 юаней. Сверх того, следовало платить еще какие-то «деньги за встречу» и «деньги за заботы в детстве», а также купить одежду высшего качества. Так как его семья бедна, он не мог заплатить такую сумму в срок, и его суженая непрерывно пишет ему и журит. Этот солдат ослабел от забот и печали. Он потерял вкус к пище и плохо спит. Ему трудно сосредоточить свое внимание во время воинских упражнений. Свадьбы из-за денег приносят иным солдатам много душевных страданий¹.

Итак, 26 из 27 женихов, насчитывающихся в этой роте, имеют денежные обязательства в связи с женитьбой, это очень высокая пропорция. Следует ли ее объяснять традициями, свойственными провинции Шэньси, особенно бедной провинции Северо-Запада Китая? Нет. Такое же правило, кажется, действовало в середине 70-х годов в южной, гораздо более богатой провинции Гуандун². Анализ китайской прессы подтверждает, что сегодня в большинстве случаев именно брак — причина перемещения значительных денежных сумм в сельской местности.

Эти браки, связанные с деньгами, — представляют

ли они собой обычную практику, или они модифицировались? Посмотрим на эволюцию, происходившую в одной из гуандунских деревень:

Ранее в нашей местности семья девушки тратила на свадьбу гораздо больше семьи мужа. Поэтому, если в семье много дочерей, расходы на свадьбы могут стать тяжелым грузом, и в ряде случаев люди доходили до того, что отправляли нескольких дочерей за деньги в другие семьи. Некоторые даже убивали своих дочерей при рождении. Были также родители, которым приходилось продавать землю, чтобы выдать дочерей замуж. И так как такое положение вещей существовало длительное время, оно привело к тому, что сейчас у нас больше парней, чем девушек, с внушительным разрывом между ними. Вероятно, это причина того, что после Освобождения ситуация изменилась на 180°: стало трудно найти жену для мужчины. Люди, имевшие дочерей на выданье, увидели, что дочери превратились в настоящее «золотое дно» — родители могли получить за них как плату за жену до 200 юаней, а в среднем более 100 юаней... Все удивительно изменилось, и, размышляя теперь об этом, я не знаю — смеяться или плакать от этого.

Если в семье имеются дочь и сын, то обычай требует сначала выдать замуж дочь, чтобы получить за нее плату, а полученные таким образом деньги позволят найти жену и для сына...

Моя женитьба обошлась мне в 2000 юаней, но это особый случай, поскольку я заморский китаец и мог истратить на это деньги, посылаемые мне родителями. Но 2000 юаней, не считая одежды и мебели... Бедняки могут израсходовать на все только около 1000 юаней. Если бы я был бедняком или середняком, а мой сын захотел бы жениться, я должен был бы начать копить заранее, по меньшей мере за два года. Я вырастил бы свинью, собирал бы зерно, делал или покупал мебель предмет за предметом. Купить все сразу стоило бы больше 1000 юаней, но я растянул бы расходы на долгий срок. Можно выпутаться из положения, если использовать деньги, полученные за дочерей, выданных замуж, а также деньги, предоставленные родителями³.

Как объяснить этот явный контраст между перио-

дом до 1949 г., когда семья невесты отдавала больше, чем получала, и коммунистическим периодом, когда денежный обмен ориентирован исключительно в противоположном направлении? Действительно, первая часть рассказа кажется более всего подходящей для относительно процветающих сельских районов Южного Китая. Там, как у обеспеченных классов отсталой части страны, подарки, которые семья жениха делает семье нареченной, из соображений престижа компенсировали (и иногда с лихвой) приданым, которое она приносила с собой⁴. Однако большая часть крестьян не была для этого столь богата и ограничивалась тем, что давала небольшое приданое за своими дочерьми, уход которых не был для них выигрышем.

Вторая часть рассказа, напротив, кажется более соответствующей ситуации, которая сегодня преобладает в китайской деревне. За исключением особо обеспеченных семейств, приданое практически исчезло. Цена, уплачиваемая семьей мужа, дает больший доход, чем раньше давала покупка жены. В этом смысле женитьба приблизилась к положению, критиковавшемуся коммунистами перед их приходом к власти.

Значение цены, уплачиваемой семьей мужа, подтверждает это впечатление. Свидетель, которого мы только что процитировали, полагает, что с него потребовали особенно большую сумму, так как его семья богата — бедные крестьяне могут жениться и за 1000 юаней. Для начала 70-х годов Пэриш и Уайт определяют средний расход, на который соглашалась семья, женившая сына, в 728 юаней. Но ведь средний годовой доход деревенской семьи в стране составлял в это время около 695 юаней. Значит, необходимые расходы равнялись по меньшей мере годовому доходу семейства. Сумма весьма значительная, возможно превосходящая ту, что требовалась в Гуандуне в начале 30-х годов⁵.

Источники, которыми мы располагаем, не позволяют достаточно достоверно воспроизвести условия браков с уплатой денег в народном Китае, если к тому же можно полагать, как думает, например, Изабель Тиро, что обмен ценностями, которыми сопровождается деревенская свадьба, долгое время производился в натуре и стал принимать денежную форму лишь с 50-х годов⁶. Вероятнее всего, «курс» за эти годы значительно поднялся. В начале десятилетия в

большинстве случаев плата была меньше 1000 юаней⁷. К 1979 г. она достигла 1000 юаней⁸. И лишь после того, как деколлективизация деревни привела к ощущению повышению крестьянских доходов, стала превышать 1500 юаней⁹. Таким образом, в китайской деревне женитьба сына представляет собой наряду со строительством дома одну из важнейших статей расходов, с которыми сегодня приходится сталкиваться крестьянской семье.

Чтобы понять значение и природу денежного обмена, производимого по случаю заключения брака, надо исследовать критерии для оценки невесты. Вот как подсчитывали ее цену в 1979 г. в одной из деревень Гуандуна:

Прошлым летом я участвовал в «курсах литературного творчества для любителей» и мы жили в одной деревне уезда Учун провинции Гуандун. Я видел своими глазами, как крестьяне этой деревни выдавали своих дочерей замуж за очень дорогие подарки. При помолвке поступали так, как если бы продавали свинью на рынке: семья невесты предлагает семье жениха цену по весу девушки. Для красивой, здоровой и достаточно воспитанной девушки это составляет 10 юаней за цзинь, т. е. уже около 1000 юаней, к которым следует еще прибавить стоимость услуг посредника и ряд других расходов, включая расходы на банкет. Следовательно, семья жениха должна израсходовать не менее 2000 юаней. В районах стихийных бедствий, в которых за день работы платят 0,1 юаня, молодым крестьянам очень трудно собрать такую сумму, даже если большинство из них покидает деревню, чтобы стать каменотесами, чернорабочими или каменщиками и в поте лица заработать «капитал на жену»¹⁰.

Итак, существует настоящий рынок жен, на котором женщины, словно животные, оцениваются по объективному и точному критерию: физическому экстерьеру, здоровью и уровню воспитания. Каковы же единицы измерения? В некоторых случаях это возраст: семья жениха должна возместить расходы на выращивание невесты¹¹. В данном же случае это был вес, т. е. физическая сила¹².

А вот другой пример торга между семьями о цене невесты:

Сваха знала, какую цену мы могли бы заплатить и сколько хочет получить семейство невесты. Она устроила так, чтобы партнеры встретились в чайной. Во время этой встречи мать девушки, взяв на себя инициативу, осведомилась о численности нашего семейства, о том, сколько членов семьи имеют постоянный доход, и о числе женщин. Ей очень не понравилось, что мой старший брат с женой живут в уездном городе, а также то, что мой второй брат еще не женат (он находился в армии, и кто мог сказать, когда он вернется). Это означало, что на молодой особе будет лежать наибольший груз домашних работ, хотя я и останусь в семье, а мои мать и бабушка еще вполне способны работать по хозяйству. Мать девушки указывала на то, что ее дочери придется у нас работать на всех. Мои родители возражали, говоря, что домашняя работа не столь уж тяжела, тем более что мы — средняя крестьянская семья, немногочисленная и имеющая некоторый достаток. Дома только бабушка, отец с матерью да я — это немного по сравнению с другими семьями. Затем мать невесты спросила, где будет жить новая чета. Мой отец ответил, что наш дом достаточно велик, чтобы выделить две комнаты. Он внимательно осмотрел невесту и захотел узнать, приучена ли она к ведению хозяйства и какие обязанности выполняла она в поле. Эта встреча дала также возможность моему младшему брату и молодой особе оценить друг друга. Они ведь виделись впервые, и с обеих сторон впечатление не было неблагоприятным. Мой братец достаточно хорошо сложен, чтобы успешно выдержать такой смотр, и невеста тоже. Но они не сказали друг другу ни слова.

В следующий раз партнеры встретились, чтобы обсудить денежные условия. Как с одной, так и с другой стороны были готовы идти дальше. Мой братик был доволен, что ему удалось повидаться с молодой особой, и она, видимо, также разделяла его чувства. Обе стороны через сваху знали, что установить цену будет нетрудно. Поэтому мы устроили девушке и ее матери нечто вроде парадного обеда на девять перемен. И вот наступил критический момент, потому что после угощения семья молодого человека выложила на стол два пакети-

ка, в каждом по 10 юаней, завернутых в красную бумагу (это называется «взнос на счастье»), что означало: они расположены продолжать дело. Если девушка согласна, она забирает оба пакета, если нет — только один. Я наблюдала за этой церемонией не без волнения, не зная, что решили мои родные. Когда я увидела, что положили два пакета, я не могла сдержать радость, потому что юная особа мне нравилась. Возьмет она два пакета? Я готова была спорить, что да, хотя ее мать и не одобряла того, что ей придется тяжело работать по дому. А может, это с ее стороны средство потребовать за невесту более высокую плату. Будь что будет — она взяла оба пакета и взглянула на брата. Тогда все вздохнули, и улыбка осветила лица. В первый раз она и брат поговорили, и создавалось впечатление, что они вполне договорились.

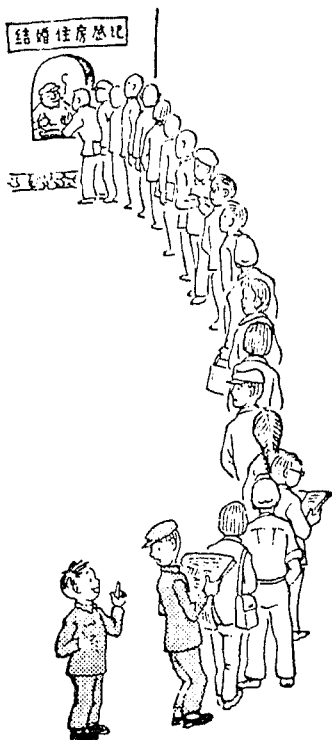
После этого сразу же пришли к согласию о будущих расходах. Они были определены так: 500 юаней наличными, затем семь комплектов одежды, причем на каждый должно быть израсходовано по четыре метра ткани (это стоило на свободном рынке около 200 юаней), 30 цзиней свинины, 35 — рисовой водки, 40 цзиней свадебного печенья, 30 цзиней риса, восемь цыплят, четыре пары обуви, серебряный пояс и два ляна золотых украшений. Всего наличными и подарками выходило более 1000 юаней. 500 юаней назывались «знаком благодарности отцу девушки за то, что он ее вырастил». Это форма компенсации денег, израсходованных на ее воспитание, которые будут потеряны, так как она перейдет в другую семью. Еще конкретней, ее родители потеряют семь с половиной трудовых очков в доходе семьи. Это может объяснить величину уплачиваемой суммы: 500 юаней представляют собой общий доход семьи за полтора года, а если к этому добавить 500 юаней подарков, мебель для двух комнат новобрачных (только одна новая кровать стоит более 300 юаней), затем еще стоимость свадебного обеда на двенадцать столов, то эта свадьба стоила нам гораздо более 1500 юаней. Откуда было взять все эти деньги, составляющие около четырех годовых доходов семьи? Они вам частично возвращаются, если вы выдадите замуж дочь. Мой отец предвидел, что я скоро стану не-

стой — тогда он вернет себе большую часть этих 1500 юаней. Были и сбережения. Один наш родственник из соседней деревни спокойно дал займы 300 юаней. Мой отец знал также, что, когда жена моего брата станет членом нашего хозяйства, ее семья с половиной трудовых очков войдут в доход нашей семьи, так что мы выиграем в несколько раз, когда они поженятся.

Кроме платы за невесту семья мужа заплатила также 50 юаней матери девушки. Мы называем это «молочные деньги» — знак признательности за то, что она вскормила дочь. Когда она их получила, она зарыдала, и дочь вместе с ней. Когда все успокоились, мы выпили стакан водки и обменялись тостами, празднуя согласие между нашими семьями. Мать нареченной получила «молочные деньги», как только это согласие стало формальным, что касается платы за невесту, то сразу была уплачена только половина, другая вручалась за несколько дней до свадьбы. Я не знаю, для чего потребовалась эта отсрочка. Для того, чтобы собрать деньги, или, что вернее, чтобы убедиться, что невеста не откажется? ¹³.

Итак, мы присутствуем при настоящих дипломатических переговорах между двумя сторонами, стремящимися получить наибольшую выгоду: встреча для изучения, финансовые переговоры, заключение соглашения и его празднование. Как и в дипломатии, формальная сторона переговоров одновременно скрывает и обнаруживает соотношение сил, которое в конечном счете диктует результат. Чтобы поднять цену, мать девушки подчеркивает объем работы, которую последняя должна будет выполнять в своей новой семье. Отец юноши отводит этот довод, но его беспокоит — насколько она способна трудиться. Однако именно семье невесты принадлежит право решения. Она получает внушительные и разнообразные подарки: 500 юаней деньгами, 500 юаней натурой и на 500 юаней мебели, да еще 50 юаней матери девушки. В других случаях списки подарков более разнообразны ¹⁴. К ним почти всегда добавляется цена свадебной церемонии, которую оплачивает семья жениха. Торг, следовательно, совершенно неравный.

Откуда такое неравенство? Приведенный нами пример хорошо это объясняет. Из него видно, что де-

颇有远见

丁兆庆

Предусмотрительность.
 Мальчик занимает очередь в бюро по запросу жилья для женатых — ему еще долго до брачного возраста.
 Миньчжу юй фачжи. 1980, № 10, с. 49.

вущка рассматривается как большая ценность, перемещаемая из одной семьи в другую. Эта ценность не в красоте: достаточно, если молодые люди не противны друг другу. Действительная ценность — ее сила для работы по дому и в поле. До выхода замуж девушка служила своим родителям, теперь она должна заботиться о своей новой семье, т. е. не только о муже и детях, которых она родит, но и о всех родных, живущих под семейной крышей. Сверх того, те семь с половиной очков за сельскую работу, которые народная коммуна платила ее отцу, перейдут к главе ее новой семьи. Если семья девушки доминирует в переговорах и крестьянский брак гораздо более открыто,

чем прежде, является покупкой жены, так это потому, что женский труд при коммунистическом правительстве повысился в цене. Коллективизация земли свела крестьянскую собственность к владению домом, мебелью и некоторыми орудиями труда. Она связала вознаграждение с работой. Более того, своими законами, как и своей политикой, коммунистический режим высвободил женщину как фактор экономики. По данным Дж. Л. Бака, если в 30-х годах женщины составляли только 13% сельской рабочей силы, то затем их доля увеличилась до 40%¹⁵. Их труд представляет собой способность приносить доход, в значительной мере новую способность, дополняющую традиционные: способность к домашнему труду и производству потомства. Эта экономическая реальность особенно сильно выявилась в годы репрессий.

Брак из-за денег стал таким всеобщим обычаем, что многие родители без колебаний применяли силу, чтобы заставить его уважать:

Вот история Цзинь Гулянь и ее жениха Оуян Синя. Цзинь Гулянь однажды объявляет своему отцу, крестьянину коммуны Саньлифань (провинция Хубэй), что она хочет выйти замуж за Оуян Синя. Ответ отца был краток: «Я заботился о тебе двадцать один год и хочу возмещения расходов. Я хочу 100 юаней за каждый прожитый тобой год, которые я тебя кормил. Пойди к Оуян Синю и скажи, чтобы он принес мне 2100 юаней, тогда я дам вам свое согласие. Но не раньше». Возмущенные молодые люди, уверенные, что закон на их стороне, игнорировали это требование и решили, как это ни «грустно», противостоять отцу. Они подали заявление о регистрации брака. Проходит несколько месяцев. Накануне церемонии крестьянин, обнаружив баночку с румянами, осыпает дочь ударами и запирает ее, не давая ей есть. Узнав об этом, жених вместе с несколькими приятелями пытается освободить свою возлюбленную. Напрасны старания. Понадобилось двое суток и вмешательство местных властей, чтобы наконец освободить девушку. Однако отец, уверенный в своих правах, вновь отказывается дать согласие. После ареста он был приговорен к двум годам тюрьмы за нарушение уголовного кодекса, предусматривающего полную свободу выбора будущего супруга¹⁶.

Власти в своей пропаганде используют случаи негативных последствий такого поведения (в данном случае наказания тюрьмой для отца): оно может вести к мошенничеству¹⁷, влезанию семьи в долги¹⁸, к ссорам, связанным в некоторых случаях с кровопролитием¹⁹, или же к вынужденному безбрачию для семьи бедных; представляется, что заключенные таким образом браки непрочны²⁰.

Однако на деле власти чувствуют себя безоружными перед этим явлением. Пропагандистские проповеди не меняют того факта, что браки по сговору весьма многочисленны (мы к этому еще вернемся). Недавнее смягчение политики КПК в отношении крестьянства уменьшило боязнь репрессий. Впрочем, в противовес тому, что рассказывалось выше в отношении истории с Цзинь Гулянь и Оуян Синем, сельские кадровые работники в большинстве случаев закрывают глаза на происходящее, если сами не подают дурной пример. Молодые люди обычно склоняются перед этим разорительным обычаем, оплачиваемым их семейством, а главы семей заранее экономят, предвидя это событие, и рядом приемов стараются ограничить расходы или увеличить выгоды своей семьи.

Крестьянская стратегия: «перекрестные браки»

Одним из таких приемов является «перекрестный брак»: две семьи договариваются о том, чтобы каждая женила парня и выдала замуж девушку. Тогда денежные расходы уравниваются и семейный бюджет не страдает.

Эта система имеет одно неудобство: первоначальный обмен связывает судьбы двух супружеских пар — если одна из них распадается, равновесие нарушается и вторая семья оказывается под угрозой. В приводимом ниже примере родители покинутого мужа мстят, забрав назад свою дочь. Потребовалось вмешательство суда, чтобы освободить эту чету от пут, связывавших ее с другой:

Благодаря сватам и по договоренности между главами семей две пары стали объектом перекрестных браков: молодая Цао Сяосянь с Ю Сиси и старший брат первой, Цао Жуюань, с младшей

сестрой Ю Сиси — Ю Цзяньин. Чтобы застраховать себя в том, что обе пары выполнят договор, родители назначили дату совершения формальностей регистрации в своей собственной народной коммуне на один и тот же день в декабре 1970 г. После регистрации Ю Цзяньин и Цао Жуюань совершили брачную церемонию. Поженившись, они все больше связывались чувством, родили последовательно двоих детей. В феврале следующего года, когда Ю Сиси объявил семейству Цао, что он хочет совершить брачную церемонию, Цао Сяосянь проявила нежелание, но скрепя сердце уступила просьбам родных и советам кадровых работников ее бригады. Церемония состоялась. Через три дня после свадьбы Цао Сяосянь сбежала к старшей сестре, но та уговорила ее вернуться к мужу. Затем Цао Сяосянь стала часто ссориться с мужем и свекровью. В мае 1972 г. между супругами произошла новая стычка; Цао Сяосянь уехала в Цзянси и в Фуцзянь. Через несколько месяцев, видя, что невестка не вернулась, мать Ю Сиси потребовала, чтобы ее дочь, Ю Цзяньин (которая месяцем раньше родила), возвратилась к родителям, бросив ребенка. Спустя два года Ю Цзяньин по повторным настояниям производственных бригад обеих сторон согласилась вернуться к мужу, но при условии, что Цао Сяосянь также вернется к семейному очагу. Однако та оставалась тверда: лучше попасть в лагерь трудового воспитания, чем вернуться к Ю! После многократных увещаний Цао Сяосянь была возвращена Ю Сиси его бригадой, а Ю Цзяньин в порядке обмена вернулась к мужу. Но не прошло и двух недель, как Цао Сяосянь снова вернулась к своим родным после стычки с мужем. Производственная бригада, в которой работала семья Ю, дважды посылала своих людей к Цао, но безрезультатно. Наконец, было решено водворить ее силой, но Цао Сяосянь по дороге удалось удрать. В июне 1976 г. она решила подать в суд просьбу о разводе. Ю Цзяньин под давлением матери и брата и чтобы помочь брату вернуть себе жену также со своей стороны возбудила дело о разводе.

После изучения обоих упомянутых дел уездный суд рассудил, что оба брака лишены основания и

нарушают принцип свободы выбора. Однако Ю Цзяньин и Цао Жуюань, раз поженившись, любили друг друга все больше; несмотря на просьбу о разводе, их любовь не прервалась, и, следовательно, надо их подтолкнуть к примирению. Зато Цао Сяосянь и Ю Сиси, поженившись, никогда не любили друг друга, они часто ссорились и спорили, жена несколько раз убегала, супруги долго жили раздельно — значит, им трудно сохранять супружеские отношения. И суд, исходя из разных ситуаций в отношении этих супружеских пар, избрал различный подход: он посоветовал Ю Цзяньин и Цао Жуюаню воссоединиться, но утвердил развод Цао Сяосянь и Ю Сиси²¹.

Этот рассказ контрастирует с другими случаями, лежащими в основе чрезвычайно разоблачительных пропагандистских текстов²². Действительно, он рисует очень необычную ситуацию. Из двух супружеских пар, вступивших в брак по обмену между семьями, одна достаточна едина. Проблема возникла потому, что другая семья не окрепла — по причине, отметим, неоднократных отказов девушки, что позволяет извлечь из этой истории определенную мораль и выявить некоторую эволюцию обычаев.

Сверх того, различные участники конфликта занимают разные позиции. Семья Ю, чувствуя себя обобранной, угрожает разрушить единый очаг, если юная Цао Сяосянь не вернется в эту семью, где, как мы знаем, на ней лежит основная домашняя работа. Заметим, для того чтобы заставить уважать незаконный договор, семья Ю прибегла к использованию предоставляемого законом права на развод. Семья Цао, вероятно очень стесненная в средствах, занимает менее жесткую позицию: сначала она хочет запугать беглянку, затем принимает ее к себе. По-разному действуют и молодые женщины: Цао Сяосянь демонстрирует непокорность, тогда как Ю Цзяньин покоряется приказаниям родителей. Молодые люди, напротив, — дисциплинированные актеры затеянной родителями комедии.

Власти вмешиваются, но по-разному. Кадровые работники бригады, несомненно озабоченные прежде всего тем, как избежать конфликта между двумя семьями, прилагали усилия, чтобы укрепить брак обеих пар, пусть и противозаконный. Суд же решает

дело в пользу семьи Цао, выдвигая мотивом то, что только один брак из двух построен на любви. Но и он не наказывает обе семьи, повинные в нарушении закона. Действительно, отношение властей заставляет думать, что обычай «перекрестных браков» слишком прочно укрепился в нравах, чтобы его можно было сурово подавить²³.

В традиционном Китае обычай «перекрестных браков» был особенно распространен в зажиточных слоях общества, когда две семьи хотели укрепить свой союз. Сегодня, напротив, этот обычай практикуется в среде бедного крестьянства как средство уменьшить расходы, связанные с заключением брака. Распространение «перекрестного брака» становится, следовательно, дополнительным признаком денежного характера брака в нынешнем Китае.

Впрочем, «перекрестные браки» — не единственный пример сговора между семействами. В начале 80-х годов практика новой крестьянской политики дала новые поводы для сговоров. В обмен на «двойной подряд» или договор о подряде, по которому крестьяне обязывались продать по официальному курсу определенное количество продукции, крестьянские дворы стали наделяться землей соответственно числу членов семей²⁴. И чтобы увеличить свой надел, многие стали спешить заключать браки. Вот что сообщает об этом один кадровый работник из Гуанси, не слишком обрадованный новой политикой:

Товарищ редактор! Я только что провел обследование нескольких местностей, где применяется «двойной подряд», и обнаружил, что имеются крестьяне, которые женятся слишком рано, чтобы получить дополнительный участок земли, — во вред физическому и нравственному здоровью подростков. Так, в бригаде «Длинная лощина» коммуны «Мост письмен» нашего уезда я обнаружил два случая ранних браков, заключенных с целью получить добавочную землю. В одном случае речь идет о шестнадцатилетней девочке, совсем маленькой и еще не полностью сформировавшейся. Сразу после того, как она получила участок земли по месту жительства, ее отец заставил девушку переселиться в другой дом, хотя свадьбы и не было. В бригадах, где землю делят по числу лиц или рабочей силы, не думают о неуместности преждевременных бра-

ков, ранних родов и провале плана контроля над рождаемостью²⁵.

Замужество девочек

Наряду с подобными новыми формами продолжают существовать и старые обычаи, которые тоже связаны с соглашением между двумя семьями и объясняются прежде всего бедностью, например замужество девочек (*тунъянси*). Этот обычай восходит по крайней мере к XI в., т. е. времени правления династии Сун. Семья, слишком бедная, чтобы вырастить дочь, отдает ее в более обеспеченную семью, которая воспитывает девочку и выдает замуж за одного из своих сыновей, не тратя на это ни гроша²⁶. Как свидетельствуют наши источники, многие браки заключаются еще тогда, когда будущие супруги — просто дети, и свадьбы играютя задолго до достижения законного возраста²⁷. «Баньюэтань» следующим образом описывает и объясняет это явление в одной из народных коммун провинции Хунань:

После Освобождения первый закон о браке требовал, чтобы выдача девочек замуж была запрещена. Тем не менее в наше время, тридцать лет спустя, в коммуне Чжоце уезда Шаодун провинции Хунань более пятидесяти девочек были отданы замуж. Какая скорбь и какой стыд!

Эти девочки были обручены и отправлены в семьи их женихов еще в детстве. Многие из них не остались девственницами — их принуждали без затей ложиться спать с мужчинами. Некоторые рожали в 16 лет. Те, кто не может более сносить унижения и жестокости, требуют развода или убегают. За последние три года власти коммуны сами урегулировали более двадцати случаев такого рода.

Эти браки наносят серьезный ущерб здоровью подростков и вредят их развитию. Их участь в глазах других девочек очень печальна. С самого детства они, несчастные, «учатся без удовольствия, работают без оживления, скрепя сердце, около очага».

Чем объясняются браки девочек в этой коммуне?

1. Экономическая отсталость. Коммуна Чжоце

находится в горном районе, каждая семья имеет в среднем 3 фэня (0,02 га) «земли под солнцем». Нет ни разнообразия культур, ни ремесленных промыслов. Многие за целый год работы практически ничего не получают. Некоторые семьи из-за финансовых затруднений не могут вырастить детей. Вот почему они отдают девочек замуж.

2. Сохранение феодального мышления. Здесь еще частое явление брак из-за денег и преобладает традиционное презрение к девочкам по сравнению с мальчиками. Многие, полагая, что девочки все равно рано или поздно выйдут за кого-нибудь замуж, считают их товаром, предназначенным оставаться «у печи». Их не посылают в школу или прерывают их обучение на половине срока. Как только найдена «подходящая» семья, родители как можно раньше обручают их или выдают замуж.

3. Отношение местных властей. Кадровые работники закрывают глаза на замужество девочек. Они прекрасно знают, что это явление имеет место, но не вмешиваются. Они также не принуждают молодых людей, находящихся в браке, но не достигших брачного возраста, разойтись. Один из членов партийного комитета в этой коммуне выдал замуж свою десятилетнюю дочь и был вынужден забрать девочку к себе домой. Вышестоящие власти должны подвергать таких кадровых работников, поддерживающих и практикующих замужество девочек, критике и суровым мерам воспитания²⁸.

Торговля девушками-подростками

Торговля девушками-подростками также представляет собой обычай, продиктованный нуждой. Вот несколько примеров:

Между 1979 и 1981 годами злоумышленник Тянь Синьле и его сообщница Ло Чанхуа подходили на железнодорожных и автомобильных вокзалах к женщинам и заманивали их под фальшивым предлогом предоставить им супругов. Таким образом они обманули и продали в уездах Мэншэн, Фэнъян, Хуайюань больше десяти женщин, получив по меньшей мере 15 тыс. юаней барыша. Злоумышленник Чэнь Гогуань подобным же образом

мошеннически обманул и продал начиная с 1980 г. в общей сложности восемь женщин за 5820 юаней, из которых мошенник получил 685 юаней. В конце 1979 и в 1980 г. злоумышленник Цзя Ючжо и его сообщники обманывали женщин, приехавших из Сычуани в Аньхой, всего девять женщин, которых они продали за 4760 юаней, получив за них по меньшей мере 260 юаней. С осени 1978 по апрель 1982 г. злоумышленник Фань Цзяшэн и его сообщники Тэн Шанлянь, Му Фэнся и другие изборождали район г. Сучжоу, уезды Хуайюань и Фэнтай. Они обманули и продали пятнадцать женщин, собрав 5100 юаней, из которых сам Фань получил 860 юаней. Не удовлетворившись этим, Фань потребовал еще 260 юаней наличными у других пяти лиц²⁹.

Эти продажи часто выглядят как некое развитие системы брака за деньги. Родители девушек в этой корреспонденции не упоминаются, но они, вероятно, имели свою долю в этих сделках. Ведь неизвестно, кто же другой мог бы получить большую часть названных сумм. Мошенники получают только процент от продажной цены. Их обвиняли не в том, что они лишали девушек свободы или принуждали их, но только в том, что они их «обманывали», предлагая им мужей в других провинциях. Они, следовательно, представляют собой просто особую категорию посредников, устраивающих браки между семьями, живущими на большом расстоянии друг от друга. Что определяет преступную природу их сделок, так это не торговый акт сам по себе (власти временно отказались от запрета таких актов), но перемещение «невесты» (большей частью с согласия женщины или ее семьи) в отдаленную провинцию. С этой точки зрения показательны названия провинций и приводимые в сообщении цифры.

По данным этого (и других) источника происходит переселение из горных или полупустынных провинций (Сычуань, Гуанси или Шэньси) в равнинные: в одном случае это Аньхой, в других — Хэнань, Гуандун, район Тяньцзиня, Хубэй, Шаньдун. Часто речь идет также о переселении из горной в равнинную часть одной и той же провинции. Продажная цена, указанная в наших документах, варьируется, но, видимо, весьма скромна — от 500 до 1500 юаней. Дру-

гие источники часто указывают цену гораздо ниже 1000 юаней. Цены тем более умеренные, что, возможно, брак с женщиной из другого региона позволяет сэкономить на брачной церемонии. Создается, таким образом, впечатление, что побудительным мотивом для такой торговли служит притягательная сила равнинных зон, менее удаленных, более урбанизированных, где жизнь может быть не столь тяжелой, что компенсирует в глазах родителей этих девушек низкую продажную цену. Бедные же крестьяне с равнин (особенно из районов, подвергшихся бедствиям) или рабочие второй зоны центральных городов могут таким путем достать себе дешево жену, которую они не в состоянии найти на месте³⁰.

Странствующие супруги

В районах Северо-Западного Китая, где, очевидно, существует трудно объяснимый недостаток женщин, случается, что замужние женщины, чьи семьи терпят нужду, сами отдаются в наем крестьянам, слишком бедным, чтобы приобрести жену. А в южной части Ганьсу, наоборот, именно мужчины «стучатся в двери». Гонконгский писатель Фан Дань так описывает этих «странствующих супругов»:

Деревни Северо-Западного Китая так бедны, что некоторые женщины, выйдя замуж, потом тайно покидают свой очаг, чтобы избежать нищеты и недоедания, и, попав в более богатый район другой провинции, вновь выходят замуж. Так как отъезд женщин вызывает избыток мужского населения, многие крестьяне остаются холостяками. Если со временем какой-либо крестьянин обретет некоторые сбережения, он откроет свои двери пришедшей издалека женщине, которая обычно говорит, что она прибыла из района, пораженного стихийным бедствием, и гонима голодом (поскольку в Китае жертвы стихийных бедствий имеют право переселяться в другие места). Таким образом, она входит женой в дом богатого крестьянина данной местности. Местные кадровые работники терпят такое положение, так как они хорошо знают, что здешним холостякам найти жену труднее, чем слезать на луну. И они не волнуются из-за жен «из-

под полы». Поскольку эти женщины беженки, это упрощает дело для кадровых работников. А крестьянин, найдя себе жену, вновь обретает вкус к работе и не должен беспокоиться о своем хозяйстве. Во время такого сожителства многие женщины рожают, но лишь немногие хотят официально зарегистрировать свой брак. Такие отношения крестьян вне брака заставляют вспомнить свободный союз в западных странах.

Спустя много лет, когда дети подросли, очаг стабилизировался, жена тайно бежит со всем своим добром. Ее муж с «черного рынка» напрасно ищет ее повсюду, так как никто не знает, откуда она появилась или куда ушла... Сколотив состояние, она со своими деньгами возвращается к первому мужу. Если через какое-то время ей вспомнятся ее «подпольный» муж и дети, она, возможно, снова бросит первого мужа, чтобы незаметно вернуться ко второму, и тот, конечно, встречает ее с удивлением и радостью. Тогда она ему расскажет свою подлинную историю и объяснит, что отныне у нее двое мужей и она должна делить свое время между двумя домами, переходя из одного в другой, словно перелетная птица.

Если спустя много лет муж «с черного рынка» найдет себе в конце концов супругу и официально регистрирует брак, чтобы урегулировать свое семейное положение, бродячая супруга обычно перестает его посещать. Но если она, охваченная чувством или из-за детей, продолжает приезжать, то законная жена «подпольного» мужа не выказывает ревности и они зачастую спят втроем на одной кровати, укрываясь одним одеялом. Половые отношения такого рода на Северо-Западе очень часты.

А на юге Ганьсу, где излишек женского населения, уже муж «приходит к двери». «Подойти к двери» означает устроиться мужем. Эти «пришедшие к двери» мужья — мелкие сычуаньские ремесленники или чернорабочие. Они иногда вступают в половую связь не только с незамужними девушками, но и с их матерями — таким образом, что вечером муж, мать и дочь доставляют себе удовольствие ложиться в одну кровать. Такое незаконное сексуальное поведение не только не подавляется сельским кадровым работником, но, более то-

го, в какой-то степени поощряется, поскольку местные кадровые работники тоже «подходят к двери». Говорят, что такой порядок вещей был распространен еще до установления коммунистического режима. Это стало столь распространенным обычаем, что никто не думает обличать его перед властями. Когда через несколько лет у «вошедшего в дверь» мужа появляются дети, ему больше не нужно скрывать, что у него есть жена на родине, и он может с согласия своей второй жены «вернуться к старым друзьям», а затем, одним-двумя годами позже, вновь «вернуться к дверям». Это — странствующие друзья в отличие от странствующих жен Шаньси и Шэньси³¹.

Помимо антропологической странности, этот рассказ — лишнее свидетельство влияния, которое оказывают на семейную жизнь экономические условия различных районов. Именно нищета гонит «бродячих супругов» с гор Сычуани на менее негостеприимные равнины Шэньси или Ганьсу. Однако эти равнины так же бедны, и многие женщины отправляются отсюда в богатые хлебные районы Северного Китая — традиционно в Хэнань или Шаньдун. Местные же крестьяне очень счастливы, если им повезет и они найдут сожительницу, пусть даже временную.

Описанный обычай сочетается по смыслу с более общей практикой, о которой говорилось выше. Существует брачный рынок, на котором котируются достоинства имеющих на нем молодых женщин. Эти достоинства носят преимущественно материальный характер: меновой стоимостью является прежде всего рабочая сила женщины. Но приведенные примеры свидетельствуют также о влиянии местных экономических условий. Различные типы крестьянского поведения, обзор которых мы дали, фактически представляют собой формы приспособления обычного брака из-за денег к тем или иным экономическим условиям.

В городе

Среди городского населения влияние денег на заключение брака более разнообразно и вообще не столь прямо выражено. Даже за пределами среды интеллектуалов роль моральных стимулов под воздейст-

вием многих факторов (в частности, влияния западных обычаев, более высокого жизненного уровня; более индивидуализированного характера жизненных условий и заработка) значительно уменьшается и модифицируется. Главное отличие женитьбы в городе от таковой в сельской местности состоит в том, что первая, как правило, не означает передачи денег из одной семьи в другую. Женитьба здесь не является финансовой инвестицией. В городе вы не найдете брачного рынка. Тем более отсутствует выдача замуж малолетних или продажа женщин.

Впрочем, материальные факторы при вступлении в брак и в семейной жизни также играют значительную роль. Прежде всего, женитьба влечет за собой существенные расходы: на церемонию, как это будет видно из ближайшей главы, а также на многочисленные подарки. Как и в деревне, эти расходы ложатся главным образом на семью мужа.

Интересным свидетельством изменений в брачном обряде и уровне жизни горожан являются изменения в списке подарков. В начале 70-х годов в этот список входили преимущественно предметы первой необходимости: постельное белье, одежда, простая мебель и прежде всего знаменитые «три вертящиеся вещи» (часы, велосипед и швейная машина). Сегодня этот список значительно вырос. Например, в Шанхае мебель исчисляется в «ножках». Полный комплект для новобрачных состоит из тридцати трех «ножек», т. е. из двуспальной кровати, шифоньера, комода, письменного стола, пары кресел, двух кушеток (это все «четвероногая» мебель) и круглого столика на одной ножке. Потребности также выросли. «Три вертящиеся вещи» сейчас расцениваются как «три старые вещи», которым предпочитают «три новые вещи», гораздо более дорогие: стиральная машина, холодильник и телевизор (по возможности цветной)³². Общая стоимость всех подарков значительно возросла. Согласно проведенному в 1980 г. пекинским муниципалитетом опросу 180 семей молодоженов, средний размер предсвадебных расходов на постель и одежду составил 500 юаней, на кухонные принадлежности и мебель — 665 юаней. Аналогичный опрос в 1983 г. выявил повышение расходов приблизительно на 25%³³. В действительности же, по-видимому, обычные затраты на подарки стали достигать суммы в 2000 юаней.

Это является подтверждением несомненного возрастания доходов горожан вследствие нескольких повышений заработной платы и восстановления премиальной системы. Так, с 1978 по 1982 г. денежные доходы каждого члена семьи, получающего заработную плату, возросли, по данным китайской прессы, с 26,3 до 41,6 юаня³⁴. Этот рост не аннулирован инфляцией. Тем не менее суммы, необходимые для приобретения подарков, весьма значительны и превышают финансовые возможности отдельного лица. Даже если некоторые расходы берет на себя молодой человек, заимствуя эти средства из своих сбережений, и даже если девушка участвует в первых расходах на обзаведение (например, беря на себя все или часть расходов на постельное белье), семья жениха должна уплатить большую часть этих начальных расходов (в Пекине эта часть составляет в среднем $\frac{2}{3}$).

Следует подчеркнуть тот факт, что, как и в сельской местности, именно семья мужа берет на свой счет большую часть расходов и что семья новобрачной осуществляет свой выбор, сообразуясь с выгодами, которые даст ей этот брак. Однако эти выгоды больше зависят от самого мужа, чем от его семьи. Например, как это видно из считалочек, записанных нами в Шанхае в конце 70-х годов, важный критерий выбора — его заработок:

Семьдесят (юаней) — поспеши.
Шестьдесят — это хороший выбор.
Пятьдесят — еще годится.
Сорок — дважды подумай.
Тридцать — оставайся дома,
меньше двадцати — гони его вон.

И еще:

Тридцать или сорок юаней — не думай об этом,
пятьдесят или шестьдесят юаней — стоит обсудить,
семьдесят или восемьдесят — да, если он не старикашка,
сто юаней и больше — скачи от радости³⁶.

Подарки и заработок молодого человека — не единственные критерии выбора для девушки. Подлинный «свадебный список» гораздо обширнее и разнообразнее. Вот как детализирует этот список считалочка, заимствованная нами из пьесы, игранный в Шанхае в 1979 г. («Свидание»):

Один полный комплект мебели, сделанной в Шанхае,
два родителя, уже давно скончавшиеся,

три вещи, которые крутятся, да еще та, что шумит,— импортные,
модная одежда на четыре времени года,
пять органов чувств — молодые и на месте,
шесть порванных без колебаний родственных связей,
семь раз по десять юаней каждый месяц от государства,
восемь знакомств — для блага,
девять — ни вина, ни табака, и здоровье —
десятью десять. Будь умным и послушным³⁶.

К черту сантименты! Господствует практический подход. Однако он далеко выходит за рамки требований только к заработку или комфорту. Требуются также различные социальные и семейные преимущества: знакомства, немногочисленная и по возможности не очень обременяющая своим присутствием семья (чтобы смягчить проблему жилья и избежать возможных расходов на его поддержание). Кроме того, в требования девушки входят модные туалеты, красивый, хорошо сложенный муж, досуг и доброе согласие в семье. Фактически этот перечень отражает более сложную социальную жизнь, чем в деревне. Он свидетельствует также о более индивидуализированных стремлениях, отличных от преимущественно финансовых требований деревенских семейств.

В крупнейших городах и открытых для иностранцев зонах эти различия еще более заметны, и для многих девушек брак становится средством обеспечить себе легкую жизнь. Об этом свидетельствует распространенная в Шанхае шутка: девушки ищут «земли, воздуха, моря». Это не означает, как подразумевается при обычном значении этих слов и в китайском, и в французском языках, доблестных бойцов Народно-освободительной армии и флота, которые были бы желанными мужьями для любой девушки. Напротив, они влюбляются в военных реже, чем в прежние времена. Сухопутные войска (*лю*, в шанхайском произношении *ло* — «предпринять меры либерализации») означают здесь «национальных капиталистов», пользующихся доходами от недавней политики восстановления их имущества. Военно-воздушные силы (*кун*, космос) — это привилегированные люди, имеющие просторные квартиры. Что до морских сил, то это выражение подразумевает тех, у кого есть родственники за морями...

Большую ценность на брачном рынке в Шанхае, в приморских провинциях Фуцзянь и Гуандун и в мень-

шей степени в других китайских городах представляют те, кого ласкает «ветер Юга» (*наньфэн*), т. е. те, кто имеет семьи в Гонконге или в Юго-Восточной Азии³⁷.

Существует поговорка «Сто полных сундуков не стоят окна, открытого южному ветру», поскольку заморские связи означают регулярное снабжение валютой, что открывает доступ в знаменитые специальные магазины «для заморских китайцев», снабжаемые гораздо лучше других. Говорят: «Начальник бюро, начальник отдела не стоят гонконгского каменщика». Действительно, он может дать право уехать на счастливый остров, о котором мечтают многие. По данным органов общественной безопасности Шанхая, один брак с иностранцем из тринадцати заключается с немедленным требованием выездной визы³⁸. Впрочем, существует брачный обмен между Гонконгом и материком: некоторые жители колонии действительно считают более выгодным найти женщину, которая в обмен на ежемесячные выплаты и надежду, чаще всего иллюзорную, покинуть Китай возьмет на себя уход за его престарелыми родителями³⁹. Эта покупка им обойдется приблизительно в 3000 юаней, сумму, которая им вполне по карману, даже если она кажется огромной континентальным китайцам.

Рост женских запросов ставит многих молодых людей в затруднительное положение. Если молодой человек не «моряк», ему очень трудно предъявить все нужные качества. Так, заработки, требуемые от кандидатов в мужья, превышают средние. Хотя они заметно возросли с 1977 г., но и в 1981 г. средний заработок на крупных государственных предприятиях не превышал 67,7 юаня, а в небольших местных предприятиях, именуемых «коллективами» — 53,3 юаня. А поскольку заработная плата в Китае повышается обычно со стажем, то большинство претендентов на брак получают меньше этих средних цифр. И надо еще достать предметы, внесенные в свадебный список. Долгое время заключение многих браков зависело от нерегулярного снабжения китайских магазинов и навязываемого им рационирования. В частности, из-за нехватки дерева редкостью была мебель. Так, Мари Ольцман упоминает о пекинской супружеской чете, которая, прежде чем вступить в брак, была вынуждена ожидать несколько месяцев (с июня до ок-

тября 1980 г.), чтобы купить двуспальную кровать⁴⁰. Правда, с тех пор снабжение несколько улучшилось, и некоторые ограничения отменены⁴¹. Наиболее наглядно это улучшение коснулось велосипедов и телевизоров. К 1981 г. насчитывалось 58 телевизоров на сто семей горожан⁴². Тем не менее по-прежнему трудно достать наиболее котирующиеся предметы, особенно импортные.

Для многих подарки представляют собой своего рода залог на будущее. Но эта гарантия действует не всегда. Девушки, пользующиеся наибольшим спросом, не колеблются перед сменой партнера, сохраняя при себе все подарки. Вот жалоба молодого человека, потерявшего вместе с возлюбленной свои деньги и желающего получить хотя бы одно из двух:

Крошка Чжан и я любили друг друга более двух лет, и все шло у нас хорошо, я купил ей немного одежды и разных вещей. Она мне тоже иногда кое-что покупала, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что я покупал ей. Теперь, когда мы уже не любим друг друга, я нахожу, что слишком потратился и мне следует потребовать у нее или возвращения подарков, или возмещения их стоимости наличными. Это законно? Что я должен делать?⁴³.

Жилье: драма

Главной трудностью для заключения брака являются поиски жилья. Многие годы иностранных туристов ослепляла низкая цена за найм жилищной площади в Китае. Правда, им при этом не сообщали, что жилища, которые чаще всего являются собственностью коллективов, очень плохо содержатся и, главное, что их очень мало. Жилищный кризис — одна из язв городской жизни в Китае. В то время как городское население не перестает расти (оно достигает сейчас приблизительно 200 млн. человек), темпы строительства жилищ замедлились по сравнению с периодом «культурной революции», которая, если верить официальным объяснениям, также повинна в этом кризисе. Строительство возобновилось только в 1977 г. В результате площадь, приходящаяся на одного жителя, составляла в 1950 г. 4,5 кв. м, в 1979 г. — 3,6 кв. м, в

1981 г. — 4,12 кв. м и в 1985 г. — 5,9 кв. м. В начале 80-х годов 7,7 млн. семей горожан не имели отдельных квартир и 2,5 млн. жили в плохих условиях⁴⁴. В Пекине 18% семейств официально считались живущими в плохих условиях, т. е. имели менее 3 кв. м на человека⁴⁵. В Шанхае ситуация была еще хуже. Только кадровые работники определенного уровня имели право более чем на 4 кв. м на человека в новых домах. 110 тыс. семейств считались живущими в плохих условиях. К ним были отнесены следующие четыре категории семей: 1. семьи, один из членов которых более года откладывал женитьбу, ожидая получения жилья; 2. семьи, три поколения которых живут в одной комнате; 3. семьи, имеющие менее 2 кв. м на человека; 4. перемещенные семьи, ожидающие жилье, чтобы приступить к работе⁴⁶.

Сегодня жилищный кризис — всеобщее явление в Китае. Наблюдательному путешественнику он напоминает о себе бесчисленными маленькими объявлениями на стенах, деревьях и электрических столбах, «предложениями об обмене жилья» (*дуйфан*), которые власти оставляют висеть, поскольку созданные недавно официальные «бюро обмена» недостаточны для выполнения этой задачи⁴⁷.

Вот как путешественник из Гонконга описывал в 1980 г. положение с жильем в Гуанчжоу:

Сейчас в Кантоне страшно не хватает помещений, пригодных для жилья. Действительно, во времена «культурной революции» их не строили, в то время как население не переставало расти. Вот почему многие дома крайне перенаселены. Более чем в 90% случаев нехватка жилой площади ведет к созданию дополнительных комнатушек при помощи деревянных перегородок. Часто в комнате создается второй этаж: в нижнем живут днем, верхний служит спальней. Нередко в одной комнате живут три поколения.

Для молодых людей, желающих вступить в брак, жилье становится главной проблемой, и так как они не могут его найти, многие откладывают женитьбу. Бывает и так — поженившись, не живут вместе. Молодая чета гуанчжоусцев, любивших друг друга уже многие годы и достигшая надлежащего возраста, подала заявление о получении жилья и о подготовке к свадьбе. Больше года они

безрезультатно ждали жилища. Поскольку они повзрослели, они отказались от церемонии, угостив только несколько раз родных и друзей. После ухода гостей новобрачные были вынуждены, как и прежде, возвратиться к себе и ждать, когда они смогут подыскать жилье, чтобы жить вместе. Как говорят, такого рода случаи в Кантоне весьма часты⁴⁸.

В большинстве китайских городов перенаселение вынуждает многие семейства использовать подручные средства, чтобы сделать пригодной для жилья ту жалкую площадь, которой они располагают. Прежде чем вступить в брак, совершенно необходимо решить проблему жилья, о чем наглядно свидетельствует захватывающая история похождения несчастного Чжоу Дэфа — героя опубликованного в 1979 г. в диссидентском журнале рассказа, переведенного Эрве Дэне. В тридцать два года этот рабочий встретил наконец родную душу:

Прежде чем проводить У Фэнлань домой, он почувствовал необходимость получить уверенность и сразу же предложил ей воспользоваться праздником, чтобы пожениться. Им оставался какой-то месяц. Фэнлань спросила ласково:

— Ты думаешь, что успеешь все устроить?

Ударив себя в грудь, он ответил хвастливо:

— У меня отложено пять или шесть сот юаней. Я покупаю большую кровать, шкаф, постельное белье, несколько дюжин бутылок спиртного — что еще надо?

— Хм... а жилье?

При этом слове он вздрогнул. Это действительно проблема. Единственная настоящая проблема. Хотя это не помешало ему сразу же очень самоуверенно ответить:

— Насчет жилья я найду решение.

Вернувшись к себе, Чжоу Дэфа задумался.

При свете узкого луча луны, пронзавшего темноту, он обвел взглядом комнату, в которой находился. Менее чем в двух метрах от него стояла перегородка из прессованного картона, за которой храпел отец. Она отгораживала комнату родителей — три метра на два, шесть квадратных метров. Площадь комнаты, в которой спал он сам, почти такая же, но он не делил ее с двумя младшими брать-

ями, ворочавшимися во сне сбоку от него, и с двумя сестренками, чье легкое дыхание доносилось с нескольких досок, расположенных прямо над его головой. Чжоу Дэфа вздохнул. Решение его проблемы возможно, конечно, не под родительским кровом. Ему, очевидно, ничего не остается, как обратиться с запросом к заводу или пойти на переговоры с жилищным бюро его квартала. Увы! Он видел уже много примеров, что оба пути ведут в тупик. Что делать? Куча пакуров росла... И вдруг — гениальная мысль! Конечно! Ему тридцать два. Он вполне относится к категории «позднего брака»! А он не раз слышал, что жилье предоставляется преимущественно кандидатам на поздний брак...

И Чжоу Дэфа, бодрый и веселый, обращается к бюрократам своего предприятия. Когда он наконец попадает к ответственному работнику, оказывается, что комнаты площадью 22 кв. м, которыми еще располагает завод, зарезервированы для семей, насчитывающих более пяти человек. Комната в 13 кв. м, на которую он рассчитывал, уже отдана.

День свадьбы приближается, а невеста держится на расстоянии. Что делать? И вот представилась оказия. Друг одного из его коллег по заводу мог бы уступить свои 9 кв. м за 200 юаней. Ведомый коллегой, Чжоу Дэфа идет посмотреть жилище.

...В узеньком переулочке стоит одноэтажный дом из дерева и кирпича, не больше сажени по фасаду. Интерьер поделен досчатыми перегородками метра два высотой, образующими множество комнатушек, в которые попадают из коридора, опоясывающего дом...

Мебель — простая односпальная кровать, цветастый шкафчик, стол и несколько колченогих стульев — стояла так тесно, что уже невозможно поставить сюда еще что-либо. И это девять квадратных метров? Пошли вы! Семь, пожалуй, да и... Он быстро соображает: в комнате две твердые перегородки и две перегородки из досок. В ней нет окна, одна из филенок двери в щелях, она открывается в темный коридор, плитки на полу выкрошились, местами видна зацветшая земля, потолок не выше двух метров, а когда наверху ходят сосе-

ди, то словно гром гремит... Чжоу чувствовал себя все хуже и не обращал ни малейшего внимания на разговор. Он увидел, как хозяин дома поднялся, и машинально сделал то же самое. Пошли посмотреть кухню.

Она была прямым продолжением спальни. Точнее, комната была как бы задней комнатой кухни. Вот почему у нее были только две твердые перегородки. В кухне, относительно просторной, вперемешку теснились печки для дров и угля. С точки зрения приготовления пищи эта комната была лучше всех, потому что была ближе всего к кухне. Для нанимателей передней части дома ходьба в кухню напоминала поход. Но если приглядеться, то это преимущество быстро уступало многим неудобствам. Прежде всего, в кухне была отталкивающая грязь. Пол засыпан очистками, тонущими в нечистотах. А так как некоторые жильцы использовали кухню как задний двор, то нечистоты были перемешаны с бесчисленными кучками навоза.

Прежде чем дать ответ, Чжоу Дэфа решает использовать последнюю возможность в жилищном бюро своего квартала. Но и там разочарование было жестоким.

— Наши ответственные сотрудники рассмотрели ваш запрос. Сейчас у нас нет для вас свободного жилья.

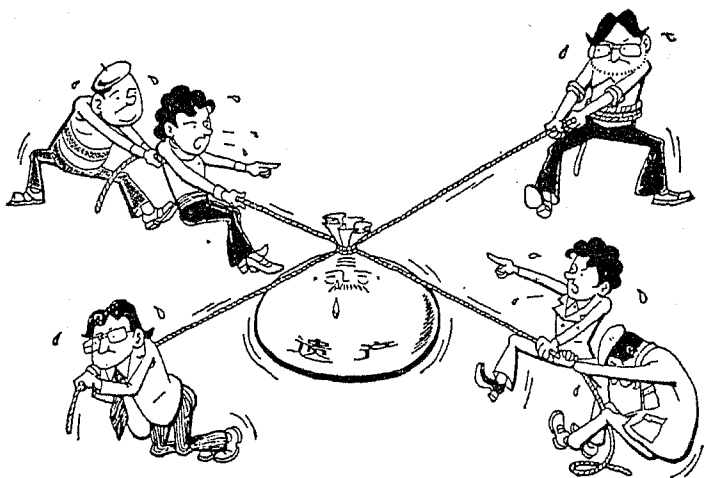
— Как?— вскричал он растерянно.

— Правило требует, чтобы в расчет были приняты запросы семейств, у которых приходится менее полутора квадратных метров на человека. А вас семеро на двенадцать квадратных метров, это дает в среднем 1,7 квадратных метра на человека. Только принимая во внимание ваше намерение жениться я довел вашу долю точно до 1,5 квадратного метра. Иначе ваш запрос даже не стали бы рассматривать.

История, конечно, кончается плохо. Даже лачуга в 9 квадратных метров ускользает от него. Нет жилища — нет и свадьбы. Его невеста разрывает с ним и напрямик объясняет ему:

Ну не надо сердиться на меня. Я буду с тобой откровенна, как ты того заслуживаешь. Некоторое время назад я узнала из надежного источника, что готовится большое движение по направлению мо-

“六马分尸”

Подпись по-китайски: Шестеро и дележ.
Четвертование. На мешке надпись: «Наследство».
«Молодое поколение». 1981, № 4, с. 64.

лодежи в деревню. Поедут не только окончившие в этом году университеты, но и какое-то число уже работающих молодых людей, например неквалифицированные моложе двадцати восьми лет, не состоящие в браке — как раз мой случай. Вот почему я непременно должна выйти замуж, а ведь ясно, что тебе не удастся найти жилье. Я не могу сидеть сложа руки, как идиотка, в ожидании, когда меня пошлют в деревню. У меня нет выбора. Меня познакомили с другим... У него есть дом⁴⁹.

Для детей (особенно сыновей), живущих в плохих условиях, жениться еще труднее, чем для других, так как их семьи не могут приютить новую чету — и это во весь переходный период. Они составляют внушительную часть тех, кому не удастся вступить в брак. Эти молодые пары стоят перед настоящей дилеммой: или попытаться выпутаться самим — тогда не придется прибегать к ненадежным и разорительным уловкам, — или выбрать общую судьбу: прокладывать себе труднейший путь через администрацию — запутанную, спящую и иногда продажную. На этом пути, полном бюрократических препятствий, успех зависит

от удачи, общественных связей или денег, т. е. тех преимуществ, которых полностью лишен бедняга Чжоу Дэфа.

Распределение жилья, которого столь явно не хватает,— это область, где давно уже обнаружился произвол властей. Население вынуждено приспосабливаться к этому, но при первой возможности выражает свое недовольство. Так было в период «Ста цветов» 1957 г.⁵⁰, а также «пекинской весной» 1978—1979 гг., одним из самых знаменитых эпизодов которой была публикация «письма Ван Дунсину» (один из руководителей маоистской фракции), свидетельствовавшего о гневе, охватившем молодежь. По словам автора этого письма, неравноправие в жилищном вопросе — это неравенство в доступе к счастью. Письмо вскрывает подлинную иерархию в обществе.

Открытое письмо Ван Дунсину

Я простой человек из народа, которым вы руководите. Я живу в Пекине, по профессии рабочий, мое политическое лицо — как у всех людей. Мне уже за тридцать, и я всегда боролся за построение социализма. Но у меня пока нет жены, хотя я не некрасив и ростом вышел. На улице девушки заглядываются на меня. Я немного разбираюсь в поэзии, литературе, музыке и живописи. Хотя по происхождению я бедняк, я составляю часть правящего класса, потому что я рабочий... Я должен был бы найти родную душу, но до сих пор никто не согласился стать моей спутницей. У меня была подруга девятнадцати лет. Когда мы встречались в парке, я ей нравился, но когда я привел ее к себе домой — фу!... Потому что наше жилище переуплотнено: восемь квадратных метров на восемь человек из трех поколений. Спальные места в три этажа, а велосипеды подвешены к матице. Можно сказать, что пространство использовано наилучшим образом, однако в нем невозможно повернуться. Однажды я привел в дом новую знакомую и за неимением стула пригласил ее сесть на мое ложе — она набила себе шишку о висевшие на балке сапоги. Она взглянула на меня с презрением, скатилась с моего скрипучего ложа и ушла, чтобы не возвращаться. Можете вы понять, как я был несчастлив?

Во время землетрясения 1976 г. я устроил анти-сейсмическое убежище на пустыре рядом с моим домом. Хотя и открытое всем четырем ветрам, это убежище было на два квадратных метра больше, чем дом. Я снова отправился в парк, чтобы встретить подружку, которую я мог бы привести уже не в дом а в убежище. Несомненно, в то время, когда все говорили о землетрясении, она, видимо, боялась быть зава-ленной в собственном доме. Но когда мы уже украси-ли наше «брачное логовище» и должны были вот-вот отпраздновать свадьбу, власти решили снести все убежища. Я был бессилен, а девушка ушла. Она по-кинула меня навсегда. Мне осталось только вздыхать на третьей полке! Мои родители несчастны еще более меня. Неспособный плакать, я твердил в уме сказан-ное ею: «Я люблю тебя, но мы не можем спать в тво-ей постели. Для блага твоего, моего и наших детей лучше...» Я даю себе клятву, что моя следующая по-беда должна иметь свою комнату.

Говорят, что в рамках большого строительства, ко-торое ведется сейчас в Чжуннаньхае⁵¹, для вас стро-ится вилла стоимостью более 1000 юаней за квадрат-ный метр. Более того, ваша дочь Ван Яньмэй должна получить пятикомнатную виллу высшего качества, бо-лее 800 юаней за квадратный метр. Я не имею чести быть знакомым с вашей дочерью, но я влюбился в нее за ее дом. И я прошу вас стать сватом между вашей дочерью и мной. Я не буду жалеть об этом, даже если она рябая. Вы, конечно, этого не знаете, но в Пекине простому человеку так трудно найти жилье! Если вы мне не верите, спуститесь к нам, и вы поймете, почему я сразу влюбился.

Извините мою бесцеремонность, но у меня нет дру-гого средства, и если я не обращусь к вам, то, конеч-но, останусь холостым на всю жизнь. Я посвятил ва-шей дочери небольшое стихотворение:

На заводе строят цех,
на улице строят WC,
в гостинице строят ресторан,
в Чжуннаньхае строят павильоны.
В городе людям негде жить,
на каждого всего квадратный метр,
и безо всяких надежд живет в доме моем
холостяк, чье сердце затронуту.
Зная, что у нее есть жилище,
я высказываю свои чувства вашей дочери.

Если она не хочет там жить,
пусть придет лечь на мое ложе.

Ах! Когда другие холостяки будут просить выдать за них вашу дочь, вспомните, что я был первым. Не бойтесь, я сделаю ее счастливой...⁵²

Кажется, после крушения «пекинской весны» власти попытались откликнуться на недовольство населения, не только ускорив строительство, но и сделав более справедливым распределение жилья. Многочисленные нарушения правил, допущенные ранее, подверглись критике как следы влияния «Банды четырех». Однако никто не был наказан⁵³. Впрочем, нужда в жилье смягчилась лишь в малой доле. Она продолжает мешать заключению браков или заставляет их отсрочивать. Молодые пары несмотря на отсутствие жилья, иногда многие годы живут раздельно, прежде чем получают маленькую комнату⁵⁴. Бывает, правда реже, что распределение жилья ускоряет вступление в брак⁵⁵. Жилищный голод мешает даже разведенным семьям прекратить жить вместе.

Если нельзя найти отдельное жилье, у молодой четы только один выход — просить приюта у кого-нибудь из родителей. Не столько обычай, сколько нехватка отдельных квартир объясняет то обстоятельство, что многие семьи горожан продолжают жить под одной крышей. Государство, чтобы смягчить нужду в жилье, поощряет такое временное решение, которое часто имеет тенденцию стать постоянным. Вообще-то семьи охотно идут на это, особенно семья мужа, которая чувствует себя более ответственной в этом деле. Пэриш и Уайт высчитали, что из 359 пар, вступивших в брак после «культурной революции» и опрошенных в середине 70-х годов, 38% поселились в семье мужа и 3% — в семье жены⁵⁶. Но такая практика укрепляет права родителей. Некоторые родители (а сколько их?) отказываются дать приют молодой чете, чей брак ими не одобрен:

Моя подружка и я достигли брачного возраста. Я живу с моими родителями в коммунальной квартире. По действующим правилам жилищное бюро отказывает мне в предоставлении отдельной комнаты, поскольку комната моих родителей достаточно велика, чтобы поселить там еще одну пару. Но мои родители не одобрили наш брак и отказываются дать нам место. Неоднократные вмеша-

тельства других членов семьи и общественных организаций не дали никакого результата⁵⁷.

Деньги и домашнее хозяйство

Жилищные условия продолжают оказывать заметное влияние на молодую семью и после брака. Теснота жилища стесняет жизнь молодой четы и ведет к сокращению охвата детей школами⁵⁸. В городах Южного Китая она заставляет многих жить во дворе.

Вообще жизнь супружеской четы, как в городе, так и в сельской местности, полна материальных затруднений. Низкие доходы (в 1985 г. они составляли 752 юаня на человека в год для получающих заработную плату и 397 юаней для сельских семей)⁵⁹ вынуждают большинство семей к постоянной экономии. Расходы на питание все еще составляют около половины бюджета горожан, доля, выделяемая на приобретение одежды, очень мала, на досуг — минимальна, но в любом случае редко бывает, чтобы досугу отводилось более половины дня, в воскресенье — пополудни. В деревне все поглощает работа, особенно с того времени, когда семья стала ответственна за свое поле, и крестьянин в основном стал стремиться обеспечить семейной ячейке избыток продовольствия.

В зависимости от обстоятельств нужда способствует либо образованию, либо распаду супружеских пар. Из соображений экономии многие деревенские семьи питаются у одного очага и часто доверяют внуков деду с бабушкой. Сбережения для какой-нибудь важной покупки (например, велосипеда) производятся сообща. Китайские семьи часто представляют собой мелкие предприятия, стремящиеся к общей цели: улучшению уровня жизни коллектива. Это не исключает семейных ссор. По сообщению Пэриша и Уайта, наиболее частой причиной ссор между супругами являются денежные проблемы, даже если они не всегда становятся мотивом для развода⁶⁰. В деревне источником ссор могут служить жалобы женщины на значительный объем домашней работы, которую возлагает на нее семья мужа. В городе молодая может посчитать недостаточным уровень жизни, предоставляемый ей мужем. Еще более часто причиной ссор служит спор о контроле над общим кошельком, возникающий между свекровью и невесткой.

В случаях, когда в китайских семьях затрагивается деликатный вопрос о повторном браке вдовцов и особенно вдов, подтверждается важное значение денежной проблемы. Вот свидетельство вдовы, не решающейся вновь выйти замуж:

Должна ли я снова выйти замуж? Мне сорок восемь лет, и вот уже пять лет, как мой муж умер от рака. В прошлом году один из товарищей по работе на заводе представил мне товарища Старого Ли. Познакомившись, я нашла, что у него мягкий и добрый характер, и мы пришли к согласию, решив пожениться.

Можно ли было вообразить, что три моих сына будут живо протестовать против этого? Старший сказал: «В ее возрасте мама хочет выйти замуж! Куда нам деваться от стыда?» Второй: «Мама зарабатывает больше ста юаней в месяц, и она выйдет за человека, который получает меньше и к тому же имеет ребенка на руках?» Что до младшего (моего всегдашнего любимца), то хотя он ничего не сказал, но он собрал свою постель, чтобы поселиться на заводе, и мне не удалось уговорить его вернуться домой. Сердце мое полно противоречивых чувств. Если я не выйду замуж, три моих сына будут по-прежнему смотреть на дом как на гостиницу с рестораном, где никто не беспокоится о том, как я живу, чем я питаюсь, и где я остаюсь в полном одиночестве. Если я выйду замуж, имея уже взрослых детей, то все соседи будут смеяться над нами, наблюдая наши споры, и кто знает, чем это кончится? Товарищ ответственный работник, что мне делать?⁶¹

Колебания этой вдовы показательны. С одной стороны, она надеется на возможность счастья для себя, а с другой — она боится суждений соседей и особенно противодействия трех взрослых сыновей, у которых есть свое мнение, одновременно единодушное и радикальное. Они выставляют две ясно выраженные причины своего отрицательного отношения к намерениям матери. Первая — забота о «сохранении лица»: они боятся «позора» вторичного брака, на который, действительно, общественность по-прежнему смотрит косо, полагая, что заключению брака соответствует юность

и девственность невесты. Но это не самый важный мотив. В прошлом плохая репутация повторного брака не мешала многим вдовам входить в новую семью. Отношение трех сыновей объясняется прежде всего материальными расчетами. Они содержат мать и полагают, что ей невыгодно выходить замуж за человека, «который получает меньше и к тому же имеет ребенка на руках». На самом деле они не желают, чтобы имущество семьи, пусть даже в какой-то доле, перешло к очагу этого мужчины.

Правильность такого объяснения подтверждает журнал «Шэхуэй», полагая, что сопротивление семьи возрастает по мере увеличения соответствующего имущества:

Если дети сопротивляются тому, чтобы их родные вновь вступали в брак, так это, вероятно, потому, что «феодальный» образ мыслей еще жив, но прежде всего из соображений, связанных с собственностью. Когда у родителей мало имущества или его вообще нет, дети чаще всего не имеют никаких «замечаний» по поводу нового брака, а если они и возражают, то беззлобно. Когда же у родителей есть значительное имущество, ситуация меняется. В этом случае дети гораздо чаще высказывают свое неодобрение и делают это в гораздо более резкой форме. Следовательно, должно говорить скорее не о том, что дети противятся новому браку, а о том, что они противятся разделу имущества⁶².

Имеется много других случаев, когда семья умершего супруга противится повторному браку вдовы по соображениям, связанным с «сохранением лица», или по финансовым соображениям⁶³. Низовые кадровые работники не всегда занимают твердую позицию в этом отношении⁶⁴. В сегодняшнем Китае на вторичный брак смотрят плохо и в него трудно вступить⁶⁵.

Содержание престарелых

Конечно, цементирующей силой семейного единства является в значительной мере материальная сторона. В обществе, где крупные имущества редки, а государство владеет большей частью производственных факторов, частная собственность парадоксально при-

обретает существенное значение и идентифицируется с единственной ячейкой общества, противостоящей коллективизации, а именно с семьей. В городе такой собственностью являются обстановка, сбережения, а также жилище и работа: они передаются из поколения в поколение. В сельской местности значение семейной собственности, прежде всего дома, подчеркивается еще тем фактом, что в народных коммунах семья была единицей для распределения и стала производственной единицей после роспуска коммун.

К собственности добавляется семейная взаимопомощь. Если эта традиция жива в современном Китае, то в значительной мере потому, что социальная защищенность остается недостаточной. Она развивается в неравной степени властями и крупными предприятиями в городе, но практически почти неизвестна в деревне. Для некоторой части городского населения и почти для всего сельского населения болезнь и старость суть катастрофы, которым может противостоять только семейная взаимопомощь. Положение усугубляется постоянным ростом средней продолжительности жизни. Официально она исчисляется сегодня 69-ю годами: в 1982 г. лица старше 60 лет составляли 8% населения, к 2000 г. они составят 11% ⁶⁶.

В последнее время правительство как будто осознало эту проблему. Оно старается улучшить социальную защищенность и разработать специальную политику в отношении пожилых людей. Однако отсутствие средств вынуждает его поощрять семейную взаимопомощь столь же активно, как и в прошлом. Закон о браке 1980 г., как и аналогичный Закон 1950 г., обязывает детей «поддерживать родителей и помогать им». Кроме того, в законе говорится: «Родители, неспособные работать или находящиеся в затруднении, имеют право требовать от своих детей уплаты их расходов на содержание» ⁶⁷.

Такая политика в целом является народной, потому что она согласуется с традиционными идеалами и практическими нуждами. Для престарелых родителей помощь детей означает ухоженную и защищенную старость. Молодые же нуждаются в родителях для затрат на свадебные расходы, для подыскания жилища и часто для решения трудной проблемы ухода за детьми, поскольку ясли и детские сады не только дороги, но и весьма немногочисленны ⁶⁸. В подобных условиях

политика поощрения семейной взаимопомощи представляется эффективной. На взгляд западного наблюдателя, материальная взаимопомощь — одна из самых характерных черт китайской семьи. Однако в обществе, где каждый беден, в семьях происходят многочисленные несообразности. Официальная китайская печать обеспокоена ростом числа тяжб, относящихся к содержанию стариков⁶⁹.

Так, иногда старые родители требуют такой финансовой поддержки, которую их дети считают избыточной:

Мой отец рабочий, он трудится, его заработная плата свыше 80 юаней. Мать умерла семь лет назад. У меня шесть братьев и сестер, из которых четверо работают, расходы на обучение пятой сестры взяла на себя старшая сестра, так что отец имеет на иждивении только младшую. Я не последовал его совету в отношении женитьбы, мы поспорили, а теперь он требует, чтобы я платил ему на его содержание 12 юаней в месяц, иначе он будет на меня жаловаться. Я получаю только 50 юаней и готовлюсь к свадьбе. Мне трудно в финансовом отношении. Правомерны ли требования отца?⁷⁰

Таким образом, своим требованием отец пытается помешать женитьбе сына, которую он не одобряет. Ссора из-за денег является выражением ссоры из-за авторитета. Исполнит ли отец свою угрозу обратиться в суд? Раньше такие случаи были крайне редки. Сегодня можно часто видеть, как родители обращаются в суд с жалобами на детей, обвиняя их в неокказании поддержки:

Г-жа Ли... (66 лет) приносит жалобу на своих сыновей — старшего (45 лет) и младшего (41 год), не оказывающих ей поддержки и помощи. Г-н Вэнь, муж истицы, рабочий на пенсии, получает 38 юаней в месяц. Истица присматривает за ребенком своей дочери, и так как здоровье истицы сейчас плохое и жизнь стала трудной, она обращается к суду с требованием, чтобы каждый из ответчиков давал ей по 10 юаней в месяц. Ответчики не понимают, почему у них требуют деньги на присмотр за ребенком их сестры, и просят, чтобы истица возвратила этого ребенка своей дочери, от чего она отказывается. В ходе примирительной процедуры

оба сына признали свой законный долг поддерживать родителей и помогать им, как и то, что им нельзя вмешиваться в решения матери, желающей присматривать за ребенком дочери. Учитывая свое материальное положение, ответчики соглашались платить матери один — 6, а другой — 8 юаней, чтобы восполнить расходы своих родителей⁷¹.

Этот рассказ заставляет вспомнить прежде всего, что все эти тяжбы разворачиваются на фоне общей бедности. Действительно, старые родители должны воспитывать ребенка на единственные 38 юаней в то время, когда расходы на питание, необходимое для выживания в городе, исчисляются приблизительно в 15 юаней на человека. Но и оба их сына, вероятно, не очень состоятельны, поскольку власти, контролирующие примирительную процедуру, принимают решение о снижении первоначально требуемых г-жой Ли 10 юаней до 6 и 8.

Кроме того, этот рассказ выявляет разницу отношений разных поколений к семейной солидарности. В то время как старые родители упорно хотят смотреть за ребенком их дочери, сыновья «не видят, почему от них требуют деньги на присмотр за ребенком их сестры»; они сужают традиционное поле семейной солидарности.

Действительно, многочисленные документы показывают нам, что молодое поколение толкует долг семейной взаимопомощи в свою пользу. Официальная печать часто разоблачает постыдные факты эксплуатации стариков их детьми:

26 июня прошлого (1981) года женщина 76-и лет вошла в большой магазин уезда Чжэньань провинции Гуйчжоу и купила бутылку концентрированного инсектицида, выпила ее залпом и покинула этот свет.

Старую женщину звали Дуань Циньсю, она уроженка Чэнду. У нее имелись сын и дочь, работавшая помощницей акушерки в госпитале Чжэньаня. Прожив несколько лет вместе с сыном в Чэнду, старая женщина отправилась со своим зятем, приехавшим к ней после того, как его жена родила ребенка, и занялась домашним хозяйством и внуком. Через год она вернулась в Чэнду, но дочь вскоре приехала за ней. В интересах дочери и зятя она не поколебалась оставить работу, продала за

500 юаней свой дом и переехала жить к дочери в Чжэньвань.

Через 23 года после этого переезда она окончательно устала от домашнего хозяйства дочери. Трое внуков стали взрослыми, они работают, а зять был назначен вице-директором провинциального бюро снабжения. Стало быть, трудный для дочери период кончился. Мало-помалу старая женщина становится в глазах дочери и зятя бесполезной обузой. В то время как чета занимает роскошно украшенную комнату, они отвели старухе вонючий сарайчик на заднем дворе без электричества. Хотя ее дочь работает в больнице, матери приходится, когда она заболит, выпрашивать лекарства у соседей. Последние годы дочь запретила старухе есть за одним столом с ними, и соседи часто видели, как старуха, сидя у печки, питалась объедками, часто одним рисом. Когда ее дети варили курочку, то целиком, чтобы старая женщина не могла тайно взять себе кусочек, а если им хотелось жарить курицу кусочками, то в кухне готовила сама дочь. Все это леденило душу старой женщины.

Старуха много раз обращалась к другим людям с предложением выполнять домашнюю работу, прося за это лишь чашку риса. Несмотря на сочувствие, они не решались держать ее долго у себя из боязни возражения ее детей. Когда старая женщина написала в Чэнду, прося помощи у сына, ответа не было...⁷².

Насколько репрезентативны эти истории? Их много публикуется в печати с очевидной целью заклеить нехватку солидарности, а может быть, и улучшить образ режима в глазах старшего поколения. Однако то, что такое дело разворачивалось в семье достаточно высокопоставленных кадровых работников, указывает, что плохое обращение со стариками не может объясняться только бедностью.

В другом случае дети пытаются контролировать употребление родителями своей собственности, которая должна позже достаться детям и которую они, следовательно, считают собственностью семьи:

В 1955 г. Ян Вань построил три комнаты, к которым он между 1962 и 1969 гг. прибавил еще три. В 1979 г., воспользовавшись отсутствием его сына Ян Бинлиня, он их продал. Когда покупатель

захотел там поселиться, Ян Бинлинь воспротивился.

Ян Ваньи продолжает считать, что у него есть право самому распорядиться своей собственностью. Он приводит такой довод: «Мой сын не исполнил свой долг поддерживать меня, следовательно, собственность на дом должна возвратиться мне. Если я ее продал, то потому, что меня теснит нужда». Ян Бинлинь не согласен с отцом и говорит: «При жизни матери восемь членов нашей семьи жили вместе и между нами царила относительная гармония. Когда в 1977 г. мать умерла от болезни, отец стал тратить свой заработок только на самого себя. Все семейные расходы совершались на деньги жены и мои. Теперь мы не можем согласиться с тем, что отец сам продает дом, не посоветовавшись с остальными членами хозяйства»⁷³.

Отец считает, что сыну следовало поддержать его старость; поскольку он этого не сделал, он потерял свое право собственности на дом. Такова официальная концепция, наиболее близкая и к традиционной. Для сына, напротив, хозяйские права отца на семейную собственность не являются неприкосновенным правом. Или, скорее, это право измеряется мерой оказанных услуг: если отец не помогает хозяйству своих детей, он по меньшей мере должен им оставить наследство целиком. Итак, в конфликте противостоят два взгляда на взаимопомощь, и каждый из них основан на представлении о материальном обмене, только постулаты различны: в первом случае это требования в пользу старого поколения, во втором — в пользу молодого.

Новым явлением становится резкость, которую часто проявляют дети в отношении родителей⁷⁴. Она временами такова, что некоторые оскорбленные родители предпочитают, чтобы ее избежать, порвать семейные связи, отказываясь от своего права на материальную поддержку, хотя потом и жалеют об этом:

Товарищ редактор! После женитьбы моего сына между нами начались постоянные споры. В приступе гнева я выставил их за дверь, дав им часть нашей мебели. Чтобы избежать дальнейших споров, я тогда же подписал обязательство, по которому, «пока я жив, он не будет мне помогать и не должен будет меня хоронить, когда я умру». Теперь мне за семьдесят, я уже не могу работать, и

жить очень трудно. Могу ли я потребовать от сына оказывать мне финансовую помощь? ⁷⁵.

Несомненно, не следует обобщать подобные случаи, выделяемые пропагандой. Их число, возможно, невелико. Если старшее поколение по-прежнему выражает готовность исполнять свою долю обязательств во взаимопомощи, более молодые поколения, кажется, гораздо больше, чем раньше, озабочены тем, чтобы уменьшить свою долю. Официальная китайская пресса стремится приписать эти изменения злосчастному влиянию «культурной революции»:

Следует пожалеть, что десятилетие беспорядков («культурная революция») разрушило традиционное уважение к старикам. Пагубные последствия этого еще видны у некоторой части нынешней молодежи. Для этих молодых людей старики годны только «на выброс», они считают их «стариками, которые отказываются умереть». Некоторые рассматривают стариков как «прислугу за все», как живую «стиральную машину» и освобождаются от них, как от старых башмаков, когда возраст делает их бесполезными. Кроме того, имеются люди, провозглашающие, что «в новой жизни каждый за себя», и покидающие своих старых родителей ⁷⁶.

Конечно, «культурная революция» оказала глубокое влияние на китайскую молодежь, ощутившую сначала хрупкость политических институтов, затем всемогущество своего учителя Мао Цзэдуна. Отсюда у многих молодых людей, сосланных в сельскую местность, разочарование, которое как-то объясняет последовавшую затем волну молодежной преступности. Тем не менее это объяснение представляется недостаточным. Многие хунвэйбины не отказались от своих семей. Известно, например, что один из вождей этих ниспровергателей по-хорошему вернулся домой, чтобы приготовить угощение своей матери ⁷⁷. После того как они были изгнаны из городов, большинство из них благодаря семейной помощи пользовались соответствующей материальной поддержкой и позже получили возможность вернуться в город.

Эволюция условий городской жизни сыграла, по видимому, основную роль. Она заметно повысила ценность собственности, удерживаемой главой семьи, но в то же время в еще большей степени понизила материальную основу его власти. Сегодня молодые горожане

обладают самостоятельным заработком. Они могут вести более разнообразную общественную жизнь. Образование дало им более широкий культурный уровень.

На деле семейная взаимопомощь часто превращается в своего рода противоборство, исход которого весьма различен. Те старые родители, которые сохранили важные материальные преимущества (большая пенсия, просторное жилище), будут иметь возможность помогать детям, не уступая власти. Но если они остались без средств, им все чаще приходится оплачивать получаемую от детей помощь не только услугами, но и ранним отказом от своей власти. Короче, развитие материальных факторов в городской жизни оказывает влияние в направлении постепенной замены традиционного уважения к старикам отношениями, основанными на соотношении сил.

Наследование

Соотношение, установившееся ныне между имуществом и услугами, которые может предоставить каждое поколение, влияет на трактовку дел о наследовании, число которых, по признанию официальной прессы, возросло⁷⁸. Закон о браке ограничивается в этом вопросе лишь провозглашением принципа «Родители и дети имеют право наследовать имущество друг друга»⁷⁹.

Однако на практике семьи часто рассматривают наследство как возмещение за услуги, оказанные покойному. В приводимом ниже примере сын предлагает передать материнское наследство тем из его братьев и сестер, кто возьмет на себя бремя финансовой поддержки:

Законно ли отказываться от наследования в обмен на отказ от долга материально поддерживать своих родителей?

У моих родителей было трое сыновей и две дочери, и, когда родители состарились, мы все пятеро делили заботу о них. Недавно мой отец заболел и умер. Дом, оставшийся в наследство после смерти отца, породил споры между братьями и сестрами. Я предложил: те, кто хотел бы разделить это наследство, должны поддерживать нашу мать до ее похорон. При этом я заявил, что хотел бы отка-

заться от моей доли наследства и за это не оказывать более материальной помощи нашей матери⁸⁰.

В этом, как и в других подобных случаях, ссоры обострены самим характером имущества, составляющего наследство, одновременно дорогого и трудноделимого — жилища.

Знаменательно, что власти часто так же толкуют закон, связывая право на наследство с оказанными услугами. Вот, например, как мотивировал сельский суд свое решение присудить дом некоей г-жи Ли не ее законному наследнику — приемной дочери, а одному из племянников, который взял на себя бремя содержать ее до самой смерти:

Истицу зовут Ян, 38 лет, работница на заводе. Ответчика зовут Ли, 49 лет, член народной коммуны.

В 1948 г. Ян была удочерена женщиной по фамилии Ли и воспитывалась ею до совершеннолетия. Многие годы мать и дочь проживали вместе. В 1963 г. Ян вышла замуж. Вскоре она переехала в город и отделилась от приемной матери. Последняя жила одна в деревне на доход от своей работы, но Ян ежегодно несколько раз посещала ее. Во второй половине 1974 г. болезнь заставила г-жу Ли оставить работу. Тогда Ян перевезла ее к себе в город. Однако, поскольку г-жа Ли не смогла привыкнуть к городской жизни, она вернулась в деревню. Один из ее племянников, по фамилии Ли, стал о ней заботиться. Он не только помогал обрабатывать ее клочок земли и выполнял трудные домашние работы, но и поддерживал ее деньгами. Когда в 1979 г. ее болезнь осложнилась, именно Ли привел врача, который изготовил и дал ей микстуру. В этот период Ян время от времени навещала свою приемную мать, но так как Ли очень хорошо ухаживал за ней, Ян перестала выплачивать ей субсидию. Г-жа Ли стала зависеть преимущественно от племянника.

Когда в 1980 г. г-жа Ли умерла, племянник оплатил все расходы на ее погребение и возместил 100 юаней, которые она была должна своей производственной бригаде. Ян приезжала на похороны, ограничившись, как и остальные родственники и друзья, подношением в 10 юаней.

После смерти г-жи Ли остались двухкомнатный

кирпичный дом, деревянная кровать, стол, сундук и разные другие вещи. Вскоре после ее смерти сын г-на Ли, не имевший собственного жилья, справил свадьбу в этом двухкомнатном доме. Ян приезжала в деревню, чтобы присутствовать на свадебной церемонии, и не высказала неудовольствия. Однако в октябре 1980 г. она поссорилась с г-ном Ли и потребовала наследство своей матери. Тогда тот потребовал возместить расходы на содержание г-жи Ли в течение многих лет и на ее похороны. Так как примирение не состоялось, Ян возбудила процесс в уездном суде.

Вот решение суда первой инстанции. Будучи приемной дочерью г-жи Ли, Ян является законной наследницей. После того как г-жа Ли заболела, Ян перестала давать своей приемной матери деньги, но иногда приезжала в деревню ее навестить. Она, следовательно, не покинула мать и, в соответствии с законом, имеет право на наследство г-жи Ли. Что же касается г-на Ли, племянника, — он не является законным наследником. Однако в течение многих лет, когда г-жа Ли жила в деревне одна, он исполнял свой долг помощи старому и больному человеку. Следуя принципу соответствия между правами и обязанностями, он имеет право на часть наследства г-жи Ли. Поскольку же обязанности, которые он исполнял в отношении г-жи Ли, превосходят услуги, оказанные ее наследницей, то нормально, чтобы его часть наследства была значительней части Ян. Это поощрит в обществе дух взаимопомощи.

Одновременно следует учесть, что Ян живет в городе, где у нее есть жилье, и сельский дом ей не нужен. Дом Ли, напротив, очень мал, и его женатый сын нуждается в жилище.

Вот почему суд первой инстанции решил дело о наследстве г-жи Ли следующим образом: кровать, стол, сундук и мебель, равно как и одежда г-жи Ли составляют наследство Ян, а две комнаты кирпичного дома перейдут в семью г-на Ли. Отказавшись признать это решение, Ян подала жалобу в кассационный суд, но он также решил, что первое решение полностью соответствует фактам и закону. Он отклонил жалобу и утвердил первое решение⁸¹.

Решение суда в значительной степени продиктовано современным политическим курсом, состоящим прежде всего в том, чтобы «поощрить в обществе дух взаимопомощи» и лишь во вторую очередь считаться с нуждами сторон, в частности в вопросе о жилище. Такое отношение часто подогревается пропагандой⁸².

Однако действительность такой политики ограничивается традиционными привычками. Так, в ряде случаев, чтобы избежать распыления имущества, наследство отдают тем, кто сохранил родовую фамилию:

В одной семье, состоящей из трех парней, отец умер от болезни 15 лет назад, а мать опять вышла замуж за некоего Ли. Так как младший сын был еще мал, он остался с матерью и получил фамилию отчима.

Несколько лет назад два старших брата разделили свое имущество. Старший, который не женился и жил холостяком, умер от рака в минувшем июне. И вот второй брат требует все наследство старшего. Младший возражает и предлагает поделить наследство поровну. Второй брат не хочет этого на следующем основании: младший брат ушел вместе с матерью к отчиму и сменил фамилию, как же он может наследовать имущество Чжана? Младший со своей стороны выставил довод, что в то время ему было только 10 лет и он не мог жить независимо, он последовал за матерью, чтобы жить у отчима, потому что у него не было другого выхода. Теперь, когда старший брат умер, он, очевидно, имеет право наследовать его имущество. Спрашиваю вас: имеет ли младший брат в этом случае право на наследство?⁸³

В данном случае полностью обходится молчанием мать, вышедшая вторым браком за Ли. Она умерла? Никто не потрудился сообщить нам об этом. А ведь по закону она самая близкая родственница своего покойного старшего сына и должна получить значительную часть наследства. В этом, видимо, вновь проявляется табу, бьющее по вторичному браку вдов, а также традиционное исключение женщин из наследования.

Действительно, в прошлом женщина, выходя замуж, теряла право наследовать своим родителям. Гомиьндан впоследствии ввел правило о степени родства, но он не смог заставить применить это установление. Что же до коммунистического закона, то он ясно

отрицает всякую дискриминацию по полу. Однако трудности в применении закона весьма значительны, особенно в сельской местности:

В последнее время я прочел много писем и документов, исходящих от масс, в связи с наследованием. Самой острой проблемой, из них вытекающей, стало, на мой взгляд, право женщин на наследование. Есть люди, принимающие первоначальный принцип равенства между мужчиной и женщиной, знающие правило, ясно установленное законом о браке, по которому отец, мать, сыновья и дочери имеют взаимное право наследования. Тем не менее, когда приходит время конкретного применения закона, такие люди находят любого рода отговорки, чтобы лишить женщин этого права.

Первая отговорка: «брак вдаль». Как сообщается в одном письме из Гуанси, некоей женщине, происходящей из анхойской семьи, отказали в наследстве после ее умерших матери и брата под предлогом, что она «вышла замуж вдаль». Правда, закон о наследовании еще не отменен и не провозглашен, но можно основываться на законе о браке. Дочь имеет право наследовать матери; сестра — старшему брату, если этот брат не имеет более близких родственников по прямой линии. По закону о браке она свободна выбрать место жительства после замужества. Следовательно, если она вышла замуж далеко от родины — это нисколько не колеблет ее право наследования.

Вторая отговорка: женщина не может «нести погребальный стяг». Даже если это дочь, содержащая родителей на своем иждивении, после их смерти близкие действуют соответственно традиционной и феодальной концепции, запрещающей женщинам «нести погребальный стяг», и оставляют это право за мужчинами. Как следствие, они делают все возможное, чтобы удалить женщину во время урегулирования вопроса о наследстве. Как сообщается в письме из Вэньлина, провинции Чжэцзян, единственная дочь, содержавшая своих родителей, пока они были живы, работала далеко, когда умерла ее мать. Двоюродный брат поспешил «нести погребальный стяг». Когда она вернулась, чтобы похоронить мать, обряд уже был выполнен и кузен силой захватил все имущество. В письме

из Фуцзяни сообщается, что хотя мать была на иждивении дочери, однако, когда мать умерла, близкие решили пригласить на похороны приемного сына, давно уехавшего оттуда, и отдать ему в наследство все имущество. Вот уже больше тридцати лет, как свершилось Освобождение, а влияние феодального мышления упорно держится! Такое состояние дел противоречит духу закона о браке и требует изменения.

Третья отговорка, наиболее распространенная: «брак заставляет покинуть семью». Вековая феодальная традиция, отстранявшая женщин от права наследования, еще жива в умах многих людей, и это только одна сторона проблемы. Другая состоит в том, что в деревне обычай требует, чтобы женщина после свадьбы жила у мужа и уже не участвовала в хозяйственной жизни своих родителей. Ее братья остаются с родителями и гораздо больше вносят в семейный бюджет. В такой ситуации, если родители умирают, то отношения родственной любви между единоутробными братьями и сестрами требуют, чтобы дочь не причиняла неприятностей и не требовала части наследства. Это соответствует традиционному представлению нашей страны о добродетели. Но это не должно быть причиной лишения женщин наследства, на которое они имеют право. После того как она «покинула семью», выйдя замуж, женщина не теряет права наследовать своим родителям. В некоторых местностях братья и сестры приходят к согласию — вот хороший метод стимулировать чувство солидарности между близкими⁸⁴.

Из трех предлогов для дискриминации, о которых говорит этот документ, два первых (выход замуж в другую местность и запрещение, согласно обычаю, «нести погребальный стяг»), видимо, в значительной мере проистекают из третьего: вступая в брак, девушка «покидает семью». Не участвуя больше материально в содержании старых родителей, она, следовательно, не имеет больше права на наследство. В данном случае связь, которую сами власти устанавливают между оказанием услуг и правом наследования, обращается против официальной политики равенства полов.

Денежные расчеты, сопровождающие раздел на-

следства, как и те, что имеют место в связи с брачной церемонией, показывают, насколько материальные соображения преобладают в обществе, остающемся обществом бедности. Самые важные эмоциональные моменты жизни, вступление в брак и смерть, становятся также моментами обмена имуществом. Мы рассматривали обмен имуществом при вступлении в брак: свадебные подарки, приданое, предоставление жилища. Все это принимает более открытый характер в сельской местности, где встречаются ситуации, которые могут показаться парадоксальными. Коммунистическое общество заставляет женщин играть более важную, чем когда-либо, роль в аграрном производстве, и теперь их работа оплачивается, хотя и ниже, чем мужская. А брак навязывает сейчас, как и раньше, переезд супруги из своей семьи в семью мужа. Ценность жены как оплачиваемой рабочей силы дополняет ту ценность, какую она имела по традиции как помощница в домашнем хозяйстве и мать будущих детей. Эта ценность оплачивается дорогими свадебными подарками, уже не компенсируемыми приданым, так как приданое постепенно выходит из употребления, в то время как расходы семьи жениха стали гораздо внушительнее, чем когда-либо. Эти затраты рассматриваются как компенсация семье невесты, и сама женщина не может ими воспользоваться. Все же можно полагать, что она видит, как поднялся ее статус в семье, в которую она вошла.

В городе вступление в брак тоже требует денег. Однако в отличие от деревни оно не представляет собой обмен между семьями обрученных: материальных благ на рабочую силу женщины. Расходы обоих семейств значительны и прежде всего имеют целью обеспечить материальное положение молодой четы. Самые грубые формы брака по сговору больше не в ходу. Но молодые люди не отказываются, если им предлагают (или если они решают, выбирают сами) спутника жизни по критериям, среди которых романтические чувства играют слабую роль. Во время «культурной революции» эти критерии были прежде всего политическими. Теперь политические критерии ослабли, иногда стали противоположными и доминируют критерии материальные. Таким образом, дети таких «черных категорий», которых следовало избегать и которые десять лет назад не могли найти по-

требителя, в наши дни иногда становятся самой желательной партией. Если молодая чета желает иметь после свадьбы жилье, обстановку и известный комфорт, которые ее доходы еще долго не позволят ей приобрести, она надеется, что это ей доставят родители. Так, в недрах бедного общества можно видеть как своего рода парадокс, что потребительские заботы, далекие от идеологических целей, поставленных КПК, гораздо более близки к каждодневным трудностям жизни.

ТЕНИ ПРЕДКОВ

Вступление в брак — дело денежное, но оно регулируется в рамках семьи, потому что свадьба — это исключительный момент, когда проявляются отношения между членами семьи, авторитет главы семейства и отношения власти между поколениями. Китайская семейная традиция могуча и последовательна. Она рассматривает брак как договор не столько между индивидуумами, сколько между семьями. Следовательно, глава и старшие члены семьи несут ответственность за предварительные переговоры между семьями обо всем, что касается как людей, так и имущества. Свадьба — случай, когда семья может подтвердить свой ранг, свое единство, свои убеждения.

Этот аспект заключения брака полностью противоречит коммунистической идеологии. КПК достаточно громко заявила о своем намерении освободить молодых супругов от семейной тирании, от браков поговору и от давящего груза традиции. Она делает это во имя свободы брака, но также и во имя борьбы против «феодалных» общественных структур, центральным элементом которых является семья. В то же время партия старается усилить контроль политической власти над личностью, убирая защитный экран семьи и заменяя ее авторитет другим — авторитетом коммунистической организации. До какой же черты дошла эта политическая воля? Мы скоро увидим, но сначала констатируем, что семья продолжает играть основную роль при заключении брака.

Власть родственников

Эта власть проявляется прежде всего при выборе спутника жизни. В то время как закон не предусматривает никакого вмешательства в это дело родствен-

ников, молодые люди, желающие пожениться против их воли, встречают значительные препятствия. Эти препятствия могут быть психологическими: молодая чета будет подвергаться остракизму в деревне, окружена презрением соседей. Конечно, в больших городах, где браки по любви встречаются гораздо чаще, а связи более безличны, общественное мнение менее враждебно. Но ведь сильны и материальные препятствия. Как поселиться, как найти жилье без помощи семьи?

Как следствие, правилом остается брак по предварительному сговору. Несомненно, самые крайние его формы исчезли. Так, в сельской местности провинции Гуандун традиционный «слепой брак», когда нареченная видит своего супруга только в самый день свадебной церемонии, стал очень редким¹. Однако согласие родителей остается необходимым условием, и в интересах всех прийти к компромиссу. Наиболее частым решением в городе является брак, которого желают молодые и который заключается при активном согласии родственников. Если оно не получено, положение влюбленных вскоре становится невыносимым:

Я девушка 22 лет и работаю заместителем учителя. У меня есть друг детства. Его зовут Ху Синьминь, он работает в шахте, и мы любим друг друга. Но так как его отец простой рабочий и у него нет никакой квалификации, мои родители грубо вмешались, чтобы сломить нашу вечную любовь.

Мой отец — заместитель секретаря парткома угольной шахты № 3. Пользуясь своей властью, он сказал мне: «Я уже сообщил группе безопасности, что она должна отказать вам в выдаче брачного свидетельства». И это реально, так как все знают, какая здесь власть у моего отца. Мать часто бьет меня, чтобы помешать нашему браку. Однажды вечером она пришла в мою комнату, когда я уже спала, чтобы принудить меня порвать все отношения с Ху. Так как я решительно отказалась, она схватила свой башмак и стала бить меня по голове и по спине. Я была оглушена, спина покрылась кровавыми опухольями в дюйм толщиной, боль была невыносимая. Она также часто грубо ругает меня, говоря: «Этот парень — вонючий рабочий. У него нет ни положения, ни таланта. Вонючий угольщик, он хотел бы войти в семью кадрового

работника!» Они угрожают тем, что «порвут семейные отношения» со мной.

Так как я настаивала на своем желании выйти замуж за Ху, мать (в согласии с отцом) обязала меня объявить его семье о количестве свадебных подарков: цветной телевизор стоимостью более 1000 юаней, полный комплект «четырех больших вещей», одежду для меня на четыре времени года, полный комплект мебели с шифоньером, комодом, бюро, софой и т. д. И они хотят, чтобы я возместила расходы за то, что они содержали меня восемнадцать лет (считая по 0,5 юаня за каждый день в течение этих лет); затем они дадут мне в приданое «венки (погребальный)» и больше не захотят меня видеть. Разве это настоящие родители, что так относятся к своим детям?².

Другой конфликт, разыгравшийся на фоне сельского пейзажа, кончился драматически:

Лю Ганьшэн, ответственный работник главного ресторана кооператива поселка Хунсянь (провинция Цзянсу), грубо вторгся в дела своей дочери Лю Юхун и среди бела дня избил до смерти ее возлюбленного Ян Юпина.

В 1977 г. Лю Юхун начала работать на заводе Фамэнь народной коммуны Маоси. Она была назначена в цех металлообработки, где она обучалась работать у Ян Юпина. Начальник, ответственный за производство и за цех металлообработки, Маленький Ян был самоотверженным и честным молодым человеком, ему нравилось усовершенствовать технику. В общей работе и родилась их любовь.

Однако Лю Ганьшэн всеми силами противился этой любви, потому что Ян происходил из крестьянской семьи, у него был дом в деревне. С тех пор отец много раз бранил и бил Лю Юхун и вынуждал дочь прекратить отношения с Маленьким Яном. Однако Лю Юхун не поддавалась отцовскому нажиму. Тогда, используя свои связи, отец перевел ее в другую народную коммуну, надеясь, что так он прервет связь между двумя влюбленными. Однако Юхун и Маленький Ян продолжали любить друг друга. В январе 1979 г. Лю Юхун была вызвана в уезд в качестве служащей отдела розничной торговли компании по производству незерновых сель-

скохозяйственных продуктов. От переезда в город чувства ее не изменились. Она часто писала Маленькому Яну и, когда у нее оказывалось свободное время, бегала встретиться с ним в коммуны Маоси. По мере того как их чувство становилось все более глубоким, семейный нажим на Юхун возрастал. Сочувствуя ее положению, Маленький Ян заявил ей однажды в письме: «Это становится слишком трудно, давай перестанем встречаться и не будем об этом говорить». Но Юхун ответила: «Важно не то, из города или из деревни молодые люди, важно, чтобы они были хорошими людьми». После этого их отношения стали еще теснее.

Все это вызывало у Лю Ганьшэна только злость. Он непрестанно заявлял: «Я переломаю ноги Ян Юпину», «Я изобью его до смерти».

20 июня 1979 г., после полудня, Ян Юпин отправился по делу в город. По дороге он проходил мимо дома Лю Юхун. Заметив его в окно, она сразу вышла, чтобы поговорить с ним, и увидела, как Лю Ганьшэн забежал вперед Ян Юпина и, не говоря ни слова в объяснение, схватил его за одежду, стал ругать и затем сильно ударил в грудь. Уцепившись сбоку, Лю Юхун попыталась его удерживать, рыдая: «Папа, ты не должен его бить, если кого-нибудь бить, то меня!» Тут подбежал второй сын Лю Ганьшэна и свирепо ударил Ян Юпина по голове. Ян сразу же упал на землю, как парализованный, и очень скоро перестал дышать³.

Такие случаи противостояния родственников браку молодых людей публикуются с целью вызвать возмущение читателей. Они позволяют выявить определенную эволюцию нравов. Во-первых, надо отметить жестокость ситуаций: грубости в первом случае, убийство во втором. Чтение китайской прессы показывает, что такие случаи не уникальны: ссоры внутри семьи или между семьями часто оканчиваются насилием. Так, Поль Паскуалини сообщает об убийстве трех членов семьи партийного секретаря одного из кварталов Пекина двумя влюбленными, которым он отказал в регистрации брака⁴. Но в первых двух примерах, как и в последнем случае, проявленная жестокость частично объясняется встреченным сопротивлением; молодые люди продолжают любить друг друга, несмотря на запрет. Подчеркивание этого сопротивле-

ния и служит пропагандистской целью очерков, но знаменательно, что печать берет на себя риск прославлять героев очерков. Она становится отзвуком определенной эволюции мышления.

Во-вторых, следует заметить, что отец — не единственное лицо, накладывающее запрет. Он, конечно, играет главную роль, используя в одном случае административные меры, а в другом — убийство. Его роль облегчается положением кадрового работника. Но эта роль не исключает вмешательства других лиц. В первом примере мать избивает дочь и требует материального возмещения затрат, во втором примере мать не упоминается, но во многих других сообщениях именно мать применяет принуждение и, случается, призывает на подмогу братьев, дядьев или двоюродных братьев⁵. Власть отца превалирует, но она не исключительна. Она лишь наиболее жестокое и наглядное проявление власти, осуществляемой семьей.

В иных случаях насилие приводит к самоубийству молодых. В Уси, провинции Цзянсу, 40% самоубийств, совершенных в 1980 г., были следствием проблем, возникших в связи с браком⁶. Можно считать, что дело кончится хорошо, если родители девушки под предлогом возмещения «затрат на воспитание» удовлетворяются требованием крупной суммы и тем компенсируют то, что не удалось заработать от брака поговору. Одному влюбленному пришлось в подобном случае уплатить за право жениться 500 юаней и по 30 юаней ежемесячно, в то время как другой согласился выплатить 2400 юаней наличными⁷.

«Каждому ровню»

Среди мотивов, представляемых родителями, видное место занимает, в соответствии с китайской традицией, боязнь мезальянса. Наши источники позволяют думать, что с этой точки зрения эволюция взглядов весьма ограничена. Выбор спутника жизни, кажется, до сих пор в большинстве случаев определяется концепцией *мэньдан худуй*, что можно перевести буквально как «подбирать окна и двери», а по смыслу — «каждому ровню». Брак должен быть союзом не только двух человек, но и двух семейств, чье общественное положение сравнимо. Поэтому дочь кадрового ра-

ботника не может выйти за шахтера (поскольку «черные рожи» не очень уважаются в Китае)⁸ или тем более за бедного крестьянина.

Начиная с 50-х годов официальная пропаганда проповедует приоритет идеологических, моральных и личностных критериев при выборе супруга перед критериями социальными. По ее словам, лучше выйти за простого крестьянина, честного, работающего и преданного партии, чем за сына из привилегированной семьи, но лишенного этих качеств. Однако сегодня пресса более открыто, чем раньше, признает значимость психологических препятствий. Вот как газета «Чжунго фачжибао» хвалила недавно дочь кадрового работника, вышедшую замуж, вопреки возражениям родителей, за бедного крестьянина:

Лян Чжэнъин, служащая снабженческого кооператива Лян в Юнчуньсянь, провинции Фуцзянь, посмела порвать пути старых народных представлений, по которым следует «выходить замуж за равного по положению»: она не колеблясь вышла замуж за молодого крестьянина, которого полюбила. Этот блестящий поступок вызвал всеобщую похвалу.

Лян Чжэнъин — среднего роста, открытого характера. На ее приятном лице блестят красивые и умные глаза. Ее семья живет в поселке Улицзе, ее родители — кадровые работники, она их единственная дочь. Вскоре после окончания первой ступени средней школы она стала работать в коллективном питомнике народной коммуны «Пять вершин». В этом питомнике работал Чжан Шуйлай, молодой крестьянин 24 лет, скромный, честный и прилежный. Его семья живет на высоте 700 м в дальней части коммуны «Пять вершин». Потеряв родителей в раннем детстве, он выжил благодаря заботам старой бабушки и брата, старше его тремя годами. Ему пришлось узнать в жизни времена, когда не было ни еды, ни одежды. Встречаясь с ним, Чжэнъин влюбилась. Но он, учитывая, что его семья не так богата, даже не думал о такой возможности.

Через некоторое время Чжэнъин была принята на постоянную работу и стала служащей. С тех пор число претендентов на брак с ней постоянно росло. Всякий раз, как она приходила домой, ро-

дители принимались долбить без передышки: вот молодой человек, его родители кадровые работники; вот другой, учитель, из семьи, где многие получают жалованье; а вот еще один — его родственники живут в Южных Морях... Эти разговоры вызвали у Чжэнъин отвращение. Она находила, что ее родители заблуждаются, придавая такое значение социальному положению; всякий раз их привлекали только должность и деньги, а не качества личности. Вот почему она еще больше думала о Шуйлае.

Однажды вечером, когда она вернулась домой, ее родители предложили ей новый брак. Тогда она открыла им свое сердце. Но ее слова вызвали их ярость: «Ты отказываешься от уютной перины, чтобы спать на досках. Ты не хочешь ни кадровика, ни учителя, ни хуацяо⁹, нужно еще, чтобы ты пошла за бедного дурня с горы». Не колеблясь, Чжэнъин ответила: «Этот бедный дурень с горы тоже заслуживает любви... Он честен, щедр, трудолюбив, я твердо решила и выполню это наперекор всем стихиям...» От этих слов родители еще пуще разгневались, принялись ее бранить и бить до того, что она стала плевать кровью. Она побежала спасаться к бабушке со стороны матери. Родители послали за ней сына, но Чжэнъин не послушалась его увещаний. Тогда брат, не в силах справиться с яростью, надавал ей пощечин.

На следующий день, рано утром, она попросилась с бабушкой и пошла карабкаться по холмам и обрывам, чтобы увидеть Шуйлая в питомнике. Она рассказала ему о том, что с ней произошло, и объявила ему о своей любви. Застигнутый врасплох, Шуйлай изумился: «Тебе надо подумать». Чжэнъин ответила не колеблясь: «Мое решение принято». Ну как не ответить на такую любовь? Десять дней спустя они при поддержке производственной единицы Чжэнъин зарегистрировали свой брак¹⁰.

Этот рассказ так и светится своим схематизмом. Он представляет союз между дочерью кадрового работника, служащей в городе, красивой, насчитывающей много претендентов, и бедным крестьянином из отдаленного района, у которого нет ничего, кроме его моральных качеств, как «блестящий поступок». При-

оритет чувства и взаимная оценка социальных преимуществ рассматриваются здесь как нечто исключительное. «Чжунго фачжибао» признает, что в большинстве случаев браки заключаются между партнерами одинакового положения, преимущества и качества которых сравнимы. Источники, которыми мы располагаем, широко подтверждают этот факт¹¹. Они также свидетельствуют о том, что родители — самые бдительные защитники этого неписаного правила, которое, видимо, более строго применяется к девушкам, несомненно потому, что они должны будут принять общественный статус той семьи, в которую войдут. Создается впечатление, что многие молодые люди, исходя из этого правила, приходят к выводу: прежде всего надо иметь университетские дипломы, это поможет выбрать себе спутника из сравнимой социальной среды¹². Если бы была возможность, следовало более точно показать, как определяется совместимость будущих супругов. Возникает ощущение, что в сельской местности учитывается главным образом социальный ранг и материальное положение каждой семьи: классовое происхождение (по крайней мере до недавнего времени), доходы, условия труда и жилища, число братьев, сестер и пожилых людей (что определяет для молодого человека шансы на наследство, а для молодой женщины — загруженность домашней работой). Представляется, однако, что моральные качества и внешний вид тоже уже не игнорируются.

В городе ситуация сложнее и, несомненно, более разнообразна. Вот, например, критерии, которыми руководствовалась одна знакомая журналиста Фокса Баттерфилда, чтобы лучше выполнить взятую на себя добровольно роль свахи в большом городе, в данном случае в Пекине:

Наша знакомая Мяо рассказала нам однажды вечером, после ужина, как она играла иногда роль свахи. Чаще всего она занималась этим тогда, когда была знакома с юношей или девушкой, а их семьи просили ее найти им подходящую пару. Она объяснила нам, что всегда начинала с детального изучения классового происхождения возможных кандидатов, доходов их семей, уровня образования, профессии и внешнего облика. Кадровые работники, говорила она, стремились подыскать другого кадрового работника, люди умственного труда со-

глашались вступить в брак только с интеллигентом, а рабочие предпочитали рабочих¹³.

Примечательно, что именно семьи, а не сами молодые люди просили Мяо подыскать «подходящую партию». Всё же критерии, из которых она исходила, были достаточно неоднородны. В критериях семьи сохраняли большое значение классовое происхождение и особенно доход семейства. Но все большее внимание привлекали и такие личностные критерии, как уровень образования, занятие и внешний вид. В городах последний, кажется, все больше принимается в расчет, однако в первую очередь все же учитываются диплом и место службы. Некоторые профессии рассматриваются как плохо оплачиваемые, изнуряющие и унижительные, что затрудняет вступление в брак. Как мы видели, такова профессия шахтера, а также самые скромные профессии в сфере обслуживания, например служащие похоронного бюро, подметальщики и уборщицы. «Жэньминь жибао» рассказала в 1982 г. печальную историю одного тряпичника, которому последовательно отказали семь девушек:

Компания по сбору утиля в г. Даньдун имеет склад на улице Гунхань. Один из молодых рабочих — Чжан Айго. Среднего роста, хорошо сложенный, он собирает старье с тех пор, как в 1975 г. приехал в этот город. Каждый день он обходит улицы, толкая перед собой тележку, собирает отбросы, в каком бы виде и сколь грязны они ни были, заботливо сортирует их для восстановления. Четыре года подряд он избирается передовым рабочим.

Несмотря на свои достоинства, молодой человек видит, что судьба против него. Его уже семь раз познакомили с девушками, чтобы он мог жениться, но они все порвали с ним из-за его занятия. Первой была работница шелкопрядильни. Эта девушка сказала, что у него хороший характер, жить у него достаточно удобно и он ей очень нравится. Единственное, что ее не устраивает, — его занятие тряпичника; она предложила ему, если они поженятся, переменить профессию. В другой раз его познакомили с молодой калекой, но она ему сказала: «Я и так уже калека, а если еще и муж будет тряпичник, как мне перенести пересуды?» Потом ему были представлены одна за другой четыре девуш-

Таблица

Оценка учащимися 38 профессий и видов работы *

Место	Профессия	Количество баллов
1	Инженер	112
2	Врач	107
3	Техник	107
4	Журналист	69
5	Служащий магистрата	61
6	Писатель	57
7	Адвокат	54
8	Кадровый партийный работник	48
9	Специалист в области естественных наук	40
10	Служащий в конторе	34
11	Спортсмен	30
12	Рабочий-электротехник	28
13	Солдат	27
14	Преподаватель университета	20
15	Рабочий легкой промышленности	20
16	Музыкант	11
17	Художник	5
18	Социолог	-11
19	Актер	-21
20	Рабочий механического завода	-25
21	Моряк	-54
22	Учитель средней школы	-60
23	Служащий в магазине	-71
24	Водитель автомобиля	-78
25	Санитар	-82
26	Учитель начальной школы	-114
27	Рабочий-железнодорожник	-122
28	Служащий сферы услуг	-126
29	Воспитатель в детском саду	-127
30	Строительный рабочий	-134
31	Парикмахер	-142
32	Рабочий-текстильщик	-148
33	Рабочий завода черной металлургии	-148
34	Повар	-154
35	Крестьянин	-171
36	Докер	-172
37	Уборщик	-189
38	Независимый трудящийся	-208

* Шэхуэй. 1982, № 2, с. 22—23.

ки — никакого результата. Наконец, появилась седьмая девушка, член партии, которую занятие Чжана не смущало. Но что говорить — родные и друзья девушки воспротивились свадьбе, и дело еще раз кончилось тем, что молодые люди разошлись¹⁴

Не материальное положение Чжана Айго оттолкнуло девушек, напротив, жить у него достаточно удобно. Именно плохая репутация его занятия вызвала «пересуды». В то же время ряд высоко ценимых профессий делает их представителей желанным объектом при предложении о вступлении в брак.

В общем мнении горожан существует даже настоящая иерархия таких профессий, варьирующая в зависимости от места и времени. Ее можно увидеть из данных опроса 150 учащихся старших классов, опубликованных в 1982 г. журналом «Шэхуэй» (см. с. 147).

Наиболее уважаемые профессии — «технические», в меньшей степени — интеллектуальные. Разумеется, хорошо оплачиваемые, но также и поощряемые с недавних пор режимом (что, конечно же, дает некоторое преимущество власти) и в равной мере считающиеся более интересными. Занятия кадрового работника и солдата, ранее прославляемые пропагандой, отошли на восьмое и тринадцатое места. Работа в сфере обслуживания и ручной труд переходят на последние места, непосредственно перед независимым тружеником, чье существование, несомненно, более гадательно, чем у имеющих регулярно оплачиваемую профессию. Возможно, однако, что начавшееся с недавних пор в китайских городах развитие частных предприятий изменит место этой деятельности в приведенной выше иерархии. Во всяком случае, предпочтения, отданные шанхайскими старшеклассниками определенным профессиям, в широкой гамме противоречат трем десятилетиям коммунистической пропаганды.

Тем не менее не следует преувеличивать влияние этих предпочтений на матримониальный выбор. Подростки в других городах, менее развитых и менее открытых иностранцам, имеют более ортодоксальные предпочтения. Кроме того, как мы видели, желательная профессия — лишь один из элементов выбора. Наконец, этот выбор уравнивается, конечно, влиянием родителей, которые тоже могут склониться к профессиям, традиционно поддерживаемым режимом.

Как бы то ни было, брак затрагивает социальный статус всей семьи, и это служит мотивом для вмешательства родных. Как минимум, следует жениться в собственной среде. Эта тенденция к социальной гомогамии становится все более и более настоятельной по мере восхождения по иерархической лестнице. Напри-

мер, дети высоких руководителей обычно женятся на себе подобных¹⁵.

В Китае, как и в других странах, брак может также служить стратегии социального возвышения. Этот феномен не нов. В 50-х годах пресса сообщала о многих девушках, желавших выйти замуж за новых господ: кадровых коммунистов¹⁶. При этом пресса периодически разоблачала мужчин, которые, чтобы усилить соблазнительность своих предложений, изготавливали фальшивые удостоверения кадрового работника или даже фальшивый счет в банке. Как только какая-то социальная категория улучшает свое материальное положение или свое место в иерархии, она становится предметом настоящего прилива брачных предложений. Таково, например, положение с крестьянами из пригородов Шанхая, которым новая политика в деревне дала возможность обогащаться¹⁷. Сверх того, когда претендент на брак или его семья оказываются в затруднительном положении, выбор супруга может войти в стратегию спасения индивидуума или семейства. Чтобы получить то, чего ей недостает и в чем она абсолютно нуждается, семья может понизить требования к социальному статусу. Так, молодой человек, окончивший университет и сосланный в деревню, согласится жениться на простой работнице, чтобы вернуться в город. Красивая и состоятельная деревенская девушка соединится с бедным и хромым крестьянином, лишь бы он жил в пригороде, что дает возможность наняться на фабрику¹⁸.

Итак, вступление в брак — это комбинация, сочетание социальных преимуществ и неудобств, которые уравниваются. Вот почему, когда положение одной из сторон меняется, сама комбинация оказывается в опасности. Социальное возвышение одного из двух партнеров может повести к отказу от помолвки или свадьбы. Вот, например, случай с одной девушкой, которая, попав в город, потребовала, чтобы ее жених, солдат Мяо, стал офицером:

Окончив в 1975 г. среднюю школу, солдат Мяо стал заместителем счетовода фермы одной бригады, а потом стал учиться медицине в уездном городе. В той же бригаде была девушка, выросшая в деревне у приемной матери, в очень простой семье. Мяо ей нравился, у него было будущее, его семья преуспевала. Она попросила сестру «познакомить»

ее с ним и много раз повторяла: «Мое сердце отдано солдату Мяо навсегда!» В 1977 г. Мяо пошел в армию. Она часто писала ему, заверяя в верности. Но вот в феврале 1979 г. она занимает пост своего приемного отца в Шанхае и сразу же меняет точку зрения, полагая, что ее положение стало выше. Она требует денег, она дважды вымогает у Мяо и его семьи по 300 юаней. Потом ей становится нужным, чтобы Мяо построил ей дом в Шанхае. Мяо отвечает, что если это необходимо, то он согласен. Наконец, она захотела, чтобы Мяо взял на иждивение ее приемную мать. Мяо согласился и с этим. Когда все ее ухищрения расстроились, она потребовала от него ответа: «Да или нет. Можешь ты быть произведен в офицеры? Если нет — тем хуже для тебя»¹⁹.

В китайской истории такие случаи — не новость. Одной из излюбленных тем классической литературы является рассказ о том, как молодой грамотей покидает жену, как только он выдержал экзамен на императорском конкурсе. Коммунизм не уничтожил такое мышление. Китайская пресса часто публикует жалобы крестьянок, брошенных мужем или женихом, ставшим кадровым работником, офицером или городским рабочим²⁰. В конце 70-х годов, когда вновь открылись университеты и прием в них стал более справедливым, можно было наблюдать распад многих супружеских пар, возникших в деревенской ссылке²¹.

Соображения о ранге играют, следовательно, первостепенную роль при образовании супружеских пар. Внешний вид и личные вкусы мало ценятся в деревне, они на втором плане и в городе. Понятно, что пропаганда порицает такое состояние дел. Но сам режим в этом виноват. Многие годы основывая свою социальную политику на классовом происхождении, тормозя подвижность населения как географически, так и в отношении профессий, подчеркивая важность солидарности семейной ячейки, он сам поощрил развитие явления, которое теперь осуждает.

Церемония

Во всяком случае, нет ничего удивительного в том, что если свадьба как праздник практически исчезла (кроме нескольких сельских районов)²², то сама брач-

ная церемония (*хуньли*) сохранила исключительный блеск, потому что она зрелищно символизирует двойной (семейный и общественный) характер договора, связавшего супругов. Коммунистическая партия давно это поняла, вот почему она постоянно рекомендует сделать церемонию более простой. Однако этим рекомендациям следовали, по-видимому, только в годы «культурной революции» и преимущественно в городах. Здесь празднества устраивались скрытно, в квартирах, в обычной одежде; иногда церемония политизировалась: молодые кланялись портрету Мао и получали в подарок его произведения²³. В сельской местности кадровые работники часто удовлетворялись обычной проповедью, а семьи наблюдали за тем, чтобы празднество не слишком бросалось в глаза²⁴.

Сегодня провал официальной пропаганды очевиден. В городе только меньшая часть молодых людей из интеллигенции удовлетворяется лишь регистрацией своего союза. Значительное большинство бракосочетаний становится объектом семейной церемонии. Некоторые пары и без регистрации считаются поженившимися, как только они собрали людей на праздник. Те же немногие пары, которые не склонились перед обычаем, начинают себя чувствовать неуютно. Шанхайская газета рассказала о двух супругах, поженившихся без обряда застолья, которые не могли допустить и мысли о том, что у них будет ребенок. Они обратились к некоему лицу, тайно делавшему аборт, неловкость которого привела к смерти женщины и ребенка.

Некто Чжан, молодой рабочий шанхайского завода водяных насосов, 27 лет, несколько лет назад познакомился с некоей Чунь, работавшей на предприятии по сбору утиля. Они полюбили друг друга, в ноябре 1981 г. получили свидетельство о браке и стали жить вместе. Хотя они были законной четой со дня вручения им документа, они находились под влиянием очень распространенного представления о том, что для женитьбы следует устроить праздник и пойти на большие расходы. Хотя и женатые, они полагали, что, не совершив «обряд», они женаты «не по правилам», и не находили свое положение соответствующим приличиям.

В августе прошлого года г-жа Чжан заметила, что она беременна. Она решила, что родить ребен-

ка без свадебного обряда в самом деле позорно, люди будут над ними смеяться. Тогда супруги решили отказаться от ребенка, чтобы сохранить свою репутацию. Сначала женщина попыталась обойтись лекарствами, но безуспешно. Тогда при посредстве некоей Лю, работавшей на одном заводе с ее старшим братом, Чунь узнала о существовании человека, делающего аборт...²⁵.

Эта молодая чета прожила несколько лет, не устроив праздника, что, конечно, недопустимо в деревне. Родить ребенка в такой ситуации — значит вызвать презрение общества. В статье не объясняется, почему не состоялась брачная церемония. Можно представить себе две причины: плохие отношения с семейством мужа (не одоббившим женитьбу на работнице предприятия по сбору утиля), а также недостаток денег.

Действительно, в большинстве случаев свадебная церемония представляет собой, по-видимому, очень зрелищный и весьма дорогостоящий обряд. Причем именно в сельской местности она сохранила наиболее близкие к традиции формы — с многочисленными вариантами. Вот рассказ Изабель Тиро об одной из таких крестьянских свадеб, состоявшейся в 1972 г. в отдаленной провинции Гуанси:

В день свадьбы жених в сопровождении 5—10 друзей едет на велосипеде к будущей жене. В ее деревне их встречают девушки, старающиеся задержать их, предлагая им разгадать загадки, по мере приближения к дому невесты девушек становится все больше. Молодой человек подвергается настоящему допросу, и помощь его друзей необходима для нахождения быстрых и ловких ответов на поставленные вопросы. Этот обычай имеет две цели: помочь крестьянам познакомиться с тем, кто увозит одну из девушек их деревни, составить себе представление о его личности и показать, что женщины занимают в этой деревне важное положение и что только скрепя сердце отпускают они невесту.

У дома группа встречается с десятью подружками невесты, которые вновь блокируют дорогу и опять требуют от жениха решить несколько загадок или спеть. Так испытывают жениха на своего рода тесты. Он должен выполнить несколько заданий, например нарубить дров и т. п. Когда он под-

ходит к внутренним дверям дома, появляется невеста, которая до этого была скрыта от жениха. Ее сопровождает ассистентка, женщина лет 40—50, досконально знающая свадебные обычаи; она помогает будущей жене в течение всего дня. Девушка, так сказать, выдается точно в должный момент, так как все знают, что нужно помнить о времени возвращения. Действительно, гадатель, сравнив даты рождения обоих брачащихся, уже заранее установил точный день и час свадьбы. Перед самым появлением невесты молодой человек, почувствовав, что момент настал, дает по два юаня каждой подружке своей будущей супруги, чтобы они пропустили его к ней. И тогда она уезжает вместе с ассистенткой, женихом и его друзьями.

При приближении к деревне жениха и особенно на главной улице невесту ожидает серия засад: деревенские парни засыпают ее вопросами и просьбами дать сигарет. Вместо девушки, которая идет склонив голову, отвечает ассистентка. Возле дома девушку встречает свекровь, которая обносит вокруг будущей невесты кусок горящего дерева, чтобы прогнать всю нечисть, которую та может принести с собой, и особенно дурное влияние ее дома. Тогда ее называют новой.

Затем брачащиеся кланяются богам Неба и Земли, хотя те и не представлены каким-либо изображением. Супруги совершают поклон перед портретом Мао, произнося тихим голосом формулы, предназначенные богам.

Банкет начинается обычно подачей восьми блюд. Жених и его друзья сидят за отдельным столом. В начале пира девушка находится в комнате со своей ассистенткой, затем супруги предлагают вино приглашенным, начиная с самых важных лиц деревни. Жених не пьет при каждом тосте, но заставляет друзей помогать ему.

Банкет часто происходит после полудня. Затем каждый возвращается к себе и все вновь встречаются вечером для двух важных церемоний.

Первая церемония заключается в том, что невеста показывает женщинам деревни свое приданое, особенно если оно значительно; от этого зависит ее будущее положение в деревне: если пройдет слух, что у нее много вещей, ее статус повысится. На-

против, если она откажется показать приданое, это значит, что оно невелико и она не будет пользоваться уважением местных крестьян.

Вторая церемония называется «оживить брачную комнату». Там собираются все приглашенные. Те жители деревни, кто известен своим остроумием, загадывают загадки, а другие обращаются к невесте с вопросами, на которые она должна ответить как можно быстрее, не раздумывая и так, чтобы ответы были в ее пользу. Поведение девушки определяет, таким образом, будущее отношение к ней. Действительно, для сельчан важно дать понять чужачке, что она должна войти в их круг. Внутренние связи деревни очень сильны, и сначала трудно быть принятой. Так в течение вечера молодая жена понемногу раскрывается; впрочем, первые вопросы касаются ее имени, возраста и семьи.

Такая встреча имеет большое значение: если девушка в этих условиях отказывается произнести хоть слово, это сердит крестьян, расценивающих такое поведение как презрение и отказ от включения в их среду. Она сразу получает прозвище «Та, у кого нет имени», и никто с ней не общается. Тогда жизнь в этой деревне становится тяжелой, она возвращается к своим родителям, которые осуждают ее поведение и отправляют обратно в деревню мужа²⁶.

Главные детали этого рассказа подтверждаются более поздними свидетельствами и репортажами²⁷. Каждый момент обряда имеет свою символику и определенное значение. Отыскание невесты суженым, перевозка ее на велосипеде (современная версия традиционного паланкина) и ее прибытие в деревню свекрови наглядно символизируют ее перемещение в новую семью и новую деревню. Сразу по прибытии новобрачная различными поступками дает понять, что она подчиняется новой власти. Она бьет поклон перед богами (которых в этом рассказе заменил портрет Мао) или перед табличками предков этой семьи. Она демонстрирует свое желание уважать своих новых родителей и жить в мире с родней мужа. Празднество на дюжину столов, которое следует за этим, приносит чете признание деревни²⁸. Оно также позволяет семье мужа подтвердить свое богатство и социальный статус. Часто на следующий день за этим застольем уст-

раивается менее значительное — в доме новобрачной. Демонстрация приданого (по другим источникам — подарков), напоминающая о значении происходящего перемещения имущества, отвечает прежде всего заботе о «сохранении лица» перед деревней и новой семьей, в которой новобрачная займет свое место. «Оживление комнаты» позволяет молодой познакомиться с ее новым окружением. В целом этот праздник воспроизводит главные моменты традиционного обряда.

Эта модель, по-видимому, преобладает в сельской местности. Аналогичные церемонии в городе иногда несколько отличаются от нее. Круги политических кадров должны отвечать призывам «не приглашать гостей, не получать подарки, не ехать в автомобиле». Ячейки Коммунистического союза молодежи и профсоюзы организуют, по крайней мере в крупных городах, «коллективные свадьбы» с подлинно пролетарской простотой²⁹. Активисты и честолюбцы не считают возможным для себя в них участвовать и предпочитают организовывать обряд в семье. Однако туристу достаточно прогуляться днем мимо больших ресторанов, чтобы понять, что и сегодня свадьбы обставляются как значительные празднества. Вот рассказ об одной свадьбе в Шанхае:

В день свадьбы жених должен организовать кортеж автомобилей, которому надлежит отправиться к невесте. Кортеж должен включать не менее трех машин. Всем известно, что в Китае чрезвычайно мало автомобилей, и жениху трудно достать сразу так много, приходится пустить в ход связи и стучаться во все двери.

В прошлом году, когда один жених нашел только одну машину для поездки к невесте, его будущая теща, увидев это, громко закричала: «Сто раз нет, она не позволит дочери сделать хоть один шаг, если жених не достанет трех машин!».

Когда, к удовольствию партии невесты, машины найдутся, партия жениха обязана доставить к дверям невесты хлопушки, продолжительность залпа которых должна удовлетворить запросы семьи новобрачной. Под звук этих хлопушек молодые супруги, глава семьи невесты, родители и друзья торжественно уезжают в ресторан.

В последние годы банкет в ресторане, если свадьба справляется в Шанхае, стал *must*³⁰, число

банкетных столов все растет, дойдя с 4—5 до 10 или даже 20. Каждый стол обходится теперь обычно от 80 до 100 юаней, но некоторые тратят от 150 до 200 юаней, причем за это платит сторона невесты. Таким образом, расходы, включая сигареты и вино, доходят по меньшей мере до 1000 юаней за банкет на один вечер.

Во время банкета все взоры обращены на новобрачных, которые поэтому обязаны выглядеть шикарно. Шанхайцы пользуются репутацией людей, умеющих одеться, а поскольку сейчас можно исключить «миазмы Банды четырех», то в моде вещи исключительно западного стиля, и новобрачные должны сшить себе европейские костюмы. Костюм жениха стоит по меньшей мере 150—200 юаней, включая ткань, и его еще не так легко заказать, потому что портных, умеющих шить по-европейски, мало. Костюм невесты должен быть из чистой шерсти, что стоит также от 100 до 200 юаней.

Странно, но не только невеста красится, но и жених предстает напудренным. Когда в прошлом году я в день национального праздника проходил мимо ресторана на Наньцзинлу в Шанхае, я видел молодого человека в европейском костюме, с красным цветком в петлице, напудренным лицом и накрашенными губами. Полагая, что это снимают фильм, я остановился, чтобы посмотреть поближе. Боже мой!— это был новобрачный, встречавший своих гостей! Макияж жениха — откуда это могло взяться, спрашивал я себя.

Конечно, родители и друзья, приглашенные на банкет, не могли явиться туда с пустыми руками — каждый приносил в подарок определенную сумму денег наличными. Несколько лет назад было достаточно 5—10 юаней, теперь шанхайцы стали более расточительными и «обычный тариф» стал составлять минимум 20 юаней. Со стороны близких не кажется исключительным подарок и в 50 юаней.

Следовательно, банкет не только мучение для того, кто его дает, он бросает в дрожь и приглашенных — родных и друзей. За последние два года волны свадеб следовали одна за другой, и часто случалось, что некоторых людей приглашали на две свадьбы в одном месяце, на что полностью уходила месячная заработная плата.

После банкета следует посещение комнаты новобрачных. А когда толпа гостей приходит восхищаться — как избежать их критики? Значит, комната должна быть обставлена так, чтобы не поставить под удар репутацию семей новобрачных³¹.

Итак, из праздника исчез религиозный обряд. Банкет проходит не у жениха — его жилище слишком тесно, — а в ресторане. Но в основном шанхайская свадьба проводится по той же схеме, что и сельская: поездка к невесте, банкет, посещение комнаты новобрачных.

Как и в деревне, праздник должен быть пышным, так как он символизирует процветание создаваемой семьи; отсюда и стоимость свадьбы, которая является общим элементом брачной церемонии и в городах, и в деревнях. Кроме крупных подарков семье новобрачной, родители мужа в деревне должны оплатить (к этому мы еще вернемся) сваху, геоманта и банкет на пять-десять столов³². В городе расходы по меньшей мере столь же внушительны: хотя отсутствуют или малы расходы на геоманта и сваху, зато значительны на одежду, а также на найм автомобилей для кортежа (правда, многие их «занимают», несмотря на официальные запреты, на своих предприятиях)³³. Свадебный банкет, по крайней мере в больших городах, требует огромных расходов — гораздо больших, чем то, на что мог бы согласиться крестьянин. По словам «Жэньминь жибао», число столов уменьшается, но зато избранное меню становится все дороже и дороже:

Частичная статистика по девяти ресторанам Шанхая показывает, что за прошлый год они обслужили 87 288 свадебных банкетных столов и в этом году 82 847 столов, т. е. не меньше 5% общего числа столов. В прошлом году один банкет занимал в среднем 6,6 стола, а в этом только 5,5. В этом году почти никто не напивается на банкетах. Нам следует поздравить себя с такой переменной. Однако, в то время как число банкетов уменьшается, растет их качество. В прошлом году один стол обходился для большинства банкетов приблизительно в 50 юаней, в этом же году — в 60 юаней, а в ряде случаев — в 70 и даже 80 юаней³⁴.

Моды на свадебные банкеты не избежала, видимо, ни одна социальная категория городского населения. Ежедневная газета «Бэйцзин ваньбао» сообщала в

1981 г., что юная чета пригласила на свою свадьбу более 400 человек и наняла семь автомашин и один микроавтобус³⁵. Официальная пропаганда сокрушается, что беднейшие влезают в долги из-за дорогих банкетов, однако очень часто дурной пример подают именно кадровые работники — как в городе, так и в сельской местности. Сообщают о случае, когда один секретарь бюро бригады в уезде Аньань (провинция Хэнань) пригласил на свадьбу сына более тысячи человек³⁶.

Возможно, это крайний пример, но социальное положение кадрового работника часто вынуждает его приглашать своих коллег и подчиненных: ведь речь идет о социальном статусе.

Существует и другое объяснение численности приглашенных: чем оно больше, тем многочисленнее подарки, которые гости должны принести супругам. Читатель «Жэньминь жибао» так пишет об этой разорительной обязанности:

В нашем уголке нужно делать подарки всякий раз, когда происходят свадьбы или похороны. Подарков делают столько, что это расстраивает финансы некоторых семейств!

В нашей коммуне есть один счетовод, который за шесть первых месяцев минувшего года сделал двенадцать подарков, общей суммой 97 юаней, а в декабре — девять на 45 юаней. Его месячный оклад — 42 юаня, значит, один месяц он трудился, не только не заработав ни гроша, но и имея дефицит в 3 юаня. Его жена заявляет: «Нас в семье пятеро. Если он истратит все свое жалованье на подарки к праздникам, что останется нам на жизнь?»

Это поветрие — делать подарки к свадьбе и на похороны — становится здесь все сильнее. Раньше подарки делали только родственники и близкие друзья, сейчас дошло до того, что подарить что-нибудь должны люди, не имеющие отношения к семье и которых вы едва знаете. Когда секретарь ячейки одной из бригад нашей коммуны женил своего сына, то кроме всех служащих правления коммуны, получивших приглашительные билеты, были персонально приглашены все кадровые работники, приехавшие в деревню, чтобы посетить эту бригаду. Если эти кадровые работники не при-

ходили на свадьбу, они не могли избежать посылки подарков. Таким путем секретарь ячейки получил в виде подарков 800 юаней — целое небольшое состояние³⁷.

Упомянутый в этом письме счетовод представляется особенным неудачником. В то же время общая сумма подарков, полученных секретарем бригады, не является исключением: в других случаях она достигала нескольких тысяч юаней³⁸.

Недавнее нововведение, свадебное путешествие, еще более повышает расходы некоторых зажиточных горожан. Один из кадровых работников завода жалуется:

В последние годы многие молодые люди увлекаются свадебными путешествиями на большие расстояния. Они расходуют свои сбережения или сбережения своих родителей на туристские поездки в Ханчжоу, Шанхай, Гуйлинь, Пекин и другие места, заявляя, что они «не по-настоящему женаты, если не ездили в Пекин», и что «я уплатил бы охотно настоящую цену». В нашей трудовой единице некоторые свадебные путешествия обходятся молодым людям от нескольких сот до тысячи или двух тысяч юаней. Сразу некоторое число их оказывается в долгах, что затрудняет дальнейшую жизнь. Часто также они опаздывают с возвращением на работу.

Нельзя ставить под сомнение благие чувства молодоженов, которых влекут прекрасные пейзажи родины. Если один из двоих имеет родных или близких за границей, ничего нельзя возразить, если они воспользуются вступлением в брак, чтобы отправиться посетить их, да и прогуляться в дороге. Но совершать свадебное путешествие на большое расстояние — это «новая мода», и состязаться в том, кто съездит дальше всех и увидит больше — нехорошо. В частности, на Новый год путешественники уже повсюду сидят буквально один на другом. И если это увлечение новобрачных свадебными путешествиями будет продолжаться, это серьезно увеличит нагрузку на железнодорожный и морской транспорт...³⁹.

Это умеренная, почти застенчивая критика. Она нацелена не столько на само явление, сколько на излишества и неблагоприятные последствия, возможно

потому, что мода на свадебные путешествия ограничивается пока крупными городами. Так, молодые пары супругов из Шанхая отправляются на несколько дней на бальнеологический курорт Циндао, в тысяче километров к северу⁴⁰. Эта мода слишком дорога, чтобы быстро распространиться. Все же она свидетельствует о некоторой индивидуализации супружеских пар, что представляется в целом менее опасным, нежели более традиционные излишества, совершаемые богатыми семьями.

Суеверия

Все же привязанность к традициям остается всеобщей, несмотря на преследования, объектом которых они до сих пор являются и которые невозможно описать детально. Наиболее живучи эти суеверия в сельской местности. Многие семьи советуются с прорицателями. Такой прорицатель изучает совместимость судеб брачующихся и может запретить брак:

Мне 23 года. Прошлой весной меня познакомили с девушкой из соседней деревни, и мы обручились. Мы часто виделись, пришли к полному согласию, наши семьи тоже, наша свадьба была назначена на одиннадцатый месяц по лунному календарю. Однако в самый разгар свадебных приготовлений девушка неожиданно пришла ко мне объявить о разрыве нашей помолвки. Оглушенный таким ударом, я ничего не понимал.

И в чем же причина? В том, что после нашей помолвки на ее семью обрушились подряд два несчастья. В мае умер от рака желудка ее отец, а в середине августа погиб в дорожном происшествии ее одиннадцатилетний брат. Ее мать, суеверная женщина, посоветовалась с оракулом и выяснила, что я родился во втором месяце года Крысы. Этот месяц табуирован, и я попал под запрет, который гласит, что тот, кто родился в такой месяц, «если это мужчина, он приносит несчастье своим тестю и теще, если это женщина — своей матери». И ее мать решила, что я был причиной всего, что случилось в их семье. Чтобы избежать новых несчастий, следовало разорвать нашу помолвку.

Такой оборот дела опечалил моих родителей, у

них пропап аппетит. Они до сего времени скрывали от меня, что я родился в месяце-табу, боясь, что я не найду себе жену. Теперь, когда все об этом знают, какая семья решится породниться с нашей! ⁴¹.

Но если некоторые определенные даты рождения приносят счастье или несчастье, то есть и более или менее счастливые дни для проведения брачной церемонии. В счастливые дни городские рестораны переполнены ⁴². В деревне забота о том, чтобы церемония состоялась в благоприятный день, сочетается, кажется, с заботой о том, чтобы использовать пустой от работ зимний период: многочисленные свадьбы празднуются около китайского Нового года, так как это время наиболее благоприятно для них.

Роль оракулов и других предсказателей удачи не ограничивается брачной церемонией:

Два года назад моя жена внезапно бросила меня, унеся свое приданое через шесть дней после свадьбы и не говоря мне ни слова. Я пошел к ней, и она мне сказала, что посоветовалась с предсказателем и тот ей сказал, что ей нужно трижды выйти замуж, чтобы достичь спокойствия, в противном случае она долго не проживет. Я был ее вторым мужем, и нужно было, чтобы она вышла замуж еще раз. В результате споров я убедил ее вернуться ко мне. Однако она никогда не расставалась с мыслью о разводе и в первый месяц прошлого года снова бросила меня. Споры между нами участились, и кончилось тем, что мы развелись. Каковы бы ни были предлоги, которые она сумела подыскать, но я хорошо знаю подлинную причину нашего развода — это предсказатель, пожелавший, чтобы она трижды вышла замуж ⁴³.

Другие сложные и малоизвестные суеверия касаются фамилии и клана. Если часто женятся по соседству (например, в одной народной коммуне или волости), то традицией экзогамии запрещается брак между членами одного клана, а иногда и между теми, кто, не состоя в прямом родстве, носит одну фамилию ⁴⁴. Так, газета «Чжунго фачжи бао» рассказала в 1982 г. историю двух молодых людей — преподавателя Ли Чжанхэ и продавщицы Ли Мэйин. Когда они хотели зарегистрировать свой брак, мать Ли Мэйин пригрозила, что убьет себя, если нареченные не ра-

зойдутся. Мотив: «Два человека, носящие одинаковую фамилию, не могут вступать в брак». Суду пришлось вмешаться, чтобы разрешить брак⁴⁵. Более того, как и в прошлом, некоторые фамилии считаются несовместимыми:

В 1979 г. я влюбился в товарища по цеху, юную Симэй. Так как мы виделись с утра до вечера в течение двух лет, мы начали говорить о женитьбе. Мы были очень далеки от представления о катастрофе, которой предстояло разразиться над нами.

Моя фамилия Пань, фамилия Симэй — Ян. По словам родителей, фамилии Пань и Ян с древних времен не могут соединяться. Поэтому Симэй заставили порвать со мной. Отец Симэй, государственный чиновник, бросил мне в лицо: «Фамилии Пань и Ян — враги, всякий брак исключен. Откажись от этого». И он употребил свою власть, чтобы перевести Симэй на другую работу, и заставил ее сестру следить за ней, чтобы помешать ей видеться со мной. Так как Симэй не посчиталась с этим запретом и продолжала приходить ко мне на тайные свидания, ее отец, узнав об этом, жестоко ее избил.

Дирекция моего завода серьезно отнеслась к этому. Директор и его заместитель отправились к родителям Симэй, чтобы увещевать их, но отец заявил: «Я предпочту, чтобы моя дочь умерла, чем вышла замуж за кого-либо по фамилии Пань». Такая ситуация повергла Симэй в отчаяние и однажды вечером, в июле 1981 года, она в знак протеста покончила жизнь самоубийством⁴⁶.

Отношения внутри семьи

Более известно, нежели другие аспекты рассматриваемого вопроса, развитие отношений власти внутри семьи. Традиционно эти отношения строятся на принципе неравенства: молодая жена подчиняется мужу, который сам остается под властью своего отца. Она же живет иногда под тяжелой властью свекрови. Коммунистическая партия всегда критиковала «феодалные отношения». Но, с другой стороны, она, как мы видели, считает себя вынужденной покровительст-

зовать семейной ячейке как единице солидарности. Модель семьи, которую пропагандирует партия, сочетает эти два требования:

Чэнь Цзичжэнь принадлежит к производственной бригаде Мусуань коммуны Бацзи в Гуйчжоу. В ее семье девятнадцать человек трех поколений, в ней царят взаимные любовь и уважение, там почитают стариков, заботятся о детях, применяют на практике новое социалистическое поведение, и соседи единодушно хвалят эту новую семью, в которой царят гармония и демократия.

Чэнь Цзичжэнь исполнилось шестьдесят лет. Ей было тридцать девять, когда умер ее муж, оставив ей троих детей. Ей было нелегко воспитать их: двадцать лет она тяжело работала, разумно и экономно вела свое хозяйство и в надлежащее время женила своих детей. В чем же секрет этой весьма многочисленной семьи, в которой всегда царит согласие между матерью и сыном, свекровью и невестками, снохами и разными поколениями?

Вот ответ Чэнь Цзичжэнь: «Если у семьи единое сердце — и грязь станет золотом. Если каждый будет идти своим путем, даже бревна раскрадут. Если между нами союз, это прежде всего потому, что старшие действуют по справедливости и показывают пример младшим. Когда глава семьи поддерживает справедливость, молодые не проявляют себя эгоистически, они сначала думают о других и относятся ко всем справедливо». Само собой получилось, что именно Чэнь Цзичжэнь — глава семьи; она охотно исполняет самую трудную домашнюю работу, чтобы помочь сыновьям и невесткам, работающим вне дома, и дать внукам возможность учиться. Кроме того, она готовит еду на девятнадцать человек, каждый день подметает весь дом, приводит все в порядок и заботится о малышах, которые еще не ходят в школу.

Старший сын Чэнь Цзичжэнь — человек прямой и справедливый, жесткий по отношению к самому себе и справедливый к другим. Вся семья избрала его ответственным за производство и семейные финансы. Он ведет учет сил и способности каждого, чтобы распределять работу: производство зерновых и овощей, семейное животноводство — все в соответствии с государственным планом.

Каждая работа делается как следует, и уровень жизни всех не перестает расти.

В семье Чэнь Цзичжэнь отношения между свекровью и невестками, с одной стороны, и между самими невестками — с другой, особенно хороши. Когда в 1980 г. третья невестка болела после родов, первая и вторая невестки и свекровь добровольно заботились о новорожденном и готовили ему лучшую еду. Они не давали ей возвратиться к работе, пока она не выздоровела. В прошлом декабре уже вторая невестка серьезно поранилась, готовя лапшу: по недосмотру она раздавила руку прессом. Так как ее муж отсутствовал, то третий сын, как только он узнал об этом, глубокой ночью стал искать трактор, чтобы отвезти ее в больницу. Он приготовил для нее растительное масло, мясо, соль, уголь, рис и яйца и оставался рядом с ней четыре дня и три ночи. На пятый день бабушка заменила третьего сына в больнице и более двух месяцев оставалась сиделкой подле невестки. Она давала ей лекарства и нежно заботилась о ней, пока та не поправилась.

В этой семье взрослые относятся равно справедливо ко всем детям, кто бы ни были родители, и дают им наилучшее воспитание. Когда дети приходят из школы, а кто-то есть в доме, этот человек спрашивает их, как прошел день, и, если выясняется, что они допустили ошибки, он выговаривает им без сварливости, чтобы научить их уважать школьного учителя, не ссориться со своими маленькими товарищами и быть вежливыми со всеми. Таким образом, все дети в этой семье благодаря хорошему воспитанию со стороны взрослых умеют хорошо себя вести. Они приходят в согласие друг с другом, не спорят, уважают стариков и вежливы с гостями.

Рассказ о семье Чэнь Цзичжэнь, живущей в согласии, стал знаменитым среди кадровых работников и масс во многих местах округа. В 1981 и 1982 гг. она была избрана «семьей пяти звезд» своего квартала, коммуны и уезда. В прошлом марте Чэнь Цзичжэнь с гордостью представляла всю свою семью на собрании в честь таких «семей пяти звезд»⁴⁷.

Это идиллическая картина — странное смешение

父命如山

蔡振华

Отцовская власть как гора

Молодые несут паланкин с надписью: «Почет патриарху», в котором вместо новобрачной на троне сидит отец.

«Сатира и юмор». 20.02.1983

традиций и перемен. Многие особенности образцовой семьи должны быть отнесены к верности традициям: размеры семьи (три поколения, девятнадцать человек живут под одной крышей); откровенная иерархия между сыновьями, невестками и внуками; уважение, воспитанное по отношению к старшим; есть только одна власть в лице бабушки после смерти ее мужа и, наконец, сверх всего, солидарность, которая в любую минуту объединяет этот мирок. Однако следует отметить и элементы перемен. Некоторые носят формальный характер: «избрание» старшего сына ответственным за финансы, равенство в распределении работ. Другие более реальны: услуги, оказываемые свекровью своим невесткам, работающим вне семьи (их

работа играет реальную роль в экономике семьи), равное внимание к детям. Пропаганда восхваляет, таким образом, крупную единую и иерархическую семейную ячейку, однако отличающуюся большим равноправием, нежели в прежние времена.

Чтобы измерить дистанцию между пропагандой и реальностью, интересно проследить эволюцию, происшедшую за последнее время в двух областях: выбор места жительства и отношения между свекровью и невесткой. Проблема — где жить — смотрится по-разному в городе и в сельской местности. В городе развитие образования и наемного труда, видимо, способствовало, приблизительно до начала «культурной революции», увеличению числа дробных семей. В середине 70-х годов 52% супружеских пар, образованных после «культурной революции», которых опрашивали Пэриш и Уайт, жили отдельно от родителей (29% — в квартирах, предоставленных производством, 23% — в квартирах, принадлежащих муниципалитету)⁴⁸. Представляется, однако, что с конца 60-х годов мы наблюдаем небольшое увеличение числа городских семей, включающих три поколения. Так, при выборке из 794 семейств квартала Хункоу в Шанхае доля малочисленных семей на 1982 г. снизилась с 65,79 до 54,77%, в то время как доля семей, включающих три поколения, возросла с 27,45 до 34,85%⁴⁹. Такая тенденция объяснялась недостатком жилья, желанием новобрачных, чтобы кто-то из родителей смотрел за их ребенком, их стремлением сохранить жительство в городе, несмотря на плохие жилищные условия, и, наконец, официальным поощрением внутрисемейной взаимопомощи.

В сельской местности, как мы уже видели, проблема жилья решается легче, чем в городе. Вот как описывает Элизабет Кролл в своей книге различные решения, принимаемые в этом вопросе в Южном Китае:

В одной семье старший сын, после того как он женится, получает в свое распоряжение комнату исключительно для своего хозяйства, и одна комната выделяется младшему, чья свадьба близится. Все домочадцы предвидели это расширение еще до свадьбы обоих сыновей, и для этой цели были построены дополнительные комнаты.

В другой семье, где было несколько женатых сыновей и детей, еще не доросших до вступления в

брак, домашние тоже решили построить дополнительные комнаты, одна из которых была выделена старшему сыну со времени его женитьбы. Но после рождения в 1976 г. у него третьего ребенка семейство разделилось. Теперь у него в результате раздела большой общей комнаты независимое жилище, с комнатой и кухней. Кроме раздела жилой площади делится имущество и сбережения семьи. Так, вся семья владеет тремя велосипедами, из которых один отдан старшему сыну. После раздела сбережений он смог из своей доли купить второй велосипед — для жены.

В третьей семье сначала выделяют сыновьям комнаты в доме, но, вместо того чтобы их пристраивать, домашние решили, предвидя будущее расширение семьи и возможность ее раздела, строить новый дом. Это было в 1975 г., когда родителям, двум детям-холостякам и младшему сыну с его семьей выделили первый дом, а старший сын переселился в новый⁵⁰.

Из приведенных примеров видно, что в большинстве случаев женившийся молодой человек живет в новом доме, выделяемом его семьей. Несмотря на упорную пропаганду, случаи, когда это делает семья невесты, остаются редкими и, видимо, на них плохо смотрят⁵¹. Долгое время самое распространенное решение состояло в том, чтобы поселить новобрачных в одной из комнат семейного дома, чтобы расширить его после хорошего урожая. Такое решение связано с системой счетоводства в производственных единицах, при которой заработки членов семьи складываются и заносятся на имя его главы. Впрочем, кажется, что все более часто проявляется следующая тенденция, возникшая в 70-х годах: ранний раздел имущества и жилья, будь то в одном деревенском доме или в разных строениях. В статье, опубликованной в 1983 г. журналом «Уимен оф Чайна», показан рост числа маленьких семей в деревне Чжугэ (провинция Хэбэй):

Число небольших семей возросло. Сейчас они составляют подавляющее большинство. До 1952 г. было лишь четыре случая, когда сыновья жили отдельно от родителей. Но между 1953 и 1956 годами насчитывалось 27 таких семейств, а в 1967—1980 гг. их число поднялось до 45. Сейчас из 204

семейств деревни в трех (1,4%) живут четыре поколения под одной крышей — по одному человеку от каждого поколения... Маленькие семьи составляют 62,7%. 41 семья (20,8%) — бездетные супруги или холостяки. Имеется одна семья, состоящая из бездетных пожилых супругов, которую содержит производственная бригада⁵².

Всюду ли выявляется такая эволюция? Так, известный социолог Фэй Сяотун сообщает об одной деревне провинции Цзянсу, в которой рост населения вызвал сокращение числа пригодного к заселению жилья: в этой деревне доля маленьких семей снизилась с 45,9% в 1964 г. до 38,7% в 1981 г. в пользу более крупных семей⁵³.

Несомненно, однако, что после 1978 г. строительство новых домов в сельской местности участилось: иностранные путешественники подтверждают данные китайской прессы на этот счет⁵⁴. Многие из этих домов предназначены для молодых семей. Это явление имеет очевидные политические, психологические и экономические причины: власть сельских кадровых работников ослабела, с деколлективизацией восстановилось чувство доверия, доходы от сельского хозяйства возросли, а строительные материалы стало легче достать. Однако явление это, возможно, связано и с эволюцией иерархических отношений внутри сельской семьи, эволюцией, которую можно было заметить в провинции Гуандун с середины 70-х годов: подчинение супругов более взрослому поколению теряет свою неукоснительность и отмечается тенденция к более ранней передаче власти от отца к старшему сыну⁵⁵.

Что до китайской прессы, то она охотно повествует об изменении отношений между свекровью и невесткой. Старым отношениям подчинения она противопоставляет сегодняшнюю свободно согласованную преданность:

В одной бригаде в провинции Юньнань живет невестка по имени Си Инлань, которую все хвалят за уважение и внимание, проявляемые ею к своей уже десять лет парализованной свекрови.

Десять лет назад свекровь Си Инлань заболела, с тех пор она прикована к постели параличом и совершенно ослепла. Ее невестка ухаживает за ней с уважением и заботой. Чтобы было удобно выполнять свою роль сиделки и не дать свекрови

чувствовать себя одинокой, невестка перенесла свою кровать со второго на первый этаж, где и живет со своей свекровью. Вставая утром, она дает свекрови справить свои нужды и рано возвращается с работы, чтобы дать ей умыться. Каждые семь-восемь дней она стирает ее белье. Когда наступает лето, она рассыпает по комнате средство от moskitov и натягивает свекрови противомоскитную сетку. Зимой она ставит рядом с постелью свекрови жаровню и не ложится спать, пока не заправит ей одеяло. Прежде чем начать есть, Си Инлань относит свекрови чашку горячего риса. И если, уходя на работу, она покупает что-то хорошее, она всегда приносит это домой, чтобы поделиться со старой женщиной⁵⁶.

Увы! Не все молодые женщины проявляют добровольно подобную самоотверженность, как того хотелось бы официальной морали. Многие не решаются выйти замуж за крестьянина, чьи родители очень пожилые или сварливые люди. Так, одиннадцать девушек одна за другой отказались выйти замуж за почтенного Чжоу Чушаня, чья старая мать не способна передвигаться:

Чжоу Чушаню сейчас 34 года. Еще в 25 лет он стал получать предложения о браке. До конца 1979 г. ему сделали одиннадцать предложений, которые ему стоили более 300 юаней, но ничем не кончились. Почему же? Потому что все девушки отступили перед присутствием в доме его матери.

Матери Чушаня 78 лет, и она тяжело страдала в прежнем обществе. У нее маленькие ножки, не более трех дюймов, а ее похожее на скелет тело весит менее 35 килограмм. Из одиннадцати детей, которых она родила, несколько умерло, другие поселились в иных местах, с ней остались только Чушань и трое его старших братьев. Затем один из них в 1947 г., чтобы избежать призыва, отправился в ученичество в Учан и там остался. Другой также оставил мать после того, как создал свою семью. Третий, холостяк в возрасте 51 года, помогает Чушаню заботиться о матери. Она заболела в 1976 г. и, к несчастью, потеряла правый глаз. В 1979 г. у нее был инсульт. Сначала ей пришлось передвигаться на костылях, затем она была вынуждена постоянно оставаться в постели. Прихо-

дилось даже помогать ей совершать естественные надобности. Когда доходило до женитьбы Чушаня, то какова бы ни была снисходительность наиболее склонных к этому девушек, каждый раз, когда девушка входила в его дом, она морщила физиономию. Да и кто мог согласиться войти в эту семью, чтобы заняться старой женщиной? С годами Чушань стал заметно стареть и испытывал все большую грусть. Его мать еще больше него была озабочена проблемой женитьбы сына. Часто, плача, она говорила соседям: «Моя несчастная судьба стала злодеянием для сына; я боюсь, что парень останется холостым, как и его брат». Это дело тревожит крестьян данной бригады⁵⁷.

Такие явления отторжения — следствие более общей эволюции, влияющей на отношения между свекровью и невесткой в семейной ячейке. Подчинение смягчается и становится более редким. Сыновнее почтение не уничтожено, но оно теперь уравнивается стремлением к личному преуспеянию. Вот, например, случай сознательности молодой вдовы, которая сначала хотела вновь выйти замуж, чтобы освободиться от необходимости ухаживать за старыми свекром и свекровью, но в конце концов избрала путь долга:

Чжан Сяньин 42 года. Хотя она еще молода, она уже познала горе и печаль. В 1968 г., к несчастью, ее муж умер от болезни. Ей было только 29 лет, но тяжесть жизни легла на ее плечи: надо было кормить восемь ртов, свекор был болен, свекровь совершенно слепа, шурина было 16 лет, золовке — 12, а трое ее собственных детей были еще моложе...

Оказавшись в такой ситуации, Сяньин раздумывала: если она выйдет снова замуж, то трое ее детей станут сиротами; не будет никого рядом с двумя стариками-инвалидами, а кто возьмет на себя бремя воспитать и поженить двух подростков? Все эти соображения вытеснили из ее головы мысль о новом замужестве, и она решила посвятить себя заботам о родных⁵⁸.

В этом примере дело не в том, что Чжан Сяньин думала о втором замужестве: такое нередко бывало и в прошлом. Новое здесь в мотивах этого желания и особенно в том факте, что эти мотивы объективно из-

лагаются журналом, как будто это было вполне нормально, как будто действительно имели место колебания. Похвала этому озарению весьма умеренна. Можно вообразить, что во времена империи Мин деревня этой «честной вдовы» воздвигла бы в ее честь триумфальную арку. В 1983 г. журнал «Чжунго фунью» посвятил ей полстраницы между репортажем о гимнастике и агнографическом рассказом о пребывании Маркса в Лондоне...

Разделение власти внутри семьи, кажется, происходит все чаще. На этой почве возникает много конфликтов, иногда принимающих драматический оборот. По данным одного опроса, проведенного в Шанхае, из 68 зафиксированных разводов 5 были вызваны разногласиями между свекровью и невесткой⁵⁹. И хотя известны случаи жестокого обращения свекрови с невесткой⁶⁰, зачастую эти разногласия отражают новое соотношение сил. По данным журнала «Шэхуэй», они возникают преимущественно из-за вопроса о распоряжении семейным бюджетом⁶¹, так как с тех пор, как молодая женщина стала полностью участвовать в производстве, она все чаще требует и своего участия в решении финансовых вопросов. Более того, в этих спорах муж не принимает автоматически сторону матери⁶², а последняя часто делает домашнюю работу, что дает возможность невестке работать вне дома.

Бывают случаи, когда невестка плохо обращается со свекровью. Вот, например, случай с г-жой Чжу, шанхайкой, которая выманивает у свекрови деньги и подталкивает ее к самоубийству:

Г-жа Чжу... 45 лет, работала в мастерской своего квартала. Ее муж Дай... — парикмахер. Цзян... старая мать Дая, жила в деревне. В свои 77 лет она нуждалась в помощи сына. Но Чжу гонялась за капиталистической модой, она любила наряды и пирушки, так что заработков супругов ей уже не хватало. Узнав, что свекровь имеет в деревне трехкомнатный дом и мебель, она обманула ее, сказав: «Никто о тебе не позаботится в деревне. Будет лучше, если ты продашь свой дом и поедешь с нами в Шанхай. Ты найдешь там и лучшую жизнь и досуг, у тебя больше не будет забот». Свекровь ей поверила и продала свои три комнаты, мебель и все остальное за 3000 юаней. Она отправилась в Шанхай к сыну и отдала все свои

деньги снохе. Как только деньги оказались в ее кармане, Чжу стала думать только о кутежах, о покупке одежды и мебели. Вскоре 3000 юаней были израсходованы.

После этого ее отношение к свекрови становилось все холоднее: она стала считать, что свекровь ей все больше мешает. Она постоянно искала ссоры и без всякой причины ругала и даже била свекровь так, что та много раз была вынуждена выбегать из дома и звать на помощь. В повседневной жизни шли в ход всякого рода преследования: в зимние холода ей не давали теплой одежды, в час трапезы не позволяли сесть к столу, она имела право только на холодные остатки. Однажды Чжу ела пресноводных крабов и не дала свекрови, но та взяла одну ножку. Открыв «преступление», Чжу схватила ее за рукав и ударила.

Мучимая снохой, свекровь сдерживала свой гнев с полными слез глазами. Наконец, 2 октября 1977 г. сноха снова изругала и избила ее за какую-то мелочь. В отчаянии Цзян отравилась⁶³.

Исчезновение сыновнего почтения объясняется здесь тем, что, отказавшись от своего достояния, свекровь полностью попала во власть невестки, имевшей и заработную плату и жилье.

Женщина в семье

Можно ли сказать, что китайская женщина избавилась от своего традиционно подчиненного положения? Явно создается впечатление, что в отличие от утверждений официальной пропаганды эволюция в этом направлении не столь результативна.

В глобальном смысле коммунистический режим освободил женщину как производительный фактор. В сельском хозяйстве ценность женского труда повысилась из-за существовавшей долгое время системы коллективного вознаграждения за труд и из-за отлива некоторой части мужской рабочей силы в местные мелкие промышленные предприятия. Доля женской рабочей силы в промышленности, незначительная в 1949 г., к концу 70-х годов достигла 36%⁶⁴. В школах второй ступени учится около 40% девушек⁶⁵.

Однако в целом роль женщины остается подчинен-

ной. При равноправии в теории, политика остается пока делом мужчин. Правда, среди кадровых работников женщины составляют около 26%, но эта доля уменьшается по мере повышения ступени в иерархии⁶⁶. Велико число неквалифицированных рабочих-женщин по сравнению с мужчинами. Даже в таком крупном центре, как Шанхай, женщине преграждается доступ к некоторым занятиям:

По результатам экзаменов для зачисления на службу в Управление зерновых культур одного из кварталов Шанхая туда принимали мужчин, набравших 57,5 балла, тогда как для женщин требовалось набрать 138,5 балла. В компании по сбыту сахара и табака это соотношение составило 99,5 и 157,5 балла, в компании по кожам соответственно 86 и 142,5 балла... Еще более удивительно такое заявление ответственного лица: «Я предпочитаю иметь десять парней, чем десять девушек, сколь бы ни было безупречным их поведение. Парни могут изменить свои манеры, но нельзя изменить пол. Девушки выйдут замуж, будут рожать, кормить... скучная перспектива». Такое заявление типично, оно отражает ходячее мнение в обществе, отдающем предпочтение мужчине перед женщиной⁶⁷.

Женщина как работник занимает в профессии более низкое положение, так как она жена и мать. Этот аргумент действует и на других широтах. И он не совсем неправилен, потому что китайская женщина несет на себе главный груз домашней работы. 72% крестьян из числа опрошенных Пэришем и Уайтом принимали мало участия в домашней работе или совсем его не принимали⁶⁸. Правда, в городе муж часто помогает жене в менее неприятных делах, да и свекровь занимается хозяйством, но в Шанхае женщина должна уделять в среднем три-четыре часа в день работе по дому. По мнению журнала «Шэхуэй», ее профессиональная карьера страдает от этого⁶⁹.

Кроме того, нельзя быть уверенным, что положение женщины по отношению к мужу укрепилось хотя бы так же, как по отношению к свекрови. Конечно, и тут нельзя отрицать определенную эволюцию. Связь между супругами сильнее связи с родителями. Финансовые вопросы чаще всего решаются отдельно. Если в семье есть дети, мать активно действует при вступлении детей в брак. Материнская власть остается значи-

тельной. Но до равенства очень далеко. В уголовной хронике больших газет можно найти примеры крайностей: избиения, унижения, запугивания и даже убийства женщин их партнерами-мужчинами⁷⁰. Исследуя случаи двадцати убийств на почве страсти, совершенных в Шанхае в 1980 г., журнал «Миньчжу юй фачжи» простодушно замечает, что все они были совершены мужчинами⁷¹.

Неравенство между мужем и женой чаще всего проявляется при разводе. Один юрист из Верховного суда делает такой обзор:

Я работаю в юридической службе, и по многим письмам и посещениям обнаружила, что ряд инстанций, суды или другие, при рассмотрении дел о разводе совсем не принимают в расчет интересы женщин и детей.

Во-первых, некоторые из них выносят мало справедливые постановления о разделе совместного имущества или просто забывают вынести постановление по этому поводу. В одном решении о разводе, вынесенном уездным судом, в отношении имущества можно прочесть, что «каждый заберет свое». Но ведь фактически муж завладел имуществом жены задолго до вынесения такого решения. Подобное решение не охраняет экономические права женщины, принадлежащие ей по закону.

Местное бюро регистрации при разводах просто регистрирует разрыв всех отношений между супругами, не вынося решения об имуществе, и именно женщина оказывается обделенной.

Во-вторых, суммы, выделяемые женщине как пособие на содержание детей, как правило, весьма малы. Так, когда один городской суд вынес решение о разводе супругов, из которых мужчина получил 70 юаней в месяц, а женщина — 36 юаней, он поручил воспитание детей женщине и решил, что мужчина будет платить на прокорм детей 10 юаней в месяц, что, по-видимому, очень мало. В ответ на возражения женщины судья, проявляя заботу о мужчине, заявил: «Когда мужчина снова женится, ему понадобятся деньги».

Когда некоторые суды выносят решение о разводе, они приговаривают мужа к немедленной уплате бывшей жене от 300 до 500 юаней, что на первый взгляд кажется немалой суммой, но если

учесть, что детей надо поднимать десять и более лет, то такая сумма далека от необходимой.

В-третьих, некоторые службы уделяют мало внимания судьбе разведенных женщин с детьми и не прилагают каких-либо усилий, чтобы им помочь. Суды нередко при разводе оставляют жилище только мужу и не позволяют женщине с детьми там жить, так что некоторые женщины вместе с детьми оказываются после развода без пристанища, обреченными на молчаливую скорбь. В сельской местности некоторые женщины хотя и после развода вернуться в родную семью, но им не дают прописки; иногда их не допускают к работе или не дают талоны на питание и заставляют испытывать разного рода дискриминацию.

В-четвертых, решения о разводе или компромиссе в результате процедуры примирения не могут быть выполнены незамедлительно. В частности, если мужчина отказывается платить пособие или перестает его выплачивать, некоторые производственные единицы отказывают женщине в содействии. Имеют место даже такие заявления: «Поскольку мужчина не хочет, чтобы пособие вычитали из его заработка, мы ничего не можем сделать». Если исполнение судебного решения поручается суду другой местности, бывает, что последний не желает этого делать, в результате некоторые судебные решения остаются неисполненными в течение десяти и более лет, и все это время женщина и дети лишены всякой защиты (Лю Юн из Верховного суда) ⁷².

Женщина постоянно ставится в неблагоприятные условия, если только она не пользуется явной защитой. Неравенство очевидно. Оно объясняется традиционным взглядом на семью: основа семьи — мужчина.

Жена может укрепить свое положение лишь тогда, когда она выполнит свое предназначение: родит мальчика. Чем раньше — тем лучше: в 85% случаев жена рождает ребенка в первый год после свадьбы ⁷³. Однако если рождается девочка, разочарование велико. Если неудача повторяется, на виновницу обрушивается позор. В деревне она практически оказывается на положении изгоя:

Товарищ главный редактор, нас пятнадцать сельских женщин, у которых только дочери, и на-

子：妈妈，她是我的对象叫……。

母：这我不管，我问她父母是哪一级干部？

苗地

Сын: Мама, вот та, на которой я хочу жениться...

Мать: А мне плевать, но я хочу знать, на какой ступени в кадровой номенклатуре находятся ее родители?

«Сатира и юмор». 05.07.1982.

ши сердца полны горечи и стыда, когда приходит месяц мероприятий по контролю над рождаемостью. Действительно, мы все рожали чаще, чем полагается по правилам, у некоторых было от трех до девяти истощающих родов. Конечно, какая мать хочет иметь столько детей? Как говорится, «мужчина боится три раза болеть, женщина боится три раза рожать». Кроме того, мы рожали только девочек, и какое презрение, какие грубости мы перенесли, не говоря уже о нашем ослабленном здоровье.

Ни одна из нас не хочет оставаться в таком по-

ложении, и все хотят родить мальчика, даже если от этого придется умереть, чтобы обрести мир!

Почему мы будем так рисковать своей жизнью для дела, злосчастного для страны и для нас самих? Потому что презрение и грубости, которым подвергается у нас женщина, не имеющая сына, хуже смерти!

Приведем некоторые примеры, показывающие, до какой степени это невыносимо.

Когда деревенская семья готовит свадьбу, то застелить брачную постель приглашается женщина, имеющая сыновей. Она руководит церемонией и чувствует себя «совершенной личностью». Мы, женщины, не имеющие сына, не только не имеем права прикоснуться к брачной постели, но и обязаны держаться в отдалении, когда прибывает новобрачная, и нас называют «изгнанницами».

Мы, «изгнанницы», должны дома испытывать тиранию мужа, брань его родителей и даже наших собственных родителей, жалующихся, что мы их опозорили. Кроме того, мы стоим на ступеньку ниже других: мы не смеем высказывать свое мнение, задавать вопросы, и, сверх того, мы не должны никогда обижать «совершенную личность», имеющую сыновей, потому что она может бросить нам в лицо: «Когда в прошлой жизни не хватало добродетели, то в нынешней не имеют сыновей» или что мы «лишены ста поколений».

Сверх этих моральных страданий мы наталкиваемся на разного рода трудности, когда трудимся, чтобы заработать себе на жизнь. Те, кто легко выкручивается, смеются над нами: «У них нет сына, и они еще хотят иметь успех!» Когда дела идут плохо, нас упрекают в том, что мы «лентяйки, которые не рожают мальчиков». Поистине, женщине, не имеющей сына, невозможно выпутаться из этого положения!

Недавно жена одного кадрового работника нашей деревни родила мальчика после того, как раз за разом произвела на свет четырех дочерей. Был устроен банкет, чтобы отпраздновать это событие, было полно народу. Мать сияет, свекр и свекровь поздравляют друг друга, соседи поджигают хлопушки, родственники преподносят дорогие подарки. Годом раньше, когда эта женщина родила чет-

вертую дочь, муж даже не вошел в ее комнату, его родители называли ее чудовищем, предательски напавшим со спины. Она целый месяц после родов не могла осушить слезы и не переставала вздыхать. Сейчас, конечно, ее положение стократ лучше ⁷⁴.

Женщина, родившая только дочерей, рискует стать объектом новой формы отречения — развода. Поскольку времена переменились, просьба о разводе должна быть мотивирована. Но люди не глупы, и мало кто открыто в качестве мотивации развода ссылается на то, что она не родила сына. Вот почему, разгадав подобного рода уловку, один суд в провинции Хэнань выехал в деревню, чтобы убедить крестьян:

21 января окружной суд устроил публичное слушание дела в бригаде Шиянши (народная коммуна Цзиньхай), чтобы разобрать просьбу Яо Цзинцзяна о разводе с Ли Гуйфэн. Обе стороны потребовали, чтобы их представлял один и тот же адвокат. На заседании суда присутствовали более трехсот крестьян из соседних бригад. Истец, Яо Цзэнцзян, требовал развода по следующим причинам: брак был по сговору, выявились несовместимость характеров, разница в обычаях между китайцами и мусульманами. Ли Гуйфэн отрицала это, противопоставив факты. После опроса и обсуждения суд установил, что Яо и Ли поженились по любви и жили в добром согласии и что единственная причина в том, что, после того как Ли Гуйфэн родила двух дочерей, Яо Цзэнцзян, боясь лишиться прямого наследства, начал изыскивать какой-нибудь предлог для развода. Во время слушания дела Яо, несмотря на все усилия примирить его с женой, настаивал на просьбе о разводе. Чтобы защитить законные права женщины и бороться с феодальными воззрениями, ставящими мужской пол выше женского, суд отказал в разводе, вынес решение прямо на месте. Недавно суд возвратился на место. Благодаря работе по примирению, осуществленной местной организацией Федерации женщин и самой Ли Гуйфэн, отношение Яо к жене несколько улучшилось ⁷⁵.

Чтобы в такой ситуации справедливость была оказана женщине, требуются по меньшей мере два условия. Первое — чтобы суд действительно хотел

знать правду. Второе — чтобы он мог ее узнать, что подразумевает нежелание женщины разводиться, активную деятельность Федерации женщин (как в данном случае), или чтобы у мужа были враги. Сомнительно, чтобы эти условия часто сочетались.

Детоубийство

К этому списку проявлений женоненавистничества следует добавить последнюю главу: о чрезмерной смертности новорожденных женского пола. Начиная с 1983 г. международная печать, на основании сообщений из Пекина, взволнованно обсуждала пережиток ужасного китайского обычая подкидывания маленьких девочек или даже их убийства. Ранее, до 1949 г., этот обычай не раз осуждался коммунистами. Затем, до недавнего времени, на факты, свидетельствующие о его сохранении, намекали только несколько свидетельств беженцев⁷⁶. Но после 1979 г. китайские диссиденты, гонконгская печать, а затем главные китайские ежедневные газеты подняли тревогу, выступая против все более частых случаев подкидывания и продажи детей, и особенно против убийства девочек⁷⁷. Девочек, обычно в возрасте нескольких дней, или подбрасывают в общественных местах (улицы, учреждения, больницы), или отдают прохожим, или тайно топят (но и есть и другие способы убийства). Такие случаи отмечены во всех сельских зонах, даже близ Шанхая. Но самые скандальные случаи имели место в провинции Аньхой. Здесь среди новорожденных, зарегистрированных в 1982 г., оказалось в среднем 112 мальчиков на 100 девочек. В некоторых уездах и бригадах несоответствие было еще большим: 130,7 на 100 в уезде Фэйдун и 125,9 на 100 в уезде Хуайюань:

Проведенное недавно расследование аньхойской провинциальной организацией Всекитайской федерации женщин в уездах Сюйси и Хуайюань выявило проблему, заслуживающую ее большого внимания: в некоторых сельских районах наблюдается неравновесие между новорожденными мужского и женского пола, иногда достигающее 5:1.

Это неравновесие имеет разные причины, однако главная состоит в том, что под влиянием сохранившихся феодальных представлений младенцев

женского пола топят или подкидывают. В уезде Хуайюань имеется производственная бригада, в которой за 1980 и 1981 гг. было утоплено 40 новорожденных женского пола. Из 8 новорожденных за первый квартал 1982 г. в бригаде Мэйчжуан (коммуна Цзюньван) 3 мальчика в добром здравии, а 5 младенцев женского пола были или утоплены (3) или подброшены (2) ⁷⁸.

Помимо ужаса, который внушает это явление, оно заслуживает оценки и объяснения. Прежде всего, и по самой полной информации, не следует переоценивать его распространение. В Китае в целом норма новорожденных мужского пола варьировала умеренно: от 107,7 в 1953 г. она упала до 105,4 в 1964 г., затем снова поднялась до 106,3 в 1982 г. ⁷⁹. Вот объяснение официальной прессы:

Феодальное представление о превосходстве мальчиков еще не окончательно исчезло из умов людей. Некоторые супружеские пары считают себя несчастными, если у них нет сына. Это объясняет, почему многие семьи имеют больше двух детей.

Китайское правительство в последние годы поощряло семьи иметь только одного ребенка, строго контролировало рождение второго и решительно вмешивалось, предупреждая следующие роды. Это, естественно, поставило проблемы перед людьми, во что бы то ни стало желающими иметь мальчика.

Мать сразу после родов не в состоянии определить пол ребенка. Муж же в своем горячем желании иметь сына частенько плохо относится к своей жене, если она принесла ему дочь, и, что еще хуже, некоторые из них идут на убийство этих детей: либо оставляют их без ухода, либо топят ⁸⁰.

Это объяснение представляется точным, если добавить, что желание иметь хоть одного мальчика могло быть только усилено деколлективизацией, повысившей цену мужской рабочей силы, которой располагает семья. В одной народной коммуне в окрестностях Шанхая 93,4% вторых и третьих детей, родившихся в 1981 и 1982 гг., следовали за девочками ⁸¹. С тех пор как гораздо более строгая политика контроля над рождаемостью запретила крестьянским семьям производить потомство второй раз, для них стало большим искушением желание не заявлять о новорожденном женского пола, утверждать, что младенец оказался

ненормальным (что теоретически дает право на новую попытку) или уничтожить его. Представляется, что существует прямая связь между интенсификацией демографического контроля и детоубийством. Так, Мишель Картье объясняет, что детоубийства происходят чаще всего в провинциях, которые были (Аньхой, Хэнань, Шаньдун) или являются (Гуандун, Гуанси) объектом мощных кампаний по ограничению рождаемости⁸². К этому основному объяснению следует, несомненно, добавить второстепенные факторы: последовавшее за деколлективизацией ослабление власти сельских кадровых работников и частое уподобление в умах многих людей детоубийства абортам (которые активно поощряются властями)⁸³. Короче говоря, недавняя волна детоубийств, без сомнения, является результатом встречи двух феноменов: оживления традиционного предпочтения детям мужского пола (что является страховкой для старых родителей) и специфической исторической конъюнктуры, угрожавшей применению традиции на практике.

Запрет на вступление в брак

Сила семейной ячейки и восстановление традиционных представлений и обычаев влияют не только на заключение брака и дальнейшую жизнь супругов, но и содействуют практически запрещению права на брак для некоторых категорий населения, которые в соответствии с преобладающими нормами считаются пораженными разного рода недугами.

В первую очередь это относится к людям с физическими недостатками. Закон в этом вопросе весьма расплывчат. Ст. 6 закона запрещает вступление в брак, «если одна из сторон была больна проказой и не выздоровела или страдает любой другой болезнью, делающей данное лицо, по врачебному заключению, неспособным к браку»⁸⁴. В некоторых пропагандистских материалах опускается упоминание о необходимости медицинского заключения и указывается на недопустимость вступления в брак всех, кто болел какой-либо венерической болезнью или страдает психическим заболеванием, дебильностью или импотенцией⁸⁵. Поскольку визит к врачу перед вступлением в брак не стал обычной практикой, создается впечатле-

ние, что главную роль в применении этих правил играет общественное мнение. Оно, кажется, легче относится к физическим или психическим заболеваниям, чем к болезням половой сферы, которые часто рассматриваются как обоснованная причина развода. В печати упоминаются случаи женитьбы дебилов или психически больных. Образование таких супружеских пар создает, очевидно, особую проблему. Иногда семья здорового партнера соглашается на мезальянс за солидную компенсацию. В других случаях женят двух психически больных. Сотрудник Института психиатрических исследований провинции Цзилинь (из сектора наследственных болезней) в письме в «Жэньминь жибао» выражает беспокойство по поводу умственного здоровья потомства таких больных:

Как относиться к проблеме брака психически больных?

Передо мной данные опроса положения в семьях четырнадцати супружеских пар психически больных (в большинстве шизофреников). Средний возраст мужчин в этих парах — 32,6 года, женщин — 28,4 года. Отношения между супругами в десяти случаях гармоничные, в двух — перемежающиеся и в двух — натянутые. У всех пар восемнадцать детей, из них трое старше 15 лет. В настоящее время двое больны шизофренией, трое подозрительны в этом отношении, пятеро испытывают расстройства моторики (расстройства в ориентации, идиотия, замкнутость, буйство и т. п.). По данным иностранных материалов, в случаях, когда один или оба родителя больны психически, 68,1% детей заболевают. В нашем примере доля таких детей всего 28%, если не считать тех, кто страдает расстройствами моторики. Следует, однако, заметить, что из восемнадцати детей, исследованных в нашем случае, пятнадцать еще не достигли половой зрелости, т. е. 83,3% не достигли возраста, когда угрожают эти болезни.

Из всех этих данных следует, что если оба родителя страдают психическими заболеваниями, то опасность, что их дети будут больны тем же, явно возрастает (процент повышается с 28 до 68,1), в то время как у обычных граждан в Китае процент шизофрении составляет лишь 2—4%. Непропорциональность существенна. С точки зрения евгени-

ки создание таких семей — плохое дело. Действительно, шизофрения — тяжелая наследственная болезнь, вред которой огромен. За рубежом некоторые рекомендуют шизофреникам не вступать в брак, а в случае заключения брака — не иметь детей, чтобы не рисковать непредвиденными последствиями.

Мы должны действовать на психически больные супружеские пары убеждением, приводить их к пониманию того, что для них будет лучше не иметь детей. И хотя сейчас нет евгенического законодательства, им следует посоветовать не производить потомство два-три года после излечения, когда они перестанут принимать лекарства...

Ван Цзю, Институт психиатрических исследований провинции Цзилинь (сектор наследственных болезней) ⁸⁶.

К другой категории лиц, чье право на брак не признается, относятся виновные в добрачных половых сношениях. И пропаганда, и общественное мнение хором воспевают «национальные традиции целомудрия китайских женщин» ⁸⁷, так как и в Китае мораль относится прежде всего к девушкам. В сельской местности не женятся на тех, кто уже имел возлюбленных — этот «бывший в употреблении товар» подобен «дырявому башмаку» ⁸⁸. Не только вина, но и след ее влечет за собой бесчестье. Некий молодой человек так выражает беспокойство по поводу конопин на лице своей невесты:

Товарищ редактор! Во время посещения своей семьи в марте этого года я познакомился с девушкой. Она очень хороша. Единственный ее недостаток — светло-коричневая конопина на лице. Хотя мы не были знакомы до этого моего приезда, после встреч во время этого периода мы пришли к доброму согласию. И вот, когда мы готовились связать себя прочными узами, родители мне сказали: «Девушки, у которых на лице конопины, не добродетельны. Это случается только у женщин, бывших беременными». Я осведомлялся почти всюду и не нашел, чтобы она плохо себя вела. Это дело слишком для меня тягостно, и я очень встревожен. Правда ли, что девушки с конопинами на лице не целомудренны? ⁸⁹.

Молодой человек сомневается в предрассудке, при-

писывающем веснушки плохому поведению девушки, но не в том, что он должен сделать, если это плохое поведение подтвердится: он должен будет прервать знакомство.

В случае незаконного материнства осуждение общественным мнением еще тяжелее. Виновная рождает или делает аборт в квази-подполье. Иногда ее близкие даже не решаются навестить ее в больнице⁹⁰. На некоторых заводах матери-одиночки не пользуются отпуском по родам и другими социальными льготами, связанными с рождением ребенка⁹¹. Семьи часто скрывают незаконных детей или уступают их бездетным супругам⁹². Быть бастардом — это изъясн. Одна девушка рассказывает о том, как подозрение, что ее возлюбленный — незаконный ребенок, вызвало возражения ее матери и тетки:

Дин — мой товарищ-одноклассник, с которым меня в 1973 г. отправили в деревню. Мы подружились еще в школе и, работая вместе, полюбили друг друга. Он покалечился в шахте и вернулся в город на два года раньше меня. Но это не повредило нашим отношениям. Напротив, он не переставал заботиться о моей жизни и учении, иногда посылал мне целиком свой заработок и требовал, чтобы я заботилась о своем здоровье (потому что я страдаю малокровием). Сказать по правде, я видела в нем идеал возлюбленного. Но в этом году, возвратившись в город, я оказалась в непредвиденной ситуации: мои мать и тетя решительно встали против моей любви к Дину, утверждая, что, как им стало известно, Дин — незаконнорожденный. Они убеждали меня немедленно прекратить с ним все отношения, так как: «Если ты выйдешь замуж за бастарда, кто тебя будет уважать?» Мать даже приняла меры, чтобы помешать нам встречаться. Какая мука для меня! Когда я его об этом спросила, он отрицал это и упрекнул меня в том, что я не доверяю ему. У меня нет точных доказательств, что он действительно незаконнорожденный. Но если это правда — что мне делать? Если я выйду за него замуж, меня станут презирать?⁹³

В этом случае ни один из влюбленных — и даже тот, кого подозревают, — не отвергают дискриминацию незаконнорожденных. Это неодолимо, ибо вписано в

обычай. Подобная дискриминация распространяется и на дела о наследстве⁹⁴.

Официально режим борется с нею. Закон о браке 1980 г. объявляет в ст. 19: «Дети, рожденные вне брака, имеют равные права с детьми, рожденными в законном браке». Закон подчеркивает также обязанности подлинного отца⁹⁵. Можно, однако, сомневаться в действенности закона, который выступает против ходячей морали, на практике одобряемой режимом.

Те, кто оказался вне социальной нормы, также встречают трудности со вступлением в брак. Повторный брак вдовцов и особенно вдов по-прежнему оценивается негативно. Часто еще бытует мнение, что вдова приносит неудачу⁹⁶. И вообще — чем человек становится старше, тем ему труднее вступить в брак. Если по причинам официальной политики сложно пожениться слишком рано, то еще большие сложности ожидают, если слишком медлить. Стоит мужчине перевалить за 27 лет, а девушке — за 25, как общественное мнение начинает удивляться, а родители — волноваться: ведь вскоре можно стать плохой партией и неудачи умножатся. Но почему многие запаздывают со вступлением в брак? Не имея точной информации относительно парней-переростков, мы располагаем данными опроса 139 девушек, незамужних поневоле, в одном из кварталов Пекина:

Мы изучили положение 139 девушек, записанных в брачном агентстве квартала Хайдянь. С точки зрения статистики пик «трудных случаев» расположен между 27 и 34 годами. Что, в частности, бросается в глаза — это повышение среди опрошенных доли женщин, имеющих высокий уровень образования, хорошую профессию, привилегированное семейное положение и солидную политическую основу. Мы стремились выяснить, откуда эти «трудные случаи», перебрав их все, обнаружили, что это:

1. Образованные девушки, отосланные в деревню или служившие в армии. От шести до десяти лет провели они в сельской местности или на границе, по возвращении в Пекин избегались в поисках работы и, пока нашли что-то постоянное, достигли возраста, трудного для любовных дел и вступления в брак. Число таких молодых женщин весьма внушительно: по статистическим данным

брачного агентства Хайданя, они составляют 27% общего числа лиц в возрасте 27—34 лет.

2. Активистки и члены авангарда. Если эти женщины представляют собой «трудные случаи», это следствие поздней любви и замужества, а возможно также слишком большого влияния на них таких «образцов», как Цзян Чуин или Фан Хайчжэнь. Так, одна учительница избрана членом партийной элиты своего квартала, знаменосцем в Женский день, преподавателем авангарда и вожакой элиты пионеров Пекина и всей страны. Более того, у нее много талантов, редкая красота, и она получила почти все награды, которые может получить учительница. Но когда предлагают познакомиться с ней, многие товарищи качают головой и, улыбаясь, отказываются. В аналогичной ситуации оказалась и другая женщина, едва достигшая 30 лет, но она из руководящих кадров и занимает высокий пост. Случаи такого рода слишком многочисленны, чтобы рассказывать обо всех.

3. Жертвы вмешательства родителей. Это женщины, лишившиеся своих возлюбленных по вине родителей. После этой травмы они отвергают не только предлагаемых им претендентов, но и «добрые чувства» своих родителей в этом отношении. Таких женщин можно встретить во всех слоях общества.

4. Работницы умственного труда с высшим образованием. Они составляют большинство «трудных случаев». Например, в брачном агентстве квартала Хайдань 46,5% клиенток имеют университетский диплом и 60% занимаются умственным трудом того или иного рода. У них тонкий вкус, и им трудно «найти обувь по ноге»⁹⁷.

Такая ясность анализа редко встречается в официальной китайской прессе, так как результат исследования неблагоприятен для властей. Большинство старых дев следовало официальным призывам изменить положение женщины. Молодые учительницы, образцовые кадровые работники, женщины с высшим образованием, жертвы упорного отказа от брака по сговору, они противостоят традиционному мнению, гласящему, что девушка должна подчиняться мужу и его родителям. И они побеждены большей частью потому, что юноши придерживаются этого традиционного мнения.

По мере того как они становятся старше, положение женщин все более осложняется.

В отношении тех, у кого свои счёты с правосудием, социальная дискриминация еще сильнее. До недавнего времени развод был наказанием, официально добавляемым к юридическому осуждению. Наряду с «политическими разводами», которые мы рассматривали выше, были и «уголовные разводы». Иногда заключенный даже не знал, что его развод уже состоялся: просто он переставал получать вести от жены⁹⁸. Представляется, однако, что и семья осужденного, и его социальное окружение непосредственно участвовали в этой дискриминации — как из материальных соображений, так и из соображений «сохранения лица» (он вредил их репутации). Заключенному отказывали в его доле наследства. Когда он возвращался в деревню, его часто встречал холодный прием. В городе он, как правило, не мог вернуться на свою работу.

Эта социальная дискриминация — одновременно и причина и предлог для развития в Китае системы «свободных трудящихся», остающихся в деревне по отбытию наказания. Такая система доставляет правительству дешевые рабочие руки и помогает бывшему заключенному избежать трудностей нового включения в жизнь. Для этих «свободных трудящихся» жизнь становится менее тяжелой: они снова получают оплату за труд и могут передвигаться в известных пределах. Но на них сохраняется клеймо бесчестия, и они редко могут жениться:

У меня есть сын, которого в 1958 г. отправили на ферму трудового перевоспитания за нарушение дисциплины на заводе, где он был учеником. Он освобожден уже восемнадцать лет назад, остался на ферме как свободный труженик, и он еще не женат. По его словам, на ферме всегда применялось официальное правило, запрещавшее тем, кто отбыл свое наказание, жениться на крестьянках местной коммуны. Поскольку мужчин на ферме гораздо больше, чем женщин, а любой брак может быть заключен только после изучения и одобрения этого акта руководством, при том что свободным труженикам запрещено жениться на ком-либо из этой местности, там много холостяков сорока или пятидесяти лет. Разве официальное правило, утверждающее, что «освобожденные заключенные не

могут жениться на девушках из масс», соответствует закону, спрашиваю я вас? ⁹⁹.

Стоит привести ответ журнала этому читателю. Соглашаясь с тем, что запрещение вступать в брак незаконно, журнал оправдывает это необходимостью избежать конфликтов с местными крестьянами, помещать «хаосу в отношениях между полами» и «рецидивам преступлений».

С 1980 г. пенитенциарный режим стал смягчаться. С тех пор достигнут некоторый прогресс. Развод не следует автоматически за осуждением, некоторым осужденным разрешается жениться ¹⁰⁰. Остается узнать, какова реальная цель этих изменений как в пенитенциарной системе, так и среди населения...

Остракизм, поражающий осужденных, это еще один элемент, прибавляемый к сложной игре правил, управляющих выбором супруга. Мы попытались проанализировать их, выявив те элементы, что идут от традиций, и те, в которых проявляется политическая и социальная эволюция коммунистического Китая. Можно лишь удивляться исходящему из этого анализа впечатлению взаимосвязанности и непрерывности в их развитии.

Изменения воздействуют более всего на отношения внутри семейной ячейки. Так, представляется, что иерархия поколений несколько уменьшилась и положение женщины по отношению к свекрови укрепилось. Однако в других областях изменения, кажется, менее значительны, чем элементы непрерывности. Семья еще оказывает существенное влияние (в сельской местности сильнее, чем в городе) на заключение брака, особенно в том, что касается социальной совместимости супругов. Свадебная церемония стала значительно более яркой. Семейные отношения по-прежнему сильно структурированы. Неравенство полов уменьшилось, но не исчезло. Наконец, общественное мнение находит в семье могучую поддержку в деле препятствий браку тех, кто не подчиняется весьма влиятельным традиционным канонам.

По отношению к первоначальным стремлениям китайских коммунистических властей эта эволюция означает относительное поражение. Семья остается основной ячейкой общества. Ее непосредственная идеология является чаще всего антиподом той, которую режим хочет распространить среди населения. Жиз-

ненная сила традиционных представлений и обычаев является, несомненно, частично ответственной за это поражение. Однако и политика, которой в действительности следовал коммунистический режим, особенно в последние годы,— тоже важное объяснение. Назидательность и, прежде всего, недостаточность экономической и социальной политики режима вынудили его практически участвовать в упрочении семейных связей. Он дал, таким образом, семейной ячейке максимальные возможности для оказания важного влияния в вопросах брака и сохранения в этой области множества традиционных обычаев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семья, деньги, власть. Игра не только любви и случая, но и интересов, влияющих на брак. Молодые супруги в наши дни играют, несомненно, бóльшую роль, чем в прежние времена, но главными актерами до сих пор остаются родители и более или менее вознаграждаемые посредники, устраивающие брак. В коммунистической версии этой классической пьесы добавляется роль кадровых работников производственных единиц, а также политических, профсоюзных и иных организаций, поручительство которых необходимо. Бюрократ, заседающий в жилищной конторе или в конторе по прописке,— это *deus ex machina*, который может сорвать самым лучшим образом задуманный план. Декорации изменились, действующие лица во вкусе современности, но интрига та же самая. Непрерывность может удивить наблюдателя, поверившего, что политический, социальный и экономический переворот в Китае сумел за полвека уничтожить силу тысячелетней традиции. Однако ничто не обнаруживает, что она клонится к упадку. У нее не только глубокие культурные корни, но, более того, она часто соответствует экономическим интересам семьи в современной системе. Традиция возвращена и прочно держится на плодородной почве. Она склоняется, когда дует ураган политических кампаний, она выпрямляется, когда его дуновение иссякает и режим приходит к неизбежным компромиссам.

Прочный институт

Фактически институт брака сейчас прочней, чем когда-либо. Результаты всеобщей переписи 1982 г. это блестяще подтверждают. Согласно ее данным, в числе населения в возрасте более 15 лет 63,67% состоят в

браке, 7,18% — овдовевшие, 0,59% — разведенные, 28,56% — не состоящие в браке. Большинство холостяков намерены вступить в брак. Из женщин в возрасте 30 лет замужем 99%, мужчин — женатых 86%. Средний возраст вступления в первый брак: для девушки — 22 года, для юношей — 24 года, и это несмотря на все пропагандистские кампании, призывающие к «отсроченному браку» не раньше 27 лет и старше. Все же эти кампании сумели отодвинуть возрастной уровень ранних браков: в 1970 г. большинство (60,5%) женщин выходили замуж до 20 лет, через десять лет их стало лишь 24,9%¹. Итак, возраст вступления в брак отодвинут, но это не означает отвержения самого института, которому больше не угрожают разводы.

Следовательно, состояние в браке — норма. Это доказывает незначительное число женщин, не вышедших замуж до 30 лет, и статистики сошлись в мнении, что холостячество — аномалия, и беда, если оно продолжается. Холостяк или незамужняя женщина старше 30 лет представляются в Китае определенной проблемой. Им сочувствуют, если они были жертвами злоупотреблений времен «культурной революции», помешавшей некоторым вступить в брак или приведшей к насильственному разводу. В иных случаях это более или менее подозрительный субъект, стоящий вне общества. Единственной промежуточной ситуацией между холостячеством и нормальным браком является состояние помолвки. Это состояние часто может продлеваться, но оно не дает права жить совместно. Пара, просто сожительствующая, очень скоро наставляется на правильный путь соседями или уличным комитетом и ответственными работниками той производственной единицы, от которой эта пара зависит.

Общественное давление производится лишь в одном направлении, благоприятном для вступления в брак. Вне брака следует отказаться от половой активности, а также от потомства. Традиция считает главным нравственным долгом продолжать фамилию в потомках. Осуждают ли эту традицию как «феодалную» или конфуцианскую, одобряют ли — следует признать, что традиция соответствует в этом вопросе потребностям жизни, потому что старые люди находятся на иждивении своих детей. При отсутствии общей системы пенсий и социального обеспечения холо-

стяки и бездетные пары готовят себе печальную старость, и хотя пенсионная система понемногу устанавливается, линия на ограничение рождаемости должна с этим считаться, особенно в сельской местности.

Если пребывание вне брака рассматривается как поражение, то заключение брака — это, естественно, успех, который обе семьи должны достойно отметить. Восстановленная пышность брачной церемонии, дорогие банкеты свидетельствуют о значении, которое этому придается. Семьи не колеблются залезать по этому случаю в долги, так как церемония вновь обрела свою первоначальную функцию — обнародовать заключение договора между семьями. Напротив, весомость законного акта регистрации брака снизилась, он стал лишь административной формальностью, не имеющей символического значения. Эпоха, о которой коммунисты мечтали, когда регистрация заменит традиционную церемонию и сделает гарантом союза супружеской четы общественную власть, кончилась. Регистрация все больше становится наряду с другими формами средством административного контроля над отдельными лицами, к тому же не самым эффективным из них.

Стабильность института брака не ставится под сомнение нынешним коммунистическим режимом: он полагает это соответствующим его целям и рассматривает семью как стабилизирующий элемент в обществе, контроль над которым надо восстановить после беспорядка бурного периода. Создание администрацией брачных агентств — один из многочисленных признаков этой политики. Холостяки, зачастую молодые люди, сосланные в сельскую местность к концу «культурной революции», считают себя обманутыми и недовольны. Они потенциально опасны, и стоит предпринять усилия, чтобы что-то сделать для них. Брачное агентство, бесспорно, отвечает народной нужде, и его деятельность проходит в русле стабилизации общества, основным элементом которого является семья.

КПК не всегда относилась к семье и браку так разумно. Напротив, в радикальные периоды Советов в Цзянси (1931—1934) и гражданской войны (1944—1949) ее целью было уничтожение структуры общества, считавшегося реакционным. Реформа законодательства о браке была тогда политическим орудием, одним из многих, и не самым слабым. Волны разво-

дов, известные в Советах Цзянси и в Китае в целом, в годы, предшествовавшие Освобождению и последовавшие сразу за ним, были прямым результатом этой политической линии. Однако они представляют собой явление, ограниченное во времени. В Цзянси в годы Освобождения речь шла о том, чтобы прекратить заключение браков по сговору и освободить женщину для революционной работы. Потом этот довод не пу­скался в ход, развод, если только он не представлял собой политическую акцию, стал труден, по сути дела, исключением.

История Китайской Народной Республики отмечена периодами интенсивных политических мобилизаций, потрясших всю страну, даже если они и не при­обретали размаха событий, предшествовавших Осво­бождению. Эти большие движения давали населению мало передышки. В эти периоды пропагандистская машина в соответствии с канонами самой доктринер­ской идеологии распространяет манихейское видение общества. «Черные категории» вновь представляются как враг, с которым надо бороться и которого надо унизить, даже если много лет назад они потеряли все имущество и власть. «Правые», не следующие линии данного момента, подвергаются тем же атакам. Мо­билизация проникает внутрь семей и прямо воздей­ствует на практику семейной жизни. Классовая линия запрещает некоторые браки, делает обязательными некоторые разводы. В эти времена дети кадровых работников, солдат, рабочих или членов партии не могли вступить в брак с детьми из «черных» семей. «Красные» категории, только что названные нами, пользуются привилегиями, которые являются преми­альными на брачном рынке. В то же время проявле­ния частного характера, как свадебные церемонии, должны быть скромными. Повседневная жизнь на де­ле подчинена самому пристальному надзору, и пред­ставляется невозможным, чтобы какая-нибудь любов­ная идиллия либо свадьба ускользнула из-под кон­троля уличного комитета или производственной бри­гады.

Однако административный контроль над жизнью семьи и индивида никогда не был тотальным. Его гра­ницы вырисовываются в периоды разрядки между двумя мобилизационными кампаниями и особенно после 1978 г. Самые строгие правила не могут усто-

ять перед соединенными усилиями традиции и семейных интересов. В этих случаях законы соответственно поворачиваются, а власти закрывают глаза. Так, в сельской местности возрастной момент и акт регистрации брака часто просто игнорируются, нередко при содействии заинтересованных кадровых работников. В городе некоторые нелегальные жители ускользают от контроля над пропиской, самые ловкие используют брак и развод, чтобы выгодней поселиться. Народная стратегия преодоления административных препятствий к заключению брака и к финансовым интересам семьи полностью использует трещины в системе. Можно полагать, что подобная стратегия использовалась и раньше, но тогда она осуществлялась скрытно и, кроме того, ее применение фактически было невозможно для «черных категорий» и других политических противников.

Ныне классовые барьеры между «черными» и «красными» смягчаются или по крайней мере не понижают больше повседневную жизнь, как это бывало во времена мобилизаций. В частности, эти барьеры не являются больше критерием при выборе супруга. Материальные соображения и традиционные ценности вновь становятся очевидными как в ходе переговоров, подготавливающих заключение брака, так и в организации банкета, которым все оканчивается. Они подводят итог: соображения жилья и прописки, иерархия желательных профессий, принимаемые в расчет политическое и социальное окружение. Но доминирующей заботой остается подбор двух семейств и обеспечение благосостояния их членов.

Города и деревни

В городе противоречивые результаты последовательных фаз политических мобилизаций и периодов разрядки проявляются быстрее, поскольку административная и политическая машина там более разработана, чем в деревне. Молодежь, во всяком случае в том, что касается ее профессии, находится под прямым контролем администрации, поскольку именно последняя предоставляет должность по окончании школы. Администрация же дает ордер для прописки или отказывает в нем, распределяет жилье и талоны

на ратионируемые товары. Кроме того, эволюция обычаев в городе идет быстрее, как из-за контактов с иностранцами, имеющих место уже в течение века, так и благодаря более высокому уровню образования. Сочетание всех этих элементов ослабляет власть семейства в вопросах брака. Однако встречи между девушками и юношами строго ограничиваются. Брак по любви терпим, но он остается исключением. Большинство браков заключается лишь после того, как родные, друзья семьи или коллеги по работе познакомят молодых людей. Следовательно, выбор супруга доверен другим людям, которые надеются, что они найдут молодого человека или девушку с хорошо оплачиваемой работой, предпочтительно на государственном предприятии, что дает доступ к страхованию на случай болезни и к пенсии. Но кроме супруга выбирают и его семью. При этом интересуются: располагает ли она достаточно просторным жильем, много ли в ней маленьких детей или стариков, которые будут на иждивении. Заключение брака влечет за собой крупные расходы, которые должны взять на себя юная чета и обе семьи: покупка мебели и домашних электрических приборов, свадебный банкет. Психологически и в финансовом отношении это, как утверждает традиция, «большое дело в жизни», даже если традиционные формы уже не соблюдаются.

В деревенской среде традиционные формы остаются почти нетронутыми. Если сохранение такой практики можно приписать более низкому по сравнению с городом уровню образования, следует признать, что поддержание традиционных форм брака имеет также и объективные причины, связанные с его патрилокальным характером. Заключение брака в наше время, как и в прошлом, требует переезда невесты к новому очагу. Поскольку женский труд снова приобрел ценность, то финансовые последствия такого переезда более заметны. Стоимость оплачиваемых семьей мужа свадебных подарков возросла, приданое уменьшилось и уже не компенсирует стоимость подарков. Более чем когда-либо подарки являются финансовой компенсацией за потерю члена семьи и приносившегося им дохода. Приданое же имеет целью повысить статус молодой жены в семье мужа и способствовать устройству нового очага. Оно также представляет причитающуюся ей часть наследства ее родных, чью генеалогиче-

ческую линию она покинула. Значит, уменьшение приданого влечет за собой потерю невесткой некоторой доли преимуществ, которые приносит ей признание ценности ее работы, и это тем более, что она исключается из наследования родителям мужа. Показательно, что размер приданого, кажется, возрос в тех районах, где недавняя деколлективизация позволила крестьянам повысить свои доходы.

В сельской местности при переезде женщины после свадьбы действуют те же актеры, что и прежде. Посредник устанавливает контакт между двумя семьями и обсуждает дело с их главами. Молодые люди не имеют почти никаких прав, кроме права вето: их знакомят, и если они не понравились один другому, проект в целом отменяется. Остальное их не касается. Именно родители определяют стоимость подарков, дату и порядок церемонии, часто сохраняющей традиционную форму. Административное вмешательство здесь гораздо более ограничено, чем в городе, и порой игнорируются как сущность, так и буква регламентаций, особенно, если они противоречат финансовым интересам семейств. Ведь в деревне расходы более значительны по сравнению со средствами, которыми располагают крестьяне, чьи доходы гораздо ниже доходов горожан. Не исчезли и обычаи, связанные с бедностью: брак детей, продажа женщин, детоубийство. Другие обычаи, более приемлемые, даже получили дальнейшее развитие, в частности обмен женами между двумя семьями, что позволяет уравновесить расходы. И в том и в другом случае отмечается, что коммунистическая идеология оказала весьма небольшое влияние на институт брака и семейную структуру.

Выбор супруга ни в коем случае не определяется одной любовью. Традиция согласуется с коммунистической идеологией в суровом осуждении либеральных и идеалистических идей, внушаемых западным влиянием, проникшим в крупные прибрежные города в середине столетия. Традиция видит в индивидууме звено в цепи поколений, а коммунистическая идеология — элемент, неотделимый от окружающей его экономической и социальной структуры. Любви двоих индивидуумов, их чувствам нет места в этой схеме. Супружеская любовь появляется потом как плод удачного и по традиционным, и по современным кри-

териям выбора, сделанного другими, более сведущими в этом деле, чем молодые люди. И последние, кажется, охотно принимают такую точку зрения. В браке по сговору они находят удовлетворение желания быть женатыми, потому что стремление вступить в брак является всеобщим. Удовлетворение потребностей пола играет, конечно, некоторую роль, но в Китае царит целомудрие, и пресса затрагивает сексуальные проблемы только в связи с фактами насилия, которое жестоко наказывается. Поэтому определить по этим свидетельствам подлинное место проблем пола невозможно. О них напоминают только жалобы супругов, разлученных назначением на должности в отдаленные места, «волопасов» и «ткачих», которые встречаются раз в год,— а мы видим, что их немало.

Если супруги не ожидают найти в браке большую любовь, они сберегают свою потребность в любви для детей. Именно на детей они возлагают все свои надежды. Они желают детям благосостояния и счастья, которых они не ждут для самих себя. Это чувство превозносится: кампании по ограничению рождаемости настраивают на любовь к единственному ребенку. Это также соответствует интересам родителей, потому что они знают — когда они состарятся, то будут зависеть в финансовом отношении от своих детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предуведомление

¹ Мы благодарны Иву Шеврие, содиректору Центра исследований и документации по современному Китаю Школы высших исследований в области общественных наук, за критику и замечания, которые он нам любезно сообщил.

Введение

¹ Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China. Chicago, 1978.

Глава первая

¹ Это положение развернуто Полем Холландером в статье «Частная жизнь в Китае» (Hollander P. La vie privée en Chine.— Le contrat social. Январь—февраль 1964, с. 38—43).

² Beijing Information. 16.03.1981, с. 23.

³ Жэньминь жибао. 12.03.1983; Цзинь Хуа, Янь Вэнь. Хуньинь цзятин фалюй гувэнь (Юридические советы о браке и семье). Пекин, 1981, с. 31—32; поездка в Народный Китай, осень 1983 г.

⁴ См.: Meijer M. J. Marriage Law and Policy in the Chinese People's Republic. Hong Kong, 1971, с. 179—180.

⁵ В Шанхае имелись по одному на квартал (Синьминь ваньбао. 20.09.1982).

⁶ Во всяком случае, именно это утверждает «Чжунго фачжибао» (30.10.1981).

⁷ Чжунго фачжибао. 08.01.1982.

⁸ Напротив, «Жэньминь жибао» жаловалась (29.09.1983), что в уезде Яньчжун провинции Цзянси брак регистрируют лишь для перемены места жительства или после рождения ребенка.

⁹ China Recontracts. 1981, № 3, с. 20 (возможно, эта провинция представляет собой исключительный случай). О подобных примерах см. также: Миньчжуй фачжи. 1979, № 3, с. 40; 1980, № 1, с. 43; Синьминь ваньбао. 12.10.1982.

¹⁰ Чжунго фунюй. 1981, № 8, с. 26—27. Об аналогичных случаях см. также: Чжунго фачжибао. 03.04.1981 и 21.10.1983; Жэньминь жибао. 12.03.1983.

¹¹ Чжунго фачжибао. 25.12.1981 и 05.02.1982.

¹² Жэньминь жибао. 04.08.1980.

¹³ Хуньинь аньцзянь и бай ле (Сто дел, относящихся к браку). Шанхай, 1981, с. 18—19.

¹⁴ Миньчжуй фачжи. 1980, № 12, с. 40—41.

¹⁵ См., например: Миньчжу юй фачжи. 1979, № 3, с. 40; Чжунго фачжибао. 13.11. и 25.12.1981.

¹⁶ Миньчжу юй фачжи. 1979, № 2, с. 40.

¹⁷ Миньчжу юй фачжи. 1980, № 3, с. 38; 1981, № 4, с. 46.

¹⁸ Чжунго фачжибао. 18.02.1983.

¹⁹ Цзиши няндай. 1984, № 2, с. 67.

²⁰ Чжунго фачжибао. 04.12.1981.

²² Миньчжу юй фачжи. 1980, № 12, с. 38; см. также: Beijing Information. 19.10.1986, с. 6.

²³ Жэньминь жибао. 04.08.1981.

²⁴ Чжунго циннянь. 1981, № 8, с. 4.

²⁵ Чжунго циннянь. 1982, № 3, с. 60—61.

²⁶ Эти два маленьких объявления были опубликованы соответственно в «Циннянь идай» (1980, № 6, с. 49) и в «Шичан» (1981, январь). Они вместе с пятью другими переведены и откомментированы в статье Хуа Чанмина и Жильбера Падуля «Милая, я люблю тебя в Шанхае» (*Hua Changming, Padoul G. Chérie je t'aime, à Shanghai.*— *Le Débat.* 1981, июль, с. 90—100).

²⁷ Далее в репортаже говорится, что 45% клиентов этого бюро окончили университет и 13% — вторую ступень средней школы.

²⁸ *Women in China.* 1981, апрель, с. 39—40.

²⁹ *Le Monde.* 24—25.04.1983; см. также: Чжунго байкэ няньцзянь 1981. Пекин, 1981, с. 542; Жэньминь жибао. 04.07.1984; Beijing Information. 10.02.1986, с. 15—19.

³⁰ Гуанцзяоцзин. 1984, март, с. 32.

³¹ *Littérature chinoise.* 1981, № 9, с. 118.

³² Т. е. помещики, богатые крестьяне, контрреволюционеры и правые уклонисты.

³³ Миньчжу юй фачжи. 1980, № 11, с. 25.

³⁴ Чжунго циннянь. 1965, № 9, с. 26.

³⁵ Жэньминь жибао. 09.08.1978.

³⁶ Китайские газеты за 1956—1957 гг. были открыты для жалоб, порожденных такой практикой. См., например: Чжунго циннянь бао. 24.12.1956; Жэньминь жибао. 12.01.1957.

³⁷ Чжунго циннянь. 1980, № 4, с. 19.

³⁸ Минбао юэкань. 1982, январь, с. 39—40. В книге «Сын революции» (*Liang Heng. Son of the Revolution.* N. Y., 1983) Лян Хэн рассказывает, как его отец и мать развелись после того, как мать была в 1957 г. наказана за правый уклон. Гонконгский журнал «Гуаньчацзя» («Наблюдатель») в номере от марта 1979 г. (с. 16) рассказывает о случае с писателем Хаймо, который был вынужден трижды разводиться до своего самоубийства во время «культурной революции».

³⁹ Из многочисленных рассказов, которые напрасно было бы все приводить, следует запомнить рассказ гонконгского журнала «Байсин» («Простой народ») о трагедии писателя Дай Хоуин (№ 62, с. 17—22).

⁴⁰ Ван Баочуань — героиня оперы, прославленная за свою верность мужу, ушедшему на войну сразу после женитьбы.

⁴¹ См.: Гуаньчацзя. № 37, с. 43—45.

⁴² Миньчжу юй фачжи. 1979, № 2, с. 41. Аналогичный случай можно найти в «Чжунго фачжибао» (29.01.1982).

⁴³ Чжунго фачжибао. 20.01.1982; Синьминь ваньбао. 26.02.1982; писатель Ю Лоцзинь подтверждает это явление (*Yu Luojin. Le nouveau conte d'hiver.* P. 1982, с. 22).

⁴⁴ См.: *Hua Changming. La condition féminine et les commu-*

nistes chinois en action, Yapan 1935—1946. P., 1981 (особенно с. 103—112).

⁴⁵ А п с а р ы — в индуистской мифологии полубожественные женские существа, обитающие как в небе, так и в реках, на горах и т. д. (Примеч. пер.).

⁴⁶ Béja J.-P., Zafanolli W. La face cachée de la Chine. P., 1981, с. 60.

⁴⁷ Frolic M. C. Mao's People, Sixteen Portraits of Life in Revolutionary China. Cambridge, 1980, с. 52—53.

⁴⁸ Среди многочисленных свидетельств об изнасилованиях, совершенных кадровыми работниками, назовем: *Holsman M. Avec les Chinois*. P., 1981, с. 146; *Sidane V., Zafanolli W. Procès politiques à Pékin*. P., 1981, с. 197 и сл. (рассказ об изнасиловании Фу Юэхуа, одной из наиболее известных «жалобщиц» начала 1979 г.) и знаменитый сценарий фильма «В архивах общества» (в кн.: *Denès H. Le retour du pere*. P., 1981). Писатель Чэнь Жоси рассказал (Миньбао. 04.05.1978), что кадровые работники, уличенные в изнасиловании, как правило, не представляли перед судом.

⁴⁹ См., например: AFP (Agence France-Presse). Пекин, 04.06.1982; Жэньминь жибао. 12.05.1980; Миньчжу юй фачжи. 1981, № 7, с. 38; 1982, № 9, с. 41, № 5, с. 27—29; Бэйцзин ваньбао. 14.11.1980.

⁵⁰ *Chen Johsi. Le préfet Yin*. P., 1978, с. 244—245 и 270.

⁵¹ *The Marriage Law of the Peoples Republic of China*. Peking, 1975, с. 6.

⁵² Особенно после доклада Верховного суда, распространенного Центральным комитетом в 1963 г. (Чжунго фачжибао. 17.04.1981).

⁵³ Beijing Information. 16.03.1981, с. 24.

⁵⁴ Так, в случае развода пособие по демобилизации не может быть разделено между супругами (Жэньминь жибао. 12.02.1983).

⁵⁵ Миньчжу юй фачжи. 1980, № 4, с. 37.

⁵⁶ Чжунго фачжибао. 05.11.1982.

⁵⁷ Beijing Information. 10.03.1986, с. 7. По этому вопросу полезно обратиться к статье: *Bianko L. La transition démographique en Chine populaire et à Taiwan*.— *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 1985, июнь, с. 5—44.

⁵⁸ В особое положение были поставлены не только районы национальных меньшинств, но и провинции Гуандун, где шесть категорий родителей выпадают из правила иметь одного ребенка (например, если их первый ребенок — девочка), и Шаньси, где двенадцать категорий выпадают из этого правила (*Le Monde*. 20—21.02.1983; поездка в Китай осенью 1983 г.). По словам Рене Дюмона, недоразвитый или больной ребенок дает право, по крайней мере в Юньнани, на вторую попытку (*Dumont R. La Chine décollectivise*. P., 1984, с. 171).

⁵⁹ Репортаж Джорджа Уолтера (*Le Point*. 21.06.1982, с. 136—137).

⁶⁰ Два типичных примера: *Шу Гуйянь* и *Ба Цзинян*. Фуньюй вэйшэн вэньда (Вопросы и ответы о гигиене женщины). Шаньян, 1976; Цзихуа шэньи и бай вэнь (Сто вопросов о планировании рождаемости). Хух-хото, 1982.

⁶¹ Ньюй циннянь цзинци вэйшэн (Менструальная гигиена девушки). Пекин, 6 г., с. 41.

⁶² Из многочисленной информации об этих поощрениях и на-

казаниях, распространяемой органами пропаганды, см. особенно: Чжунго фачжибао. 06.11.1981; AFP. 08.09.1982; Шэхуэй. 1983, № 2, с. 28; Dumont R. La Chine décollectivise, с. 137.

⁶³ Один из источников сообщает нам, например, что такие мероприятия в уезде Сясянь провинции Шэньси снизили уровень демографического роста с 2,24% в 1973 г. до 1,41% в 1974 г. См.: Цихуа шэньи гуанцзо цзяньхянь сюань (Сборник материалов по опыту планирования рождаемости). Тайюань, 1975, с. 1 и сл.

⁶⁴ Жэньминь жибао. 01.02.1980.

⁶⁵ Случай в Юньнани: Le Monde. 20—21.02.1983.

⁶⁶ Отчет о пресс-конференции министра Цзянь Синьчжуна можно найти в сообщении агентства Франс Пресс из Пекина от 21.03.1983. Источники о положении в Гуандуне, о которых нам сообщил Клод Обер, следующие: Радио Хайнань. 25.05.1983; Радио Кантон. 30.06. и 08.08.1983; Радио Хайнань. 16.09.1983; Наньфан жибао. 07.10.1983; Радио Кантон. 08.10.1983; Чжэнмин. Март 1984. Другие примеры авторитарности можно найти в: Гуаньмин жибао. 15.09.1978; Миньчжу юй фачжи. 1980, № 9, с. 35; Чжунго фачжибао. 06.11.1981.

⁶⁷ AFP. 29.04.1982; Le Monde. 06.11.1982; Beijing Information. 08.11. и 29.11.1982; 03.10.1983; 26.03.1984; 10.03.1986; La Chine en construction. 1983, № 6, с. 23.

⁶⁸ Баньюэ тань (Двухнедельная хроника). 1981, № 17, с. 25. В некоторых уездах провинции Хубэй эти средства извлекли до 80% женщин (Жэньминь жибао. 11.06.1981; см. также: Жэньминь жибао. 22.07.1981). См. также: Чжэнмин. Март 1984, с. 41. Le Monde (12—13.02.1983) перепечатал за подписью Аниты Ринд информацию из «Ляньхэбао» (Тайвань, 17.12.1982), из которой следует, что в июне 1982 г. в одной из деревень провинции Шаньси вспыхнул мятеж против насильственных абортов; погибло около 40 человек.

⁶⁹ Минбао. 17.07.1980; Жэньминь жибао. 11.04.1980 и 13.01.1984.

⁷⁰ См., например: China News Analysis. 15.01.1982, с. 5; Жэньминь жибао. 02.09.1981; Шэхуэй. 1982, № 2, с. 27.

⁷¹ С 1,83% в 1978 г. до 2,11% в 1982 г. (Beijing Information. 03.10.1983, с. 28).

⁷² См.: La Chine en construction. 1983, июль, с. 23.

⁷³ Лю Синъю и др. Жан усэмэнь лай таолунь айцин (Поговорим о любви). Шанхай, 1979, с. 7.

⁷⁴ Байсин. № 3, с. 32.

⁷⁵ Жэньян чули айцин шэнхо чжундэ маодунь (Как решать трудности, встречающиеся в жизни влюбленных). Шанхай, 1980, с. 48.

⁷⁶ См., например, репортаж Аниты Ринд в «Le Monde» (24—25.04.1983).

⁷⁷ Миньчжу юй фачжи. 1982, № 6, с. 35. Один из корреспондентов Лю Синъю в названной выше книге (см. примеч. 73) рассказывает, как в 70-х годах романы о любви ходили из рук в руки среди сосланных в деревню молодых людей (с. 11—14).

⁷⁸ Информация из дипломатического источника получена в Пекине в мае 1982 г.

⁷⁹ «Бэйцзин жибао» посвятила ей две статьи (29.06. и 11.08.1980), «Жэньминь жибао» — одну (02.05.1981).

⁸⁰ Перевод см.: Le Monde. 01.03.1981.

⁸¹ Поездка в Китай осенью 1983 г. См. также: Миньчжу юй

фачжи. 1980, № 2, с. 42 и 1981, № 5, с. 46; *Holzman M. Avec les Chinois*, с. 113.

⁸² Рассказ Чжан Сюаня «Уголок, забытый любовью» был опубликован в кн.: *Ли Тай, Ба Хуа*. Чжунго синь сеши чжуи вэнь цзопинь сюань (Сборник произведений китайских неореалистов). Гонконг, 1980, с. 261—271.

⁸³ Циши няндай. 1984, № 2, с. 68; *Bernstein R. From the Center of the Earth*. Boston, 1982, с. 174.

⁸⁴ Миньбао. 10.05.1977. Речь идет о пособии «Синдэ чжиши» (Знания о сексе), выпущенном в 1957 г. пекинским издательством «Жэньминь чубаньшэ» тиражом миллион экземпляров.

⁸⁵ Чжэнмин. Апрель 1986, с. 39—40.

⁸⁶ *Шу Гуйинь, Ба Цзиньян*. Фунюй вэйшэн вэньда, с. 27.

⁸⁷ Чтобы остаться на китайской почве: пособие, выпущенное в 1963 г. в Гонконге, рекомендует совершенно драконовское половое воздержание. См.: *Яо Линси*. Циньянь цзехун чжидао (Справочник о браке для молодежи). Гонконг, 1963, с. 60.

⁸⁸ Чжунго фачжибао. 21.05.1982.

⁸⁹ Жэньминь жибао. 29.10.1983; *Inside the Chinese Mainland*. 1983, декабрь, с. 9—10.

⁹⁰ См., например: Миньчжу юй фачжи. 1980, № 3, с. 27; Вэньхуэйбао. 11.06.1980; *Hong Kong Times*. 28.07.1980; Бэйцзин жибао. 23.02.1982; Циши няндай. 1984, февраль, с. 69.

⁹¹ См. особенно: Миньбао. 21.12.1979; 07.01 и 21.03.1980; Миньчжу юй фачжи. 1979, с. 31—33; Бэйцзин жибао. 29.06.1980; Жэньминь жибао. 03.08.1980; Гуанмин жибао. 31.07.1981.

⁹² См. перевод Клода Видора («Esprit». 1979, № 4, с. 100).

⁹³ Несколько примеров, которыми мы располагаем, создают впечатление о небольших масштабах проституции. См.: Миньчжу юй фачжи. 1981, № 6, с. 17; 1983, № 3, с. 31.

⁹⁴ Миньбао. 22.07.1978; Байсин. 16.04.1982; Шидай синьвэнь. 14.05.1983, с. 25—26; Цини няндай. 1984, февраль, с. 68; *Holzman M. Avec les Chinois*, с. 129.

⁹⁵ См.: Миньчжу юй фачжи. 1980, № 4, с. 29; 1981, № 10, с. 46; 1984, № 3, с. 46; Хуньинь аньцзян и бай ле, с. 66—67 и 124—125.

⁹⁶ Чэнь Шубао, Ю Чжунлунь, Тан Сюоцзян. Лианай шуцзянь (Письма о любви). Чэнду, 1982, с. 16—17; Цзэньян чули айцин шэнхэ чжун дэ маодунь, с. 87—91.

⁹⁷ Бэйцзин ваньбао. 23.03.1982; Миньчжу юй фачжи. 1981, с. 30; Хуньинь аньцзян и бай ле, с. 90. В «Миньчжу юй фачжи» (1982, № 2, с. 21—22) можно найти анализ двадцати преступлений на почве ревности, совершенных в Шанхае в 1980 г.; о других случаях того же типа см.: Миньчжу юй фачжи. 1981, с. 43 и Хуньинь аньцзян и бай ле, с. 133—134. «Миньбао» (14.06.1978) сообщала, как в Гуанчжоу двое влюбленных убили и расчленили на куски любовника молодой женщины. Писатель Чэнь Жоси упоминает в «Миньбао» (05.05.1978) аналогичное преступление: на этот раз в 1971 г. в Нанкине была убита женщина.

⁹⁸ Цифры даны в бюллетене Синьхуа (1982, № 2, № 4, с. 17 и 55); *Beijing Information*. 27.10.1980.

⁹⁹ *Pasqualini J. Prisonnier de Mao*. 1973, с. 25.

¹⁰⁰ Жэньминь жибао. 22.08.1983; «Чжунго фачжибао» (19.03.1982) также требовала особой строгости по отношению к «третьим лицам».

¹⁰¹ Чжунго фунюй. 1982, № 5, с. 20—21.

¹⁰² Соответственно словам одного из персонажей романа Чжан Сяотяня «Секретный документ, известный всем» (Дандай 1982, № 1), который говорит: «Чтобы поддерживать общественный порядок, законодательство всегда покровительствовало только семье и законному браку, а не любви».

¹⁰³ The Marriage Law of the Peoples Republic of China, с. 5.

¹⁰⁴ Миньбао юэкань. 1982, январь, с. 39—40.

¹⁰⁵ Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 110—111.

¹⁰⁶ Beijing Information. 16.03.1981, с. 24.

¹⁰⁷ См., например: Гуанминь жибао. 01.08.1981; Чжунго фачжибао. 26.08.1983; Beijing Information. 03.10.1983, с. 9.

¹⁰⁸ Чжунго фачжибао. 05.11.1982.

¹⁰⁹ Чжунго фачжибао. 21.05.1982.

¹¹⁰ По данным «Чжунго байкэ няньцзянь 1981», с января по сентябрь 1980 г.—47,5% (с. 543).

¹¹¹ Со слов одного из руководителей Верховного суда (Чжунго фачжибао. 05.08.1983). В Шанхае число дел о разводе, рассмотренных в 1981 г., хотя и значительно превышало данные предыдущих лет, было равно числу дел, рассмотренных в 1965 г. (Шэхуэй. 1982, № 2, с. 54).

¹¹² Шэхуэй. 1982, № 2, с. 17; Beijing Information. 04.02.1985, с. 16—18.

¹¹³ Beijing Information. 04.05.1981, с. 24.

¹¹⁴ Шэхуэй. 1984, № 6, с. 15. Пэриш и Уайт показывают тем не менее, что процент разводов в Китае не намного ниже, чем на Тайване, но выше, чем в Сингапуре (Urban Life in Contemporary China. Chicago—Paris, 1984, с. 188—189).

¹¹⁵ Волопас и Ткачиха — двое влюбленных, которых гнев богов превратил в звезды, разделенные Млечным Путем. Им разрешено встречаться один раз в год на мосту из птичьих хвостов (подробнее см.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Изд. 2-е. М., 1987, с. 108—110).

¹¹⁶ Гуаньчацзя. 1979, март, с. 69—70.

¹¹⁷ Жэньминь жибао. 04.11.1980.

¹¹⁸ Гунжэнь жибао. 24.02.1985.

¹¹⁹ Жэньминь жибао. 07.03.1981.

¹²⁰ Баньюэтань. 1982, № 7, с. 12—13. См. также: Гуанминь жибао. 03. и 06.11.1981; Жэньминь жибао. 20.05.1980 и 10.04.1983; Бэйцзин ваньбао. 17.03.1981.

¹²¹ Bernstein R. From the Center of the Earth, с. 164.

¹²² Миньчжу юй фачжи. 1982, № 2, с. 30—31; аналогичный пример можно найти в «Чжунго фачжибао» (02.10.1981).

¹²³ Разительный случай см.: Миньчжу юй фачжи. 1981, № 3, с. 42.

¹²⁴ См., например: Миньчжу юй фачжи. 1981, № 5, с. 24—25; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 10, 26—27, 123—124.

¹²⁵ См., например: Минбао. 28.10.1977 и Yuan Tian. Age at Marriage in the PRC.—China Quarterly. 1983, март, с. 104.

¹²⁶ Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China. Chicago, 1978, с. 164.

¹²⁷ См. данные, приводимые Юань Тянем в упомянутой выше статье (La Chine en construction. 1983, № 8, с. 32) и в «Women in China» (1983, № 7, с. 39), где дается пример из провинции Хубэй.

¹²⁸ Parish W. and Whyte M. Urban Life in Contemporary China, с. 113—117.

- ¹ Баньюэтань. 1980, № 8, с. 22.
- ² *Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China*, с. 190—192.
- ³ Там же, с. 184—185.
- ⁴ Вот почему Пэриш и Уайт говорят о «системе косвенного приданого». Там же, с. 182.
- ⁵ Там же, с. 188—189.
- ⁶ *Thireau I. Politique et tradition: le mariage paysan depuis 1949 en Chine.*— Mémoire de DEA, INALCO. October 1981, с. 56—58.
- ⁷ См., например: *Inside China Mainland*. 1980, май, с. 20; *Li-ang Heng. Son of the Revolution*, с. 177, 198; Миньчжу юй фачжи. 1982, № 10, с. 26.
- ⁸ См., например: Чжаньван. 1979, февраль, с. 2; Жэньминь жибао. 14.01.1980; Наньфан жибао. 06.10.1980.
- ⁹ Чжунго фачжибао. 25.02.1983; AFP. 30.05.1983; *Le Monde*. 24—25.04.1983.
- ¹⁰ Чжэнмин. 1979, октябрь, с. 43.
- ¹¹ См., например: Дагунбао (Гонконг). 25.07.1978; *Le Monde*. 24—25.04.1983.
- ¹² См. также: Минбао. 28.12.1979; 12.04.1980; *Hong Kong Times*. 29.06.1980; *Thireau I. Politique et tradition: le mariage paysan depuis 1979 en Chine*, с. 41.
- ¹³ *Frolic M. Le peuple de Mao*. P., 1982, с. 87—89.
- ¹⁴ См., например: Жэньминь жибао. 14.01.1980; Минбао. 25.01.1980; Дагунбао (Гонконг). 25.07.1978; Чжунго фачжи бао. 22.01.1982; Миньчжу юй фачжи. 1982, № 10, с. 26; *Цзян Юаньмин, Ли Канчжэнь. Лянай юй цзятин (Любовь и семья)*. Цзянсу, 1981, с. 78.
- ¹⁵ *Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China*, с. 187.
- ¹⁶ Приведено Анитой Ринд (*Le Monde*. 24—25.04.1983).
- ¹⁷ См.: Миньчжу юй фачжи. 1982, № 10, с. 26, 31.
- ¹⁸ См.: Дагунбао (Гонконг). 25.07.1978; Чжунго фачжибао. 17.03.1981.
- ¹⁹ Миньчжу юй фачжи. 1981, № 12, с. 46; AFP. 27.05, 24.09.1982; 30.05.1983; Фалю гувэнь (Юридические советы). Шанхай, 1981, с. 95—96; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 37—39; Чжунго фачжибао. 17.04.1981; 20.05.1983; Минбао. 02.12.1979.
- ²⁰ *La Chine en construction*. 1983, октябрь, с. 50; *Цзян Юаньмин, Ли Канчжэнь. Лянай юй цзятин*, с. 96.
- ²¹ Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 29—30.
- ²² Журнал «Чжунго фунюй» сообщает, например, о самоубийстве девушки, принуждаемой вступить в брак в связи с браком ее старшего брата, в то время как она любила человека из другой семьи (1981, № 5, с. 38).
- ²³ См., например: Минбао. 23.12.1979; Чжунго фачжибао. 20.05.1983.
- ²⁴ Об этой новой сельской политике см. досье, опубликованное Клодом Обером и Аленом Лефевром (*Aujourd'hui la Chine*. 1984, апрель).
- ²⁵ Чжунго фунюй. 1981, № 10, с. 41.
- ²⁶ Хуа Шанмин описывает этот обычай для 40-х годов в провинции Шэньси (с. 28—29).
- ²⁷ Пример для Восточного Китая см.: Хуньинь аньцзянь и бай

де, с. 107—110, 24—25; для Шаньдуна в 1978 г.— Чжунго фунюй. 1978, № 2, с. 28. Статья в шанхайском журнале «Шэхуэй» признает, что этот обычай вновь появился в некоторых сельских районах, и анализирует его традиционные составляющие (1983, № 1, с. 35—38). См. также: *Butterfield F. China, Alive in a Bitter Sea*. N. Y., 1982, с. 167.

²⁸ Баньюэтань. 1980, № 5, с. 34—35.

²⁹ Чжунго фачжибао. 04.02.1983.

³⁰ Жэньминь жибао. 14.01.1981; 18.02.1983; Наньфан жибао. 16.01.1981; Чжунго фунюй. 1981, № 15, с. 12—15; Сычуань жибао. 06.01, 11.02.1983; A. F. P. 13.02.1983; *China Daily*. 23.08.1983; Миньчжу юй фачжи. 1981, № 3, с. 43—44, № 10, с. 40; Чжунго фачжибао. 29.01.1982; 08.07.1983; *Butterfield F. China, Alive in a Bitter Sea*, с. 255.

³¹ Гуаньчацзя (Обозреватель). Гонконг, 1979, май, с. 70—71. В работе Хуа Шанмина можно найти попытку объяснения недостатка женщин в провинции Шэньси того времени (*La condition féminine et les communistes chinois en action*. Iap'an, 1935—1946, с. 16—17) и упоминание о подобных обычаях в Ганьсу (с. 25—26).

³² Поездка в Китай осенью 1983 г.

³³ *China Daily*. 07.09.1983. Та же газета сообщила 2 апреля 1985 г. еще более высокие цифры (от 3500 до 5000 юаней) общей стоимости свадьбы.

³⁴ *Beijing Information*. 03.05.1982; Жэньминь жибао. 07.03.1983 с. 21—25.

³⁵ Устная информация.

³⁶ Чжунго цзачжи (Тайбэй). 1980, февраль, с. 129. Следует заметить, что «девять» и «вино» звучат почти одинаково (*цзю*). В журнале «Гуанчацзя» за февраль 1980 г. можно найти другую считалочку, того же типа (с. 19).

³⁷ См., например: Минбао (Гонконг). 06.07.1979; 23.01.1981; Хуньинь аньцзянь и бай ле. 21.09.1982, с. 7—9; Синьминь ваньбао.

³⁸ Цзефан жибао. 20.11.1981.

³⁹ См., например: Минбао. 06.10.1979; 12.06.1980; 04.02.1981; *Hong Kong Times*. 23.08.1980; Баньгу (Гонконг). 1978, май, с. 30—34.

⁴⁰ *Klatt W. The Staff of Life: Living Standards in China, 1977—1981*.— *China Quaterly*. 1983, март, с. 40.

⁴¹ *Holzman M. Vivre avec Chinois*, с. 114.

⁴² *Beijing Information*. 03.05.1982.

⁴³ Миньчжу юй фачжи. 1981, № 12, с. 46.

⁴⁴ Жэньминь жибао. 06.10.1979; Шэхуэй. 1983, № 4, с. 32.

⁴⁵ Синь шици (Новое время). 1980, № 5, с. 27—28.

⁴⁶ Шэхуэй. 1983, № 1, с. 33—34. См. также газеты «Гуанмин жибао» (05.11.1980) о ситуации в Ухани и «Жэньминь жибао» (06.10.1978) о жилищном кризисе в Тяньцзине.

⁴⁷ *La Chine en construction*. 1983, июнь, с. 37.

⁴⁸ Минбао. 20.04.1980.

⁴⁹ *Le retour du père*. P., 1981, с. 79—106.

⁵⁰ *Domenach J.-L. Aux origines de Grand bond en avant*. P., 1982, с. 74.

⁵¹ Квартал «внутреннего города» в Пекине, где живут руководящие работники партии и государства (*Примеч. пер.*).

⁵² Гуанчацзя. 1979, № 8, с. 32. Перевод этого письма можно найти также в кн.: *Sidane V. Le printemps de Pekin*. P., 1980, с. 97—100.

- ⁵³ Среди тысячи примеров см.: Гуанмин жибао. 27.09.1980; Жэньминь жибао. 24.05.1983.
- ⁵⁴ *Holzman M. Avec les Chinois*, с. 41.
- ⁵⁵ Чжунго циннянь. 1981, № 1, с. 9; Синьминь ваньбао. 11.12.1982.
- ⁵⁶ *Parish W. and Whyte M. Urban life in Contemporary China*, с. 144.
- ⁵⁷ Миньчжу юй фачжи. 1981, № 4, с. 45.
- ⁵⁸ *Holzman M. Avec les Chinois*, с. 46—47.
- ⁵⁹ Против соответственно 500 и 270 юаней в 1982 г.— быстрый прогресс за несколько лет. Однако доходы остальных остаются низкими (один юань — менее четырех франков). См.: *Beijing Information*. 24.03.1986; 16.05.1983.
- ⁶⁰ *Parish W. and Whyte M. Urban life in Contemporary China*, с. 183—184. Однако журнал «Шэхуэй» указывает, что в одном из уездов в окрестностях Шанхая ссоры из-за денег составляют около половины причин разводов (Шэхуэй. 1982, № 2, с. 55). В одном из районов Пекина эта доля меньше (*Beijing Information*. 27.10.1980). Она очень мала в одном из районов Шанхая (Шэхуэй. 1982, № 2, с. 17).
- ⁶¹ Шэхуэй. 1981, № 1, с. 41.
- ⁶² Там же, с. 40.
- ⁶³ Синьминь ваньбао. 11.12.1982; Жэньминь жибао. 15.04.1983; Миньчжу юй фачжи. 1982, № 10, с. 46; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 17—18; *Жэнь Годяо*, с. 55. Следует отметить, что в ряде случаев семья мужа сама организует вступление вдовы в новый брак, так как она его оплачивает (Чжунго фачжибао. 19.09.1980; *Holzman M. Avec les Chinois*, с. 124).
- ⁶⁴ См., например: Синьминь ваньбао. 11.12.1982.
- ⁶⁵ По переписи 1982 г. вдовы составляют 7,18% населения в возрасте свыше 15 лет (*Beijing Information*. 02.01.1984, с. 8).
- ⁶⁶ Шэхуэй. 1983, № 4, с. 32. *Beijing Information*. 30.01.1984, с. 11. В Шанхае число уходящих с работы возросло со 100 тыс. в 1952 г. до 1,1 млн. в 1982 г. (а всего в стране 10 млн.). См.: Шэхуэй. 1983, № 1, с. 46—47.
- ⁶⁷ *Beijing Information*. 16.03.1982, с. 24.
- ⁶⁸ По данным Фокса Баттерфилда, в них содержится 28% городских детей дошкольного возраста (*Butterfield F. China, Alive in a Bitter Sea*, с. 172).
- ⁶⁹ *Beijing Information*. 13.02.1984, с. 22.
- ⁷⁰ Миньчжу юй фачжи. 1982, № 8, с. 41. Аналогичный случай см.: Чжунго фачжибао. 12.12.1980.
- ⁷¹ Чжунго фачжибао. 09.10.1981.
- ⁷² Чжунго фунюй. 1981, № 1, с. 41.
- ⁷³ Чжунго фачжибао. 05.02.1982.
- ⁷⁴ Другие типичные случаи можно найти в: Миньчжу юй фачжи. 1980, № 3, с. 34 и № 4, с. 44; 1981, № 11, с. 33; Жэньминь жибао. 25.06. и 19.11.1980; 26.02.1983; Бэйцзин жибао. 24.12.1979 и 12.07.1980; Синьминь ваньбао. 24.08.1982; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 58—64.
- ⁷⁵ Чжунго фунюй. 1982, № 4, с. 43. Аналогичный случай см.: Жэньминь жибао. 19.11.1980.
- ⁷⁶ Чжунго циннянь. 1982, № 8.
- ⁷⁷ *Ken Ling. La vengeance du ciel*. P., 1981, с. 64.
- ⁷⁸ *Beijing Information*. 13.02.1984, с. 22.
- ⁷⁹ *Beijing Information*. 16.03.1981, с. 24.

- ⁸⁰ Миньчжу юй фачжи. 1982, № 7, с. 44.
⁸¹ Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 74—75.
⁸² Миньчжу юй фачжи. 1980, № 6, с. 36; Фалю гувэнь, с. 140, 147—148. Следует отметить, что если какой-то пожилой человек, не имеющий детей, содержится своей производственной бригадой, то после его смерти имущество переходит к бригаде.
⁸³ Чжунго фачжибао. 25.12.1981.
⁸⁴ Миньчжу юй фачжи. 1980, № 10, с. 39. О допуске женщин к наследованию см.: Миньчжу юй фачжи. 1983, № 1, с. 45; Жэньминь жибао. 30.04.1983; Бэйцзин дасюэ сюэбао (Вестник Пекинского университета). 1983, № 3, с. 10; Beijing Information. 13.02.1984, с. 23.

Глава третья

¹ *Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China*, с. 169.

² Чжунго циньянь. 1980, № 9, с. 3.

³ Чжунго циньянь. 1980, № 1, с. 47.

⁴ *Pasqualini P. Le fils du prisonnier de Mao*, с. 190.

⁵ См.: Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 20—21 и 36—37; автобиографию Ю Лоцзинь (*Le nouveau conte d'hiver*), юной интеллигентки, которой мать помешала выйти замуж за разведенного мужчину, испытывавшего затруднения политического характера: Жэньминь жибао. 21.10.1985.

⁶ Чжунго циньянь. 1980, № 8, с. 38.

⁷ Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 16 и 36—37.

⁸ Миньчжу юй фачжи. 1979, № 3, с. 15; Beijing Information. 10.11.1980, с. 27.

⁹ Ху а ц я о — этнические китайцы, проживающие в других странах (*Примеч. пер.*).

¹⁰ Чжунго фачжибао. 06.05.1983. «Коллективный питомник», о котором говорится выше, принадлежал народной коммуне.

¹¹ Beijing Information. 10.11.1980, с. 27; Жэньминь жибао. 11.12.1978; Миньчжу юй фачжи. 1979, № 3, с. 15; Бэйцзин ваньбао. 21.03.1981; *Liang Heng. Son of the Revolution*, с. 259; Шэ-хуэй. 1983, № 4, с. 11.

¹² *Women of China*. Апрель 1981, с. 40.

¹³ *Butterfield F. China, Alive in a Bitter Sea*, с. 149.

¹⁴ Жэньминь жибао. 17.04.1982.

¹⁵ Циши няндай (Гонконг). № 163, с. 64—68.

¹⁶ См., например: Чжунго циньянь. 04.01.1955. В провинции Хэнань в 1956—1957 гг. стремление к власти было менее распространено, чем стремление в город; деревенские девушки старались выйти замуж за городского кадрового работника или рабочего (*Domenach J.-L. Aux origines du Grand bond en avant, le cas d'une province chinoise*, с. 72).

¹⁷ Синьминь ваньбао. 12.12.1982.

¹⁸ Миньчжу юй фачжи. 1981, № 5, с. 24—26; *Pasqualini P. Le fils du prisonnier de Mao*, с. 171; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 123—124.

¹⁹ Баньюэтань. 1980, № 11, с. 32.

²⁰ О случаях, когда семью бросают кадровые работники, см.: Миньчжу юй фачжи, 1979, № 5, с. 31—33; Жэньминь жибао. 31.03.1983; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 45; Об офицерах см.:

Чжунго фунюй. 1979, № 10, с. 40; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 131—133. Наконец, о крестьянках, покинутых своими мужьями, ставшими рабочими, см.: Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 26—27, 41—44, 123—124; Миньчжу юйфацжи. 1980, № 4, с. 47 и 1981, № 5, с. 24—26, 84—86; Чжунго фацжибао. 09.01.1981.

²¹ Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 132—133; Гуанминь жибао. 12.11.1980.

²² *Liang Heng*. Son of the Revolution, с. 281; *Parish W. and Whyte M.* Village and Family in Contemporary China, с. 183.

²³ *Parish W. and Whyte M.* Urban Life in Contemporary China, 139—141; *Pasqualini P.* Le fils du prisonnier de Mao, с. 152—154; *Thireau I.* Politique et tradition: Le mariage paysan depuis 1949 en Chine, с. 42.

²⁴ См.: *Frolic M. B.* Le peuple de Mao, с. 83 и след.; Циши няньдай. 1977, № 9, с. 78.

²⁵ Синьминь ваньбао. 18.02.1983.

²⁶ *Thireau I.* Politique et tradition: le mariage paysan depuis 1949 en Chine, с. 42—45.

²⁷ См.: Жэньминь жибао. 03.01.1981; Баньгу (Адам). 1978, № 5, с. 30—34; *Frolic M. B.* Le peuple de Mao, с. 90—94; Циши няньдай. 1977, № 9, с. 79; и особенно: La Chine en construction. Сентябрь 1983, с. 8—11.

²⁸ В одной народной коммуне близ Шанхая, особенно богатой, накануне подавалось угощение для близких. На следующий день семейство молодого человека приглашало к себе семью молодой (поездка в Китай осенью 1983 г.).

²⁹ См., например: Бэйцзин жибао. 31.08.1981; AFP. 11.01.1982; Жэньминь жибао. 24.01. и 07.02.1983; Синьминь ваньбао. 16.01. и 10.02.1983.

³⁰ Долженствование, обязанность (англ.— *Примеч. пер.*).

³¹ Циши няньдай. Июнь 1982, с. 34—35.

³² В богатой народной коммуне в окрестностях Шанхая, которую мы посетили осенью 1983 г., затраты на банкет составляли от 500 до 600 юаней.

³³ См. особенно: Минбао. 30.01.1980; Бэйцзин жибао. 15.09.1981; Чжунго фацжибао. 11.03.1983.

³⁴ Жэньминь жибао. 02.12.1982. Следует отметить, что каждый стол насчитывает около 10 персон. Осенью 1983 г. стоимость стола в Гуаньчжоу поднялась до 100 юаней.

³⁵ Бэйцзин ваньбао. 08.05.1981. Аналогичный случай см.: Сычуань жибао. 12.02.1983.

³⁶ Жэньминь жибао. 16.02.1981.

³⁷ Жэньминь жибао. 29.01.1983.

³⁸ См., например: Жэньминь жибао. 28.10.1980 и 16.02.1981. Статьи, разоблачающие аналогичные излишества, можно найти в: Бэйцзин жибао. 30.06.1980; Жэньминь жибао. 18.07.1980; Тяньцзинь жибао. 08.01.1983.

³⁹ Жэньминь жибао. 26.01.1983.

⁴⁰ О других свадебных путешествиях см. также: Шичан (Рынок). 25.04.1980; China Daily. 07.09.1983, где средние расходы свадебного путешествия оцениваются в 97 юаней.

⁴¹ Чжунго циннянь. 1983, № 3, с. 63. Аналогичный случай см.: Чжунго циннянь бао. 13.09.1981; Ляо Шибао, Ю Чжунлунь, Тан Сяоцян. Ляньбай шуцзянь (Письма о любви). Чэнду, 1982, с. 138—139.

⁴² О Шанхае см.: Вэньхуэй бао. 07.11.1982.

⁴³ Чжунго циннянь. 1983, № 3, с. 62.

⁴⁴ Закон запрещает брак только в тех случаях, если «между двумя сторонами есть родство по прямой или боковой линии до третьей степени родства» (Beijing Information. 16.03.1981, с. 23)

⁴⁵ Чжунго фачжи бао. 16.07.1982.

⁴⁶ Чжунго циннянь. 1983, № 3, с. 62. Несовместимость между фамилиями Пань и Ян — традиционная тема китайской оперы, послужившей основой для очень известного в Народном Китае фильма «Генералы семьи Ян».

⁴⁷ Чжунго фачжи бао. 06.05.1983.

⁴⁸ *Parish W. and Whyte M. Urban Life in Contemporary China*, с. 144. По данным опроса 600 семей в Нанкине в начале 80-х годов, 59% составляли мелкие семьи (поездка в Китай осенью 1983 г.) и 31% — семьи, в которых жили три поколения (в Шанхае из 138 семей 28,8%; см. Шэхуэй. 1983, № 4, с. 11).

⁴⁹ Поездка в Китай осенью 1983 г.

⁵⁰ *Croll E. Politics of Marriage in Contemporary China*. Cambridge, 1981, с. 162—163.

⁵¹ Пресса упорно поощряет практику, которая, очевидно, еще не стала обычаем. Можно сослаться, например, на «Хэнань жибао» от 04.04.1981 и «Жэньминь жибао» от 11.02.1983. К традиционным концепциям относятся и забота о сохранении лица (в семье), и забота о том, чтобы местное население не росло численно (у властей). См.: *Нин Цин. Цзятин вэньти тунсинь* (Письма о проблемах семьи). Чанша, 1981, с. 126. Тем не менее случается, что крестьянин, имеющий нескольких сыновей, допускает, чтобы один из них жил в семье жены — ее финансовые требования будут в таком случае меньше.

⁵² *Women of China*. July 1983, с. 38—39.

⁵³ Бэйцзинь дасюэ сюэбао (Ученые записки Пекинского университета). 1983, № 3, с. 12—13.

⁵⁴ Благодаря стимулу, который дала сельской экономике политика деколлективизации, крестьяне построили с 1979 по 1982 г. 2,1 млн. кв. м площади, или в 7,5 раза больше, чем государство в городах, и почти в 2 раза больше в расчете на одного жителя. См.: *Dumont P. La Chine décollectivise*, с. 90—91.

⁵⁵ *Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China*, с. 211—213.

⁵⁶ Чжунго фачжи бао. 27.08.1982.

⁵⁷ Чжунго фунюй. 1982, № 3, с. 19.

⁵⁸ Чжунго фунюй. 1983, № 2.

⁵⁹ Шэхуэй. 1982, № 2, с. 55. Примеры конфликтов между свекровью и невесткой можно найти в: Хэнань жибао. 21.01.1981; Миньчжу юй фачжи. 1982, № 6, с. 47 и 1983, № 2, с. 33; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 71—72.

⁶⁰ Циши няньдай. 1978, № 3, с. 70; *Нин Цин. Цзятин вэньти тунсинь*, с. 113.

⁶¹ Шэхуэй. 1982, № 2, с. 57.

⁶² Пэриш и Уайт полагают на основании своего опроса, что в случае спора 20% мужчин признают правоту матери, а 56% не определяют заранее свою позицию. См.: *Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China*, с. 217.

⁶³ Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 68—69.

⁶⁴ *Klatt W. The Staff of Life: Living Standart in China, 1977—1981.—China Quarterly*. Март 1983, с. 22. Агентство Синьхуа. 3 сентября 1963 г.

- ⁶⁵ Beijing Review. 07.01.1980.
- ⁶⁶ См.: Beijing Review. 1981, № 11, с. 6 и № 12, с. 5.
- ⁶⁷ Шэхуэй. 1983, № 1, с. 30.
- ⁶⁸ Parish W. and Whyte M. Village and Family in Contemporary China, с. 242—243.
- ⁶⁹ Шэхуэй. 1983, № 2, с. 17. См. также: Шэхуэй. 1983, № 4, с. 11. По данным одного опроса, проведенного в Пекине, мужчина имеет в среднем 3,3 часа досуга в день, а женщина 1,8 часа.
- ⁷⁰ Примеры запугивания женщин можно найти в «Миньчжуй фачжи» (1979, № 4, с. 41, № 9, с. 45), их унижения — в «Жэньминь жибао» (26.06.1980). Об избивении женщин см.: Бэйцзин жибао. 03.12.1980; Хэнань жибао. 21.01.1981; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 67—68, 50—52 (Фокс Баттерфилд сообщает в книге «Китай: жизнь в море горечи», что приблизительно пятая часть письменных жалоб, получаемых Всекитайской федерацией женщин, исходят от избитых жен). Об убийствах женщин женихом или мужем см.: Миньчжуй фачжи. 1979, № 3, с. 33; 1980, № 7, с. 30; 1982, № 8, с. 21; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 134.
- ⁷¹ Миньчжуй фачжи. 1981, № 8, с. 21.
- ⁷² Чжунго фунюй. 1982, № 9, с. 22.
- ⁷³ Yuan Tien H. Age at Marriage in the PRC.— China Quarterly. 1983, № 3, с. 90 (цитируются данные опроса, проведенного Нанкинским университетом и опубликованные в 1980 г.).
- ⁷⁴ Жэньминь жибао. 23.02.1983. Аналогичные примеры см.: Жэньминь жибао. 31.01. и 09.04.1983; Чжунго фачжи бао. 11.02.1983; Хуньинь аньцзянь и бай ле, с. 55—56 и 102—103; Liberation. 30.06.1982.
- ⁷⁵ Жэньминь жибао. 07.04.1983.
- ⁷⁶ См., например: Чжаньван (Гонконг). 01.02.1979, с. 2; Frolic M. B. Le peuple de Mao, с. 202 и 210.
- ⁷⁷ См. особенно: Минбао. 17.02.1981; Чжунго фачжибао. 09.01.1981; Синьминь ваньбао. 12.02.1983; Шэхуэй. 1983, № 1, с. 28—30, № 2, с. 27—30; Миньчжуй фачжи. 1983, № 3, с. 28; Жэньминь жибао. 31.01, 23.02, 07.04.1983; Beijing Information. 25.04.1983 и (интересный синтез) Le Monde. 19.04.1983, а также статью Мишеля Картье (Courrier des pays de l'Est. 1984, март).
- ⁷⁸ Жэньминь жибао. 07.04.1983.
- ⁷⁹ См. анализ Мишеля Картье в «Courrier des pays de l'Est» (1984, март, с. 38), а также: Жэньминь жибао. 18.04.1983; Beijing Information. 25.04.1983, с. 13.
- ⁸⁰ Beijing Information. 31.01.1983, с. 4.
- ⁸¹ Шэхуэй. 1983, № 2, с. 27. См. также: Жэнькоу яньцзю (Демографические исследования). 1983, № 3, с. 36—39.
- ⁸² Courrier des pays de l'Est. 1984, март, с. 50.
- ⁸³ Шэхуэй. 1983, № 2, с. 30.
- ⁸⁴ Beijing Information. 16.03.1981, с. 23.
- ⁸⁵ Цзинь Хуа, Янь Вэнь. Хуньинь цзятин фалкой гувэнь, с. 27—28.
- ⁸⁶ Жэньминь жибао. 16.02.1983.
- ⁸⁷ См., например: Фань Вэньчжан, Хуан Сяньгэн. Лианьай наньти эрши сань цзе (23 ответа на трудные вопросы о любви). Чжанчжоу, 1981, с. 56—61.
- ⁸⁸ Frolic M. B. Le peuple de Mao, с. 86—87.
- ⁸⁹ Чжунго циннянь. 1981, № 11—12, с. 61.
- ⁹⁰ См.: Фань Вэньчжан, Хуан Синьгэн. Лианьай наньти эрши сань цзе.

⁹¹ *Salat S.* Les politiques sociales en Chine. Thèse de troisième cycle. Université de Paris IX-Dauphine. P., 1983, с. 120.

⁹² См., например: *Жэнь Годяо.* Хуньинь цзятин вэньти цзеда. Тяньцзинь, 1980, с. 47 и след.

⁹³ Миньчжу юй фачжи. 1980, № 12, с. 39.

⁹⁴ Миньчжу юй фачжи. 1980, № 2, с. 35 и 1981, № 1, с. 46.

⁹⁵ Beijing Information. 16.03.1981, с. 24.

⁹⁶ Шэньхуэй. 1981, № 1, с. 37.

⁹⁷ Синь гуаньча (Новое обозрение). 1981, № 8, с. 24. Этот анализ подтверждает «Бэйцзин информэйши» (10.02.1986, с. 15—19), насчитывающая около 100 тыс. незамужних.

⁹⁸ Об этих «уголовных» разводах см.: Минбао. 04—05.06.1978; Синьминь ваньбао. 21.11.1982; Бэйцзин ваньбао. 14.07.1981; *Zaffanelli W.* Le président clairvoyant contre la veuve de timonier. P., 1978, с. 311.

⁹⁹ Миньчжу юй фачжи. 1980, № 2, с. 44.

¹⁰⁰ Миньчжу юй фачжи. 1981, № 5, с. 46, № 48, с. 44—45; Чжунго фачжибао. 02.01.1981.

Заклучение

¹ Survey of Wolrd Broadcasting. 03.01.1984.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Несколько слов о названии книги. Французское слово «mariage» имеет несколько значений: «брак; женитьба (замужество); свадьба». Но есть и такая поговорка «Autant de mariages, autant de ménages» — «Двум семьям под одной крышей не живется», где «марьяж» означает уже «семью, хозяйство». Как нетрудно было убедиться прочитавшим эту книгу, ее авторов интересовали сюжеты, далеко выходящие за пределы первых словарных значений — речь ведь идет не только о свадьбе и том, что ей предшествует или сопутствует (сватовство, сговор, поездка за невестой, демонстрация приданого и т. п.), но и о разводах, взаимоотношениях различных поколений в одной семье, об ограничении рождаемости, детоубийствах... Вот почему переводчик счел правильным избрать наиболее широкое понятие — «семейные отношения», хотя, быть может, оно и несколько шире того материала, который предложен нам авторами.

* * *

Старое и новое... Традиции и инновации... Единство и борьба этих противоположностей — основа прогресса: новое может продолжить старое, обогащая его какими-то вариантами, а может отрицать старое, даже не замечая, что само неизбежно выросло из этого старого. Но и старое стремится к самосохранению, к выживанию в новых условиях, всячески приспособляясь к ним — примеры тому многочисленны и в нашей сегодняшней повседневности. Поэтому проблема взаимоотношений старого и нового — в экономике, в различных видах литературы и искусства, наконец, в быту — занимала и продолжает занимать ученых и публицистов, критиков и социологов.

Авторы прочитанной вами книги — французские китаисты, много лет продуктивно исследующие различные стороны преобразований, происходивших в Китае после победы народной революции. Жан-Люк Доменак известен как один из ведущих современных ученых, занимающихся Китаем. Он работает в рамках Национального фонда политических наук, возглавляя Центр изуче-

ния международных проблем (Centre d'études et recherches internationales). Не ограничиваясь изучением текущей периодики и работ китайских ученых, он в различные годы десять раз побывал в Китайской Народной Республике и два года (1976—1978) прожил в Гонконге (Сянган), куда непрерывно поступает обильная неофициальная информация о жизни континентальной части страны (правда, преимущественно из южных провинций).

Перу Ж.-Л. Доменака принадлежат несколько монографий и множество статей. Самая крупная его работа — вышедшая в 1982 г. книга «У истоков „большого скачка“: На примере одной китайской провинции (1956—1958)». В содружестве с другими исследователями он написал книги «Трезвый взгляд на Китай» (1976), «Китай перед всем миром» (1983) и «Китайское общество после Мао» (1986).

Хуа Шанмин, специалист по новейшей истории Китая и сам китаец, работает в Центре исследований и документации по современному Китаю при Высшей школе социальных наук в Париже. В 1981 г. опубликована его книга «Положение женщины и деятельность китайских коммунистов», он был одним из соавторов уже названной книги «Китайское общество после Мао». Вместе с Люсьеном Бьянко он написал работу «Сопrotивление политике одного ребенка в Китае».

Совместный труд двух авторов «Семейная жизнь в Китае» опубликован в январе 1987 г. и построен на материалах (работы китайских, французских и американских исследователей, китайская периодика, как центральная, так и периферийная, и собственные наблюдения) в основном второй половины 70-х — первой половины 80-х годов.

Авторы не только не марксисты, но и настороженно, если не предубежденно, относятся к слову «коммунизм». Но они добросовестные наблюдатели и вдумчивые исследователи. И главное, что их интересует — это как раз сочетание старого и нового, традиций семейной жизни, сложившихся веками, если не тысячелетиями обычаев и обрядов — и нового, настойчиво вторгающегося в привычную жизнь. Это новое вызвано различными причинами: экономическим развитием, урбанизацией, техническим прогрессом (вспомним, как сначала требовали в приданое «три вертящиеся вещи», а потом стали настаивать на холодильнике, цветном телевизоре и стиральной машине) и, в значительной мере, политическими пертурбациями, в связи с чем авторы вспоминают политику КПК в отношении брака и семьи и в старых Советских районах (1934—1937), и в Янъани, и после победы революции: до и после «большого скачка», во времена «культурной революции» и после смерти Мао Цзэдуна.

Перевод — это перевод, переводчик не может менять терми-

нологию авторов, даже если он с ней несогласен, и поэтому полюбившееся им выражение «коммунистический режим» (или просто «режим») остается неприкосновенным и там, где оно выражает вполне понятную неприязнь к партократии всех уровней, и там, где его можно было бы заменить на «органы власти» или даже «народная власть», поскольку, скажем, принятые Всекитайским собранием народных представителей в 1950 и 1981 гг. Законы о браке никак не заслуживают негативного отношения. (Другое дело — их проведение в жизнь администраторами разных уровней.) Справедливость требует отметить, что авторы уловили начало позитивных преобразований после 1983 г., и не их вина, что события последних лет этого десятилетия остались за пределами книги.

Думается, что прочитав эту книгу вы придете к мысли, что с некоторыми положениями авторов можно и поспорить (например, сомнительна мотивация принятия КПК принципа женского равноправия желанием повысить долю женского труда в сельскохозяйственном производстве), но это следует предоставить рецензентам и тем китаеведам, которые сами возьмутся за исследование проблем семейной жизни в Китае во всех ее аспектах, но подойдут к этому с иных методологических позиций. Что касается переводчика, то у него была другая задача — познакомить нашего читателя с интересной и, по сути дела, совсем неизвестной нам стороной жизни китайского народа — великого соседа нашей страны.

Н. Б. Зубков

СОДЕРЖАНИЕ

Предупреждение	3
Введение	4 ✗
<i>Глава первая. СВОБОДА ПОД СТРОГИМ НАДЗОРОМ</i>	15
Закон о браке и практика административных органов	17 ✓
Власть производственной единицы	21
Помощь в заключении брака	29 ✓ ✓
Препятствия к браку по политическим мотивам	36 ✓
Принудительные разводы	39 ✓ ✓
Привилегии органов власти	41 ✓
«Военный брак»	47
Проблема рождаемости	51 ✓ ✓
Магистральная доктрина в области морали	58 ✓
Что надо знать, идя на танцы	59
Доктрина в вопросах пола	62
Охранять семейную ячейку	69
Политика ограничения разводов	71 ✓ ✓
Разобщенные супруги	77 ✓
Матримониальные хитрости	82 ✓
Брачный возраст	85 ✓ ✓
Закон и идеология	86
<i>Глава вторая. КОГДА ДЕНЬГИ ПРИНОСЯТ СЧАСТЬЕ</i>	88
В сельской местности: покупка женского труда	88
Крестьянская стратегия: «перекрестные браки»	98
Замужество девочек	102 ✓ ✓
Торговля девушками-подростками	103 ✓
Странствующие супруги	105
В городе	107 ✓ ✓
Жилье: драма	112 ✓ ✓
Открытое письмо Ван Дунсину	118
Деньги и домашнее хозяйство	121 ✓ ✓
Второе замужество вдов	122 ✓
Содержание престарелых	123 ✓ ✓
Наследование	130 ✓
<i>Глава третья. ТЕНИ ПРЕДКОВ</i>	138
Власть родственников	138 ✓
«Каждому равню»	142 ✓ ✓
Церемония	150
Суеверия	160 ✓ ✓
Отношения внутри семьи	162 ✓ ✓
Женщина в семье	172 ✓ ✓
Детоубийство	179 ✓ ✓
Запрет на вступление в брак	181 ✓ ✓
Заключение	190 ✓ ✓
Прочный институт	190 ✓ ✓
Города и деревни	194 ✓ ✓
Примечания	198 ✓ ✓
От переводчика	212

Научное издание

Доменак Жан-Люк, Шанмин Хуа

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИТАЕ

Заведующая редакцией *З. М. Евсенина*
Редактор *Б. Е. Косолапов*
Младший редактор *Н. В. Бершвили*
Художник *Б. Л. Резников*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. Г. Гущина*
Корректор *Т. А. Кузнецова*

ИБ № 16537

Сдано в набор 19.12.90. Подписано к печати
27.05.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. п. л. 11,34. Усл. кр.-отт. 11,55.
Уч.-изд. л. 11,87. Тираж 5000 экз. Изд. № 7081.
Зак. № 527. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28